

Анастасия Дока

КРУЖЕВА ЛЖИ

ТВОЙ. ЛУЧШИЙ. ВРАГ

Он сам себя назвал ВРАЧОМ и открыл охоту на женщин, а детектив Александра Селивёрстова — на него. Пять жертв, пять головоломок, пять подозреваемых. И всего один шанс узнать правду.

Но как сделать выбор, когда выбора нет?..

Дело под названием «Кружева лжи» не стало сложнейшим в карьере детектива.

Оно стало личным.

Часть первая. ВРАЧ. Глава 1

Поцелуев мост утопал в снегу. Зима колотила по замочкам, которые влюблённые старательно крепили к ограде в надежде таким образом укрепить свою любовь, а детектив Александра Селивёрстова стояла на коленях в снегу и колотила по старой советской кукле, найденной на месте преступления. У куклы было синее платье с кружевным передничком, розовый бантик на свалывшихся жёлтых волосах и в тон к бантику башмачки на небольшом каблуке.

— Ты в порядке?

Александра отпустила игрушку, проигнорировав вопрос. Бриз стоял сзади. Она интуитивно ощущала его сочувствие, сочащееся из глаз и всей позы.

Не стала оборачиваться. Не скинула руку друга, когда тот коснулся ладонью её плеча. Безмолвные слёзы замёрзли на щеках. Она не хотела, чтобы он понял, как ей тяжело. Детектив не привыкла быть слабой. Пусть лучше Бриз думает, что у неё нет чувств. Так легче ей и проще ему. И всем им — тем, кто сейчас столпился за лентой. Тем, кто знал, какие отношения связывали её с жертвой.

— Саш... может, тебя отвезти домой?

Молчание. Слова не желали выбираться на морозный воздух. Александра сжала ладонь в кулак: сквозь латекс ногти впились в кожу. Она хотела почувствовать эту боль. Хотела сорвать перчатки и коснуться голыми руками кукольного личика. Распутать волосы, заплести косичку.

— Саш... Я могу побыть с тобой. Хочешь?

Унять дрожь, успокоить сердце, привести в порядок мысли.

— Мы можем заехать в кондитерскую. Купить бисквитный торт.

Проснуться...

— Или пирожные с разными начинками.

Больше всего на свете она желала, чтобы происходящее оказалось сном.

— А можно всё вместе.

Сном, пугающим своей реалистичностью.

— Саш...

Пугающим своей нелепостью.

— Саша?

Потому что люди так не умирают.

— Ответь что-нибудь.

Мама так не умирают.

— Саша!

В произошедшем она винила Диму.

— Посмотри на меня.

Если бы его не было, ей не пришлось бы выбирать.

— Саша!

Это был жестокий выбор. Бесчеловечный.

Бриз развернул её к себе.

— Чёрт! Да ты же ранена! Скорую! Сюда!

— Ваня, отойди. Носилки!

— Она теряет сознание! Саша! Сделайте что-нибудь!

— Ваня, не мешай!

— В машину её, срочно!

— Саша... ты слышишь?

Бриз плакал.

— Твоя мама жива. Всё будет хорошо.

Наклонился и на ухо прошептал:

— И моя Пуля будет жить. Обязательно будет жить.

Но Александра уже ничего не слышала.

Роза на груди распускалась алым цветом.

За месяц до трагедии.

Ворона, утопая в снегу, проковыляла вдоль балконного отлива, и склонив голову набок, заглянула в окно. Она с любопытством рассматривала перья на руках мёртвой женщины, затем каркнула.

В этом звуке убийце послышалось негодование, недовольство, возмущение. Птице перья явно не понравились: искусственные, неряшливо приклеенные. Но дело сделано, ничего не исправить. Если только добавить чуть-чуть блеска. Теперь убийство выглядело лучше, поярче, что ли. В конце концов Ангел всегда блистала. Мёртвому Ангелу блёстки шли не меньше.

Ворона снова каркнула и полетела прочь. Пара беспокойных синих глаз провожала её с чувством беспокойства, неудовлетворённости. Линзы кололи роговицу, но осознание того, что труп выглядит неидеально, кололо куда сильнее как физически, так и морально.

Когда птица скрылась в бархатных сумерках, из горла убийцы вырвался тяжёлый вздох. Взгляд вернулся к распростёртому телу, а пальцы сами взялись делать то, что у них всегда получалось отменно — наводить красоту. Время ещё оставалось: минут двадцать, может, двадцать две.

Последний взгляд на жертву, чувство почти радости, скользкая змея-улыбка, учащённый пульс, попытка отдышаться на морозном воздухе и воспоминание о лежащей в ванне блондинке. Тревожило не столько то, что уже произошло, сколько то, что ещё предстояло. Убитая не вызывала жалости, лишь презрение и что-то близкое по силе к ненависти.

Снег упал на раскрытую ладонь, и память обожгло раздирающе-холодным воспоминанием, застывшим в сердце так же, как взгляд Ангела — навсегда.

Вдох, секундная задержка, выдох.

И ты... Короткая фраза: обрубленная, неясная. Но в ней заключалась целая гамма эмоций, способных сжечь в предсмертной агонии, отравить ненавистью и ядом кураре, затянуть в трясины безумия, утопить в ледяной воде.

Касание экрана.

— *И ты...*

«Отправить».

Глава 2

Новый год не спеша подбирался к порогу. Он уже заглянул в окна, развесив снежинки: как настоящие, так и старательно вырезанные Александрой, припорошил снегом крыши, усыпал кристаллами дороги и тротуары. Настроение не то, чтобы было праздничным, но предвкушение чего-то сказочного, родом из детства, уже месяц осторожно подбиралось к детективу и наконец осело в душе, пробудив интерес к выбору подарков.

Александра сидела на сайте «Алиэкспресс» и с наслаждением рассматривала ассортимент: начать решила с себя и своей любимой детали гардероба — носков. Взгляд скользнул по разноцветному хлопку и чёрно-белой шерсти, ненадолго задержался на коллекции оттенков тёплой осени и замер на алом плюше. Конечно, носков в различных вариациях красного у неё было полно: в пакет не умещалось всё разнообразие и пришлось разделить на две части. Одна хранилась в тумбочке под телевизором, другая в спальне — в нижнем ящике стола. Но модели с «Али» отличались от уже имевшихся. Во-первых, на месте резинки шёл белый кружевной узор: он состоял из снежинок разного диаметра. Во-вторых, мысок и подъём украшали силуэты блестящих объёмных ёлок, и, хотя детектив не любила мишуру со всяким люрексом, в данном случае каждая деталь занимала своё законное место. А в-третьих, и это являлось главным фактором, носки подкупали своим цветом: такого алого, плавно переходящего в сангиновый у неё точно не было, а поскольку взаимоотношения с цветом у детектива были особыми, то устоять она не могла.

Заказала из той же коллекции бирюзово-синие, лилово-голубые и фиалковые, подумала и по акции взяла пару шарфов: один — универсальный серо-чёрный и два новогодних цвета бордо с ёлочными шарами в серебре и золоте. А затем для полного комплекта и безграничного счастья приобрела перчатки.

— Красные, как твоя любимая кровь, — раздражённо заметила мать по скайпу, позвонив как раз в тот момент, когда Александра завершила покупку. — Везде эта твоя отвратительная работа, — добавила она тоном, полным презрения. Для убедительности ещё и скривила рот, будто без этого дочь не понимала, как «замечательно» мама относится к делу всей её жизни.

— Не красные, а рубиновые, — устало поправила Александра. — Мам, а ты сама что хочешь в подарок?

— Не переводи тему. Закажи пока не поздно другой цвет: чёрные — универсальные. Или бежевые. Да хоть белые, в конце концов! Но только не эти перчатки!

— Не начинай. Заказ оформлен.

— Не можешь ты без крови, — мать вздохнула. — Надеюсь, хоть на ёлке не будет красных шаров?

— Мама, это всего лишь цвет. И шаров не будет вообще.

— Всего лишь цвет? — хмыкнула та, — кто бы говорил? Ты и сама знаешь, что подсознание не дремлет, а твоё только и делает, что сходит с ума от разных убийц и психов, поэтому ты и выбираешь красный.

— Рубиновый, — сквозь зубы процедила Александра, — и давай сменим тему.

— Твоя страсть ненормальна. Все твои подруги...

— Подожди. Ты опять видела одну из моих одноклассниц?

— Да.

— Не слушай других, мама. У каждого своя жизнь. Тема закрыта.

— Но мама права. Только у тебя в жизни сплошные убийцы, — хмуро произнесли с экрана.

— Папа...

— Папа-папа, и не груби матери.

— Я не... Неважно. Мне пора.

— Подожди! А почему не будет шаров?

— Потому что, мама, я так хочу! Подумайте с отцом, что хотите в подарок. Через два дня позвоню, — Александра вышла из скайпа, выключила ноутбук, растворила свою досаду в чае с бергамотом, и прихватив коробку с печеньем, вернулась в комнату.

С родителями всегда возникали трудности и удивляться шероховатостям в разговоре не следовало, но горький осадок всё равно оставался. Грубо разорвав упаковку, Селивёрстова вернулась к ноутбуку. Продавец, принявший заказ, совершал отправку только на следующий день, а значит обожаемые носочки придут не раньше двенадцатого января — может и чуть позже, но Александра могла потерпеть, а друга Бриза хотелось порадовать в положенный день — перед боем курантов, как это происходило всегда, на протяжении вот уже пяти лет. Изначально они с Иваном Резниковым вместе работали в полиции: она была следователем, а он — криминалистом. Позднее Александра ушла в частные детективы, но это не помешало им сохранить те же прекрасные отношения. Она его ласково называла Бризом.

— Так как в нашей паре царит доверие и понимание, — она перебирала разные штуки для автомобилистов, — лучше всего будет сделать... — замерла на подушке в форме пистолета, — неожиданный подарок.

На губах расцвела улыбка.

Подушка приглянулась сразу: внешний вид в тему, да ещё и наполнитель антистресс, но этого было недостаточно. Подобному Бриз бы не удивился, поскольку разные приколы Александра дарила ему и на предыдущие праздники: сейф-обманку, пистолет-хлопушку, брелок «Самому сексуальному криминалисту». Бриз принимал дары, радуясь, как ребенок, а вместе с ним всегда радовалась и она. Бриз неизменно вызывал положительные эмоции. Александра любила его. Жаль только, что любовь к нему не шла ни в какое сравнение с той, что она испытывала к Диме.

Частный детектив Дмитрий Соколов, работавший на Управление по особо важным делам, появился в её жизни неожиданно, во время работы над совместным расследованием. Их встреча была ошибкой: слишком похожими и в тоже время слишком разными они оказались. Расставание прошло драматично, и теперь любое воспоминание о Соколове отзывалось болью.

Пыткой становился каждый незнакомый номер, высвечивавшийся на мобильном. Услышать голос Димы хотелось так же отчаянно, как не слышать никогда. Противоречивые эмоции разрывали Александру каждый раз, когда в толпе мелькал мужчина с галстуком цвета индиго. Она замирала, стоило услышать окрик «Дима!». Александра думала о нём, проходя мимо пекарни; глядя на проезжающий мимо серый «Мерседес»; когда в колонках звучал шансон, и когда готовила бутерброды.

Она скучала по его насмешливому взгляду, издевательскому тону, тёплому голосу и властным объятьям. Она ненавидела Диму за то, что он был самим собой и ненавидела себя за то, что сама не могла быть с ним настоящей.

— Дьявольская муть... — недовольно выразилась детектив, отсекая воспоминания и чувства. — Хватит. Он ушёл из моей жизни. Пора перестать ловить эхо прошлого (отсылка к

произведению «Эхо над бездной»).

Подумала о работе, улыбнулась — расследования всегда выручали в минуты грусти. А ещё справиться с любой проблемой помогал Бриз. Когда они с Димой расстались, он был рядом.

Друг всегда оставался рядом.

Александра вновь начала размышлять о том, как удивить Ваню. Подушка подушкой, но он был достоин лучшего из всего того, что можно было придумать. Взяла телефон и набрала номер. В голове зажглась отличная идея.

Тот, кого так сильно хотела порадовать Селивёрстова, стоял в магазине и тоже выбирал подарок. Иван Резников больше часа глазел на универсальный комбайн. Производители обещали нарезку овощей «соломкой», «кольцами», «дольками». Так же в наборе была насадка для картофеля «фри», соковыжималка, венчик для взбивания крема и насадка для теста — набор для ленивой или очень занятой хозяйки.

Пуля, как Иван любя называл Александру, относилась к категории ну о-о-очень занятых женщин. Хозяйкой её язык назвать не поворачивался: готовка, уборка — это не про Пулю. Разгадывание криминальных шарад — да, с радостью и нездоровым энтузиазмом, а что-то по дому — только в условиях невероятной скуки. Однако Бриз объяснял такое отношение отсутствием правильной техники, вроде того же кухонного комбайна.

Сначала он собирался подарить навороченный пылесос, но вспомнил, что дома у Пули достаточно чисто, а потом взгляд упал на комбайн, и тут то Бриз вспомнил о том, как впервые попробовал драники, булочки и торт, приготовленные в дни, когда подруге было скучно и решил, что это будет лучшим подарком. Он рассуждал так: возможно, она и не прочь готовить, но времени действительно не хватает, а имея такой многофункциональный прибор, сможет и заниматься расследованием, и нормально питаться. Бриз отлично знал, насколько сильно Александра любила разную выпечку и живо представил, как с помощью этой громадины она перемешивает тесто для пирога или того же бисквита: последнее Пуля обожала, и он каждый раз приносил ей что-то из бисквитной «оперы».

Но также, что скрывать... Он хотел вновь увидеть Сашу у плиты. Мечтал, чтобы она готовила только для него. И вместе с тем Резников понимал: такие желания — лишние элементы в дружбе, поэтому старательно загонял поглубже подобные мысли.

Решившись на покупку, Иван позвал консультанта, чтобы лично убедиться в работе комбайна, а когда всё оказалось в порядке, и товар начали упаковывать, у него возникли серьёзные сомнения. Безусловно, Новый год — не день рождения и не нуждается в таком уж личном подарке, но по какой-то причине комбайн сейчас выглядел самым нелепым вариантом из всех возможных: будто Бриз навязывал Пуле то, что ей было несвойственно.

И всё же из магазина он вышел с коробкой.

— Пригодится, — решил, убирая технику в багажник. — С этой штуковиной готовить проще.

Но мысль о чужеродности комбайна не давала покоя всю дорогу. Оказавшись дома, Иван уже не сомневался: с подарком прогадал.

Глава 3

Жизнь Снежаны разделилась на «до» и «после». Что было «до» сейчас казалось замутнённым стеклом чужого маршрута: будто те события никак не касались самой Снежаны. Ни её слёзы орошали холодный пол в крохотной кухне третьего этажа. Ни её тело

изнывало от боли, укрытое лишь стыдом и сожалениями. Ни её имя повторялось в ночи, чередуясь с проклятиями и словами любви, бьющими сильнее кулаков. Будто кошмара и вовсе не было на страницах её истории. И хотя ЕГО футболка до сих пор лежала в той самой Коробке, Снежана готова была отпустить прошлое, бесщётное раз причинившее ей физическую боль.

Готова была вычеркнуть то, что расколело психику на тысячи осколков.

До сих пор она просыпалась в холодном поту, разбуженная собственным криком. Это случалось всё реже, но окончательно не ушло. Иногда Снежана садилась у окна и смотрела на луну, радуясь и одновременно с тем ужасаясь воспоминаниям, гейзером, бьющим посреди темноты... тишины.

Она и раньше любила одиночество, но особенно чутко время уединения стало восприниматься после расставания с НИМ. Память подбрасывала фрагменты, заполненные болью, сожалением и свободой. Свободой от того, что всё позади — это были перевернутые страницы: бесконечные, мрачные, но они в прошлом. Хотя Снежане хватало смелости признаться: без них жизнь была бы неполноценной. Нельзя просто взять и оторвать от себя часть прожитых дней, даже если в них кровавые подтёки на бёдрах, убитое жестокостью доверие и угнетающий смех во время просмотра фильмов. ОН вообще часто смеялся и любил американские картины.

Снежана тоже их смотрела, потому что не смотреть было нельзя.

Теперь одна лишь заставка «Уорнер Бразерс» вызывала икоту и желание поскорее спрятаться — закрыться в ванной комнате, включить душ и стоять под ледяной водой до тех пор, пока кожа не покроется иголочками, пока онемение ног не вернёт к реальности, доказывая, это не сон. Снежана жива. Всё прошло. Она в безопасности.

Отношения с НИМ сказались на её привычках. Каждое утро Снежана проверяла электронную почту и вздрагивала, обнаружив письмо в графе «спам». Затем успокаивала нервы яблочным соком, потому что только его не пил ОН — всё остальное оказывалось на её халате, пижаме, праздничном платье. Например, как в тот раз, когда Снежану пригласил на выставку одноклассник.

Матвей писал картины и приглашал всех знакомых. Снежана не была единственной или какой-то исключительной, но ОН понял всё иначе и наказал любимую женщину.

Она и сейчас чувствовала аромат ЕГО туалетной воды, прикосновения к телу: сначала нежные, через секунду грубые. ОН по-звериному обнюхивал её платье, пытаясь выйти на запах будущей измены. В ЕГО голове она уже совершила преступление. В ЕГО глазах Снежана всегда оказывалась виноватой.

После стакана с соком она садилась завтракать. Ничего особенного: гречневая каша без масла, потому что ОН научил её ненавидеть масло. И долька яблока — привычка с детства. Её мама обожала яблоки и добавляла их всюду: в салаты, пироги, чай, плов. Только в мамином рецепте среди мяса, чеснока и риса находилось место яблокам. И это было вкусно.

Снежана скучала по детству. В нём не было знакомства с кареглазым парнем, разбившим ей лицо. Сломавшим руку.

Был только запах яблок, разлетавшийся по квартире, и странный, но такой вкусный плов по субботам.

За утренней трапезой следовала прогулка: неважно куда, лишь бы не сидеть в квартире. ОН не работал и поэтому после завтрака начинал проявлять «любовь», от которой ломило всё тело и огнём сжигало душу. Пепел — вот что, он оставил внутри Снежаны. Много пепла.

Прогулка могла заканчиваться у соседней «Пятёрочки», продолжиться в парке или завершиться на скамейке у дома. Снежане не обязательно было идти — покинуть место, в котором не осталось уголка для светлых воспоминаний — это было главным.

Довольно часто прямо на улице с ней случалась паническая атака — ненастоящая, но реальная для Снежаны: дрожащие руки, учащённое дыхание, сердце где-то в лопатках, слёзы, рвущиеся наружу и застывающие комом в горле.

Плакать она перестала в тот день, когда начала жить без НЕГО.

Возвращаясь домой, Снежана оборачивалась, и заметив на этаже мужскую фигуру в дутом пуховике цвета асфальта, вынимала мобильный из кармана и замирала на цифре «1». Ни разу ей не довелось набрать 112 — каждая дутая куртка оказывалась безопасной.

Она долго сидела в коридоре, не решаясь войти в комнату и страшась увидеть ЕГО тапки с вышитым бульдогом, медленно снимала обувь, верхнюю одежду, заглядывала за угол, вздыхала с облегчением. До встречи с НИМ она включала музыку и начинала вязать под звуки «Love radio», теперь же работала в полной тишине, прислушиваясь к каждому шороху. На ночь на окна опускались плотные шторы, входная дверь проверялась трижды. Ровно три — столько лет Снежана страдала в домашнем плену.

В последний раз она встретила ЕГО у подъезда. В тот день Снежана так испугалась, что выронила из рук пакет: в нём был подарок для отца — слон на очередную годовщину смерти бабушки.

Отец, Всеволод Яковлевич коллекционировал стеклянные фигурки. Кто-то скажет женское хобби и окажется прав. Но он таким вот своеобразным образом чтит память — извинялся за то, что предпочёл оставить мать на старости лет одну и занимался собственной жизнью. Он и навещал-то её нечасто, хотя жил в часе езды от отчего дома. Мария Семёновна всегда мечтала увидеть слона не в зоопарке, не в кино, а в естественной среде. Сын обещал оплатить поездку в Таиланд, но не успел — она скончалась от инсульта.

Статуэтка в пакете Снежаны должна была стать десятой, но она разбилась, превратившись в мусор на заснеженной дороге в тот момент, когда мужская рука легла на плечо.

— *Снежа, я скучал.*

Она ненавидела это сокращение. В детстве её часто называли Снежей: друзья, одноклассники, даже мама, но это всё было до того, как ОН нанёс алую краску на такие простые буквы. Несмываемую краску стыда и боли.

Их встреча закончилась криком: сначала Снежана позвала на помощь. Выходивший из машины сосед подошёл узнать, что случилось. Затем ОН наорал на спасителя и двинул прочь.

Снежана ещё долго дрожала, продуваемая зимним ветром и ЕГО взглядом. А после, закрывшись в квартире, глотала пустырьник в таблетках, сжимая мобильный. Мама просила позвонить, если ОН вдруг объявится, но Снежана не хотела её беспокоить.

К счастью больше они не сталкивались, и Снежана понемногу начала выбираться из кокона, сотканного толстыми нитями страха. Но это всё было «до».

А «после» она познакомилась с Марком.

Они встретились полгода назад. Если точнее, шесть месяцев и девять дней. Она высчитывала. Снежане было необходимо пересчитывать то, во что верилось с трудом. Без чисел она бы воспринимала происходящее в лучшем случае сном, в худшем — безумием. Но

с точной датой, помеченной в телефоне как день Счастья, «после» становилось правдой.

Марка она повстречала, возвращаясь от психолога. Она ездила на сеансы каждые два дня, и каждый раз перед Снежаной стояла одна и та же задача: открыть душу, убрать оттуда грязь и поехать обратно очищенной и свободной. Проблема заключалась в том, что сеансы никак не помогали. Ей не удавалось обнажить чувства настолько, чтобы рассказать, как муж обучал правилам общения с ним, поливая её завтраком. Как выбрасывал поглаженные ею вещи в мусорное ведро, а после заставлял покупать новые. Дороже. Только лишь потому, что она заикнулась о красивой рубашке клиента или предложила ЕМУ одеться к её маме понаряднее.

Не могла Снежана рассказать о безудержной страсти, окольцованной безумием, жестокостью; о совместных вечерах, когда у неё было лишь одно желание: стать невидимкой, потерять сознание. Умереть.

Она часто думала, что лучше так, чем жить под гнётом ЕГО любви. Но даже смерть для Снежаны была под запретом.

— *Я не хочу стать вдовцом, пойми,* — говорил ОН, таская её за волосы по спальне. — *Но, если ещё раз увижу, как ты заигрываешь с клиентами, сломаю тебе ещё и правую руку. Тогда ты точно не сможешь работать, и клиенты отвалятся. Ты меня поняла, Снеж?*

Она кивала, глотая слёзы.

Той ночью, сотню раз убедившись в том, что ОН крепко спит, она выбралась из кровати, прихватив телефон со столика, и пошла в ванную: отмываться от НЕГО и своей слабыхарактерности. Стоя под струями горячей воды, Снежана впервые задумалась о побеге: она хотела бежать. Но не от мужа — от несчастной жизни.

Ступила на кафель, вставила наушники, взяла маникюрные ножницы, примерилась к вене на запястье и зажмурилась. Страх схватил резко, заставив глотать воздух. Его сила не давала Снежане дышать. Только когда муж наклонился, дыхнув нечищеным ртом, она поняла, что душил не страх, а ОН.

ЕГО руки ослабли — отпустили.

— *Я не стану вдовцом, Снеж,* — произнёс муж и хлопнул дверью, забрав с собой телефон и ножницы.

Она долго плакала, прижавшись лбом к холодному полу, боясь выйти и увидеть ЕГО. Через час, показавшийся вечностью, муж сам вынес Снежану из ванной комнаты, обтёр полотенцем, уложил в кровать и не притрагивался до самого утра к её израненному страхом телу.

Следующий день прошёл спокойно: молчаливый завтрак, уход мужа на балкон с сигаретой, и попытка Снежаны выполнить заказ.

«*Если бы все дни были такими...*» — с грустью думала она, глядя на ЕГО широкую спину, обтянутую клетчатой рубашкой. Как же она ненавидела эту рубашку. С неё началось их знакомство. Её же она теперь хранила в Коробке.

Психолог Милана Георгиевна считала хранение ЕГО вещей ужасной ошибкой, тормозом по восстановлению личности самой Снежаной, но сама «жертва», — как всегда выражалась психолог — считала иначе.

— *Почему вы так держитесь за свою боль?* — в очередной раз спрашивала Милана Георгиевна.

— *Я не готова,* — снова и снова вздыхала Снежана, отвечая не только на этот вопрос,

но и все прочие.

Сердце отказывалось принимать помощь от женщины с идеальным тоном кожи и совершенным телом, упакованным в костюм профессионального эстета. Снежана не верила в способность Миланы прочувствовать и понять то, что она пережила и переживала до сих пор.

Неестественная улыбка, притворная жалость, дорогие туфли и взгляд на мобильный: *Когда же закончится сеанс, и я, наконец, получу свои деньги?* Только это видела Снежана в умело подведённых глазах психолога. В ней и сейчас сохранилась уверенность: она приняла верное решение. Снежана радовалась тому, что не пришлось объяснять причину — Милана Георгиевна перевелась в другой центр и сама отказалась от клиентов.

— *Мы с вами договаривались о пятнадцати сеансах,* — говорила она, листая ежедневник, — *если вы решите продолжить, придётся ездить на другой конец города. Вы живёте на Гарькавого. Вам это удобно? Думаю, нет. Я могу посоветовать другого специалиста. Хотите? Не сомневаюсь, когда-нибудь вы справитесь с вашим кошмаром, но помочь вам сможет лишь тот, кто вызовет доверие, и это не я. Так вам дать телефон другого специалиста?*

Снежана отрицательно помотала головой. Она молча покинула кабинет, испытывая небывалую лёгкость, всё-таки встречи с психологом её подавляли. Теперь же она была свободна.

— *Я справлюсь,* — убеждала себя Снежана, направляясь к метро. — *Когда-нибудь я обязательно стану целой.*

Сидя в вагоне и пряча взгляд от пассажиров, она вспоминала о том, как у них с мужем всё начиналось. Думала ли она в тот миг, каким несчастьем обернётся согласие на всего один совместный ужин? Нет. Снежана не подозревала, сколько злобы и сумасшествия скрывается под непримечательной внешностью массажиста. ЕГО улыбка, глаза отвечали всем её желаниям: грели, радовали. Возбуждали.

Если бы Снежана предугадывала будущее, несомненно остереглась бы принимать от НЕГО цветы, но она их взяла и благодарно улыбнулась, тем самым подписав себе приговор.

Милана Георгиевна не знала даже об этом: отвлекаясь на радужные детские рассказы, Снежана умалчивала обо всём, что так или иначе приносило боль. Психологи из книг утверждали, что корень любой проблемы таится в детских воспоминаниях, и она без зазрения совести тратила сеансы на истории о семейных вечерах, проведённых под аккомпанемент материнской игры на фортепьяно и шелест отцовского sudoku. Рассказывала о дипломатии в семье и быстро разрешающихся конфликтах; о самом вкусном в мире свекольнике и самых тёплых объятьях. За пятнадцать сеансов Снежана успела нарисовать едва ли не идеальную картину семьи, воплотив в словах ту модель отношений, которой стремилась достигнуть и с мужем. О том, что ОН видел счастье в кривом зеркале, естественно, умалчивала.

Все беды идут из детства? Снежана сомневалась. Отец никогда не унижал маму, не воспитывал кулаками, не заставлял глотать слёзы вместе с кровью.

— *Не реви, Снежа. Это всего лишь разбитая губа,* — муж стоял, облокотившись о дверной косяк в кухне. — *Ты сама виновата. Я просил не общаться с другими мужчинами, ты не послушалась.*

— Это всего лишь... сын маминной подруги, — тихо отвечала Снежана. — Мы — соседи по даче. Просто... соседи... по даче.

— А это просто губа, Снежа, просто разбитая губа.

Вагон качался, а вместе с ним качалась и она: волны памяти несли новые и новые фрагменты, не желавшие открываться для Миланы Георгиевны и легко вступающие в контакт с душой Снежаны. Она берегла эти частички.

Даже сейчас — в период «после» — обрывки прошлого так и висели в сердце, надёжно спрятанные под ласковыми словами Марка и его заботливыми прикосновениями.

Невероятно красивый мужчина из метро шагнул навстречу Снежане, раз и навсегда проведя черту между «до» и «после».

Нередко ей казалось будто «до» происходило с кем-то другим, теперь же ей казалось, что и Марк нереален. Он понимал её как никто, чувствовал настроение, ни на чём не настаивал. Муж и Марк оказались абсолютными противоположностями. Первого она боялась, второго боялась потерять. Нет, она не зависела от его зелёных глаз и вполне могла бы жить без него. Могла бы даже никогда с ним не встречаться, не слышать голоса, не ловить по ночам дыхание.

Не зависимость и не страсть удерживали в мужских объятьях. Вера в то, что Марк сможет её излечить. Вернёт Снежане себя — вот, что лежало в основе желания быть рядом. И всё же, хотя она не слишком активно обдумывала эту мысль, ощущение страха рядом с Марком тоже возникало. Он был чересчур хорошим — настолько, что часто воспринимался обманом, и это настораживало. А тут это странное сообщение...

«И ты...»

Фраза, несущая тайну.

Марку нравилось присылать оборванные предложения, вроде «Я тебя лю...», «Ты у меня самая краси...», «А дома тебя ждёт сю...». И первое время такие послания вызывали лишь недоумение. Но пару дней назад Снежана начала слышать в них угрозу. Возможно, это ничего и не значило: сожитель дурачился, не более. Но в жизни Снежаны слишком многие вещи окрашивались алым и чёрным, и поэтому она не могла избавиться от напряжения. Тем более, что сегодня звонила Виталина и сообщила, что ЕГО выпустили досрочно. Как быстро летит время... Муж на свободе, а значит вместе с ним совсем скоро наружу выберутся и все фобии, приглушённые сладким «после» и поддержкой Марка.

Снежана вновь прочла текст и задумалась о столь удачном совпадении: ОН на свободе. Послание с неизвестного номера. Надо же! Она только сейчас заметила, что телефон не принадлежит Марку! Привыкшая к его «оборвышам», Снежана упустила самое главное — Марк ни при чём! И сразу стало легче, на сердце теплее. Страх моментально обрёл статус надуманности.

— Но... если это не Марк, — вслух рассуждала Снежана, — тогда кто прислал сообщение? И что оно значит?

В замке повернулся ключ. В комнату вошёл красивый мужчина. Она повернула голову, и невольная мысль, что стоящий в проходе человек — иллюзия, проникла в сознание, заставив сомневаться в реальности происходящего. Снежана ни за что бы не призналась ни себе, ни окружающим, но её самооценка валялась где-то там — в спальне, завёрнутая в ЕГО рубашку. В брачную ночь не было ласк, нежности, объятий, лишь квадраты на ткани мелькали перед глазами, пока муж хлестал Снежану, наказывая за невинный разговор с другом.

— Ты в порядке? Ничего не случилось? — Марк подошёл, присел рядом на диван. Не

получив ответа, заглянул в телефон. Нахмурился. — Это от него? Я слышал этот подонок вышел из тюрьмы. Он тебя достаёт?

— Н-нет. Не знаю... — она отбросила телефон и прижалась к его груди. — Он не знает мой новый номер. Может... ошиблись?

Снежана не стала рассказывать о подозрениях относительно самого Марка — они были глупыми, совсем сумасшедшими. Возможно, и вправду кто-то перепутал телефон, а она тут уже возомнила себя героиней банального триллера. Улыбнулась.

— Ты точно в порядке?

— Да. Я подумала, как должно быть смешно выгляжу: какой-то тип ошибся номером, а я умираю от страха.

Он крепко обнял её, вдыхая запах травяного шампуня.

— Не бойся, Снежинка. Михаил тебя больше никогда не тронет.

Произнес ЕГО имя и будто усилил чувство опасности, наполнив воздух тем самым страшным «до».

— Я могу узнать, кому принадлежит номер. Это делается легко, — напомнил Марк, доставая из кармана куртки собственный мобильник.

— Да. Я... я была бы благодарна, — улыбнулась она. — Мне станет чуточку спокойнее, когда я пойму, что зря волновалась.

— Конечно, диктуй номер.

— Сейчас. — Она не успела сдвинуть экран.

Поступивший звонок иголкой жуткого предчувствия кольнул сердце. Вверху высветилось имя «Вита», под ним фото улыбающейся подруги. Почему-то Снежана подумала, что сейчас услышит что-то плохое. Затаив дыхание, нажала «принять», и услышала плач.

— Сне... Сне...

Снежана тяжело сглотнула, прижала телефон к уху, закусил губу до крови.

— Сне... жана, — наконец сумел произнести охрипший голос. — Наша Ангелочек... Её... убили...

Если и было «после», то сейчас оно разбилось вдребезги, обволакивая настоящее яркой дымкой. Медленно поворачивая голову, цепляясь взглядом за черты красивого лица, Снежана силилась понять, что всё это значит. Сегодня Марк пришёл позднее обычного, потому что встречался с Ангелом. Снежана сама попросила зайти к ней: у Ангела закончилась пряжа, а офис Марка располагался неподалёку от её дома. Ему нужно было передать нитки, всего лишь передать нитки. А теперь Ангел мертва. И это не укладывалось в голове.

— Снежана! Ты слышишь? Я... я... — в трубке всхлипнули. — Я вызвала полицию. Светлана Ильинична... едва держится на ногах. Думаю... придётся вызвать скорую, хотя... хотя она и отказывается. Снежана... Ты нужна нам.

Опущенная рука, тревожный голос в трубке.

— Снежана... Приезжай...

Сердце забило в агонии, кровь кипятком разлилась по венам. Снежана отключила связь, медленно поднялась, обошла диван, подошла к окну, свободной рукой взяла с подоконника цветочный горшок.

— Ты отдал нитки Ангелу?

— Нет. Её... не было дома. Но что произошло? Снежинка, что?

— Марк, я хочу знать правду. Ты был у неё? Тебя ведь она раздражала.

— Неприятная. И что? Снежинка... — он сделал шаг вправо.

— Не приближайся! — вскинула руку. — Иначе я разобью горшок о твою голову!

— Тише. Тише.

— Молчи! Отвечай! Что изображено на шторе в её ванной?

— Не знаю. Снежинка, я рядом, всё хорошо. — Марк обогнул диван, сделал шаг навстречу Снежане, но та замахнулась горшком, доказывая серьёзность намерений.

— Отвечай! — закричала она. — Отвечай! Кто на шторах? Бегемоты или олени?

— Не знаю. Снежинка, давай...

— Бегемоты или олени?

— Да бегемоты-бегемоты! Только тише, успокойся. Я подойду к тебе, хорошо?

— Бегемоты... — эхом повторила Снежана. — Но ты бы этого не знал, если бы не побывал у неё дома — она купила шторы только вчера. Ты меня обманул. Ты...

Горшок полетел в сторону Марка.

Глава 4

Александра не могла дозвониться до мастера: трубку никто не брал, хотя в это время Ангелина как раз принимала звонки. Детектив ждала час, но ей не перезвонили, на сообщение не ответили. Ватсап, ВКонтакте и прочие социальные сети хранили молчание. Селивёрстова не относилась к людям с ярлыком «паникёры», но сейчас нервничала не на шутку. Посетив личный сайт рукодельницы и просмотрев время последнего визита, она окончательно убедилась в своём ощущении: что-то случилось. Как иначе объяснить, почему дотошная Ангелина, «Ангел со спицами», за последние три часа не ответила ни на один вопрос покупателей?

А потом позвонил Бриз.

— Пуля... я... я вышлю снимки на почту.

Васильеву Ангелину Ефимовну — рукодельницу сайта «С миру по нитке» обнаружили мёртвой в квартире матери. Она лежала в ванной за розовой шторой с бегемотами.

Женщину задушили, а затем утопили, предварительно связав бечёвкой и лентой. Концы длинной вишневой материи обхватывали худые лодыжки поверх верёвки, поднимались вверх, с помощью портновских иголок перекрестьем крепились к талии, и затем, «обнимая» груди, соединялись, образуя сердце.

На жертве было длинное платье из бордового шёлка. Руки от плеча до запястья покрывали искусственные перья, в основном белые, но штук десять-двенадцать было чёрных. Все перья изобиловали блёстками. На лице убитой присутствовал макияж: лёгкие розово-жёлтые тени, чёрная тушь, светло-розовая помада. От воды тушь потекла, образовав кляксы под глазами. Голову Ангелины венчал пластмассовый обруч, к нему крепилась проволока с нимбом из белых перьев.

На столике рядом с зеркалом стояла пустая бутылка вина Бастардо, рядом два бокала. На одном чёткий след розовой помады, второй бокал чистый — пустой. На зеркале руна подарка, ниже сердце с отколотым правым краем.

В гостиной круглый стол, накрытый белой скатертью, два комплекта посуды, ваза с виноградом, коробка шоколадных конфет в форме сердца. На полу чёткие следы волочения, царапины от каблуков, перья. Туфли бордового цвета нашли на кухне в мусорном пакете. Там же лежали несколько перьев и фотография Ангелины с мужчиной.

Глядя на снимок, нельзя было не признать: человек, обнимавший покойную, родился, чтобы покорять женские сердца.

Сердце Александры не сошло с ума, но желание познакомиться с красавцем в нём зародилось.

Мужчину с фото видели у подъезда. Совпадение или нет, но произошло это ровно за полчаса до того, как мать жертвы и её коллега, она же подруга, Чурина Виталина Алексеевна, нашли Ангелину.

Александра сидела на кухне с кружкой обжигающего чая в одной руке и «ягодным лукошком» в другой. Взгляд голубых глаз, чуть прикрытых косой чёлкой, был устремлён на друга, сидящего, напротив. Иван уткнулся в протянутую ему книгу — старался не выдать собственного беспокойства из-за реакции Пули. Не так должна была она вести себя, узнав про убийство. Совсем не так.

А книга была любопытной.

На днях Александра познакомилась с занятной новинкой по физиогномике. В ней приводилась китайская теория о чтении лиц на основе пяти стихий: воды, дерева, почвы, огня и металла. Детектив уже применила предложенную китайцами классификацию к собственным родителям — всё совпало — и теперь жаждала поделиться новыми знаниями с Бризом, а заодно и предложить ему попробовать методику на общих знакомых.

— Интересно, — отложил книгу и взглянул на Александру, — это касается твоего нового дела?

— Нет. Гуляла по «книжному» и наткнулась.

Каждый, кто хотя бы в малой степени был знаком с Пулей, знал о всепоглощающей любви к литературе. Книжный шкаф — гигант, стоящий на самом видном месте в гостиной, держал на своих многочисленных руках труды по химии и физике, биологии и анатомии, психологии и медицине, искусствоведению и иностранным языкам. Здесь соседствовали Шопенгауэр и Лермонтов, Дюма и Тилье, Кинг и Спаркс, Гейман и Луганцева.

Селивёрстова была убеждена, что образованность и широкий кругозор для уважающего себя человека важны ничуть не меньше общепринятых человеческих добродетелей. В том же старалась убедить и Ивана. А тот, хотя и не был таким уж сильным любителем чтения, с удовольствием следовал рекомендациям подруги относительно книжки на вечер — её вкусу он доверял больше собственного, да и со всем остальным спорить не собирался. Ну, а в эту минуту готов был сознаться в том, что теория китайцев его тоже заинтересовала.

— Бриз, тебе это тоже кажется увлекательным. Не так ли? Я по лицу вижу.

— Ты предлагаешь испробовать методику друг на друге? А поговорить об Ангелине не хочешь?

— Я хочу классифицировать парочку людей, — убежала от темы.

— Ладно, — согласился, про себя подумав: «Может, оно и к лучшему. Пусть придёт в себя. Пуля терпеть не может слабость, а сейчас она слаба. Пусть отвлечётся». И продолжил: — Согласен, но, счастливиц выберу я, договорились?

Она кивнула, ни капли не сомневаясь, его выбор будет точно таким же, как и её: общих знакомых-то было не так много, а интересных среди них вообще единицы.

— Записываю, Бриз. Совпадут ли наши кандидатуры?

Лёгкая улыбка скользнула по его губам.

Она обрадовалась. Эгоистично, но эта эмоция перекрывала боль от утраты Ангелины.

Хотя и в отношении Бриза Александра переживала не меньше.

После недавней кончины матери, друг был сам не свой. Внутри него словно поблекли все краски. Она боялась, что его настигнет депрессия, и сходила с ума от одной только мысли, во что та может вылиться.

Иван Резников был отличным другом, замечательным криминалистом, любящим сыном и настоящим джентльменом. Но он был слабым человеком, рождённым от слабых людей. В трудные минуты его родители спасовали. Конечно, трусость, так же, как и слабость есть в каждом человеке, но у одних она берёт верх, у других остаётся в тени. Семья Бриза относилась к первой категории. Александре оставалось лишь надеяться, что его заинтересованность не напускная. Впрочем, она неплохо разбиралась в людях и видела искренний блеск в глазах друга. Кажется, депрессия отступила: боль утраты, какой бы она ни была сильной, больше не правила Иваном. Селивёрстова могла вздохнуть с облегчением — смотреть, как друг напивается, матеря всех и всё на свете, больше не хотелось. Дружба дружбой, а слабые люди её раздражали.

Она доела корзиночку, сделала пару неторопливых глотков, наслаждаясь яблочным ароматом, отставила кружку и под села ближе к Бризу.

— Итак, кого ты выбрал? — прочитала имена и осталась довольна.

Первым значился Анюхин Кирилл Андреевич — всеобщий любимец с кафедры почерковедческой экспертизы. Коллеги и друзья частенько называли его за глаза Толстым: добродушное треугольное лицо, широкая густая борода.

Александра относилась к нему, почти как к дедушке и не только из-за разницы в возрасте, но и по причине тех светлых чувств, которые рождались при встрече с Кириллом Андреевичем.

Тех чувств, что так не хватало в собственной семье.

Дедушек она не помнила: оба умерли, когда она была младенцем. Отец матери умер от сердечного приступа, деда по отцовской линии забрал инсульт. Её же родители были не чёрствыми, нет, но очень холодными и лишёнными деликатности: дожидаться от них похвалы оказывалось занятием ненамного проще, чем прыгнуть с парашютом.

Александра прыгала после каждой встречи.

Вечное недовольство, непонимание, грубая прямолинейность и обвинения в несостоятельности — вот, что она получала от близких людей. И хотя Александра почти примирилась с такой искажённой формой любви, с Анюхиным ей было гораздо проще. Именно он хвалил её интуицию и поздравлял с закрытым делом. Он говорил, как гордится своей Сашенькой. Родители — никогда. Они терпеть не могли разговоров о преступниках и не скрывали ненависти к работе Александры.

С годами она научилась относиться к этому без обид, а после трагедии в семье Бриза даже сама начала им звонить. Но, положив руку на сердце, их отношения по-прежнему походили на хождение по краю пропасти. С обеих сторон знали: неправильное слово или озвученная мысль — падение. Самым ужасным было то, что Селивёрстова понимала: она ближе всех к обрыву. Скрываясь за маской равнодушия, она тяжело переживала их неодобрение по поводу работы и личной жизни.

«Не угодила, не оправдала надежд», — как часто выражалась мать.

«Не смогла стать нашей гордостью», — так однажды сказал отец.

Эти слова Александра запомнила на всю жизнь.

Следующее имя принадлежало начальнику следственного отдела, Владимиру

Андреевичу Рукавице. В отличие от Анюхина, он не походил на писателя или какого-то известного человека. Напротив, обладал невзрачной внешностью, можно даже сказать настолько обыкновенной, что вполне мог бы стать невидимкой. Из серой массы его выделяло не безграничное великодушие и мудрость «Толстого», а интеллект и интуиция, схожие с её собственными. Другими словами, этот стареющий мужчина с залысиной был гением. Правда, этот гениальный человек оставил в прошлом расследование Селивёрстову «за бортом», наложив запрет помогать отделению, но она знала: рано или поздно он сам к ней обратится. Ведь не зря говорят: «одна голова хорошо, а две — лучше». Александре нужно было лишь дожидаться благоприятного момента.

На этом список закончился.

— Ну что, Пуля, начнём?

Детектив кивнула. На телефоне возникла фотография Анюхина. Две пары глаз начали пристально изучать лицо старика.

— Я хочу начать с воды. Ты не против?

— Нет. Я беру стихию огня.

— Хорошо, — Иван опустил взгляд в книгу, затем вернулся к телефону, — так... Лоб: большой куполообразный. Прямо как здесь и сказано, — он с довольным видом указал на страницу. Выглядел при этом как ребенок, решивший сложную задачу. Селивёрстова широко улыбнулась, ожидая дальнейших «водных» черт. Свои она уже высмотрела, но сначала хотела выслушать друга.

— Место под глазами затемнённое. Тут, Пуля, я поспорю. У Кирилла Андреевича синяки из-за проблем с почками. Он сам рассказывал, помнишь?

— Да. Соглашусь. В этом связи нет. Смотри дальше.

— Хорошо. Носогубный желобок... подходит.

— И нам повезло, что Кирилл Андреевич не копирует Льва Николаевича. Если бы у него тоже были усы, то об этой характеристике пришлось бы забыть.

— Да, ты права. Так, этот желобок ярко выражен. Теперь уши. А ведь без этой таблицы я бы не обратил внимания, что уши у него и вправду большие!

— Ещё одно сходство с великим классиком, — улыбнулась Александра.

Последнее «лукошко» разделили пополам. Она пожалела, что не попросила принести три упаковки, а он — о той ударной доле глюкозы, которую употребляет в компании подруги. Подсчёты его расстроили. После смерти матери Иван превратился в ипохондрика. У неё из ниоткуда взялся рак. Он боялся, что у него из ниоткуда возьмётся диабет.

Когда Пуля выудила свои запасы и протянула овсяное печенье, он отказался, надеясь, что её интуиция ни о чём не заподозрит.

— Округлое телосложение. Не подходит. — Постарался голосом не выдать своего волнения.

«Сколько же во мне сейчас глюкозы? Зачем я вообще взял пирожные? Почему обошёл вниманием салаты или те же блины?»

— Итого, Пуля, если я правильно понял, из пяти признаков соответствуют три. Это о чём-то говорит?

— Пока нет, — она взяла чистый лист, маркер цвета морской волны и, не замечая его состояния, написала:

ВОДА — 3.

— Теперь моя очередь, — в глазах появился тот азарт, который затмевал всё вокруг. В

это мгновение можно было не бояться: Пуля не заметила бы и слона в кухне. Всё внимание сконцентрировалось на признаках огненной стихии.

— Глаза на выкате, широко расставлены. Нет, они у него близко посажены. Так, дальше. Волосы: рыжие и вьющиеся. Это я считаю не характеристикой, а глупостью. Но в любом случае сюда не подходит, они седые и прямые, а в молодости были русыми. Черты лица заострённые. Нет, скорее округлые. Ямочки. Их нет. Телосложение поджарое. Здесь соглашусь. Итого: один из пяти. — Взяла бордовый цвет и вывела:

ОГОНЬ –1

Затем подняла глаза на Ивана.

— Ты выбрал стихию? — Надкусила печенье.

— А можно возьму остальные? — спросил, забывая вглубь ту часть своего «я», что тянулась к сладкому.

— Разбирайся. А я пока займусь Рукавицей.

Через какое-то время они пришли к любопытным и весьма неожиданным выводам: два таких разных индивидуума оказались под властью одной стихии. По мнению китайцев, вода доминировала в судьбах Анюхина и Рукавицы. Это было очень интересно. Особенно, учитывая итоговую характеристику.

Селивёрстова зачитала вслух:

Вода. Медлительность, стремление к комфорту, созерцанию, мудрости. Характерно упорство, скрытность, загадочность, интуиция, мистицизм. Человеку воды подойдут творческие профессии, или он может стать хорошим врачом, чувствующим своих пациентов, экстрасенсом. При общении человек-вода достаточно раним. Ему нужно мягко, ненавязчиво описать свои соображения, никуда не торопясь. Для примера подойдёт анекдот:

Английский лорд отдыхает в своём кабинете в особняке на берегу Темзы. Вдруг в кабинет вбегают слуга и кричит: «Сэр, сэр, беда! Темза вышла из берегов!» На что лорд спокойно отвечает: «Чарльз, как Вы посмели ТАК ко мне вбежать? Это недостойно англичанина. Выйдите из кабинета и зайдите как надо». Слуга удручённо выходит, через какое-то время дверь опять открывается, он церемонно входит и объявляет: «Темза, сэр!»

Лорд — это как раз яркий пример человека с доминирующей стихией воды. Он не любит резких движений и всего, что может помешать его неспешному ходу мыслей.

Иван был удивлён:

— Представить Анюхина таким лордом я ещё могу, хотя и он вполне себе активный старичок. Но Рукавицу?! Он совсем не похож на человека, способного к созерцанию.

— Согласна, Бриз. Теория неидеальна, но красочна и увлекательна. Послушай, что написано о других стихиях. Огонь. Изменчивость, радость, страсть, непоседливость, рассеянность, неумение надолго сосредотачиваться на одном деле, весёлость, вдохновение. Дома у «огня» очень необычно — самый причудливый декор, необычная мебель плюс беспорядок. Подойдут профессии, где нужно много общаться с разными людьми: продавец, рекламщик, общественный деятель, учитель. При общении с огнём важно понимать, что ему трудно долго удерживать внимание, поэтому постарайтесь быть для него постоянно интересным.

Иван хмыкнул. На первом курсе он встречался с девушкой, идеально подходящей под это описание. Они как-то столкнулись у Петропавловки. Люся пошла работать в рекламу.

Александра продолжила:

— Дерево. Практичность, логика, энтузиазм, активность, доминирование, уверенность в

себе и нередко излишняя, прямолинейность, жажда знаний, дисциплина. Дерево любит порядок, практичность и рационализм, поэтому у него дома всё чётко разложено по местам. Ему подойдет работа, где должна присутствовать логика и обязательная конкуренция. Причём человек дерева будет всегда продолжать учиться, на каком бы олимпе он ни находился.

— Мне кажется у нас в отделе таких единицы, — заметил Бриз.

Александра пожала плечами.

— Почва. Щедрость, заботливость, дипломатичность, нерешительность, терпимость, потребность во внимании, доброта, романтизм. Дома у такого человека, как у Плюшкина, склад старых ненужных вещей. Но это только на первый взгляд. Для него эти вещи имеют огромную ценность, хоть и покрыты многолетним слоем пыли. Подойдут профессии, где нужно помогать людям и делиться своим теплом.

— Это... про маму... — тихо сказал Бриз.

Александра не знала, как реагировать на слова друга, поэтому просто улыбнулась. Бриз улыбнулся в ответ. Селивёрстова вновь обратилась к написанному в книге:

— Ну и металл. Точность, пунктуальность, дотошность, стерильная чистота, идеализация и обаяние. Отлично подойдут руководящие должности.

Иван обратил внимание на краткость последней характеристики.

Александра вздохнула:

— Я не со всеми пунктами согласна, но всё же эта теория имеет место быть.

— Совпадает с родителями? — догадался Бриз, отбрасывая в сторону переживания из-за собственных родителей. Его отец до сих пор не справился с утратой любимой женщины.

— Точное совпадение, — горько усмехнулась.

Иван боялся ранить подругу и хотел перевести болезненную тему, но та сама продолжила:

— У обоих стихия металл. Властность, прямолинейность плюс вышесказанное, а ещё надменность, грубость, упрямство, гордыня, несокрушимость собственных взглядов и полное невосприятие к чужой правде. Для них правы только они сами.

— Ясно... Прости.

— Всё нормально.

На минуту воцарилась тишина. Первым заговорил Бриз:

— А к какому типу ты бы отнесла... — замолк, неуверенный в том, что следовало вообще об этом спрашивать. Одна тема казалась острее другой. Мысленно себя обругал.

Но Александра уже всё поняла.

— Куда бы я отнесла Ангелину?

Медленно кивнул.

— Точно не к душе-почве.

Глава 5

Рванув в спальню, Снежана захлопнула дверь, прижалась к ней спиной и сползла на пол. Сердце колотилось, в ушах стучало, ладони потели, вызывая отвращение и воспоминание о том, как она боялась зайти в комнату, когда муж был пьян. Нечасто, даже редко, но такое случалось, и когда это происходило, он вёл себя с ней особенно жестоко. Не бил, не орал — сидел, крепко сжимая в объятьях, и шептал, какое она ничтожество раз не может быть такой, какой он хочет. А хотел ОН всегда одного: рабыню, способную

удовлетворяют лишь ЕГО. И не дай бог та посмотрит на другого мужчину и тем более заговорит — рабыням так делать не позволено. Рабыни — безмолвны, как рыбы, прекрасны, как гейши и нежны, как розы. За время брака Снежана успела возненавидеть розы: они валялись где-то рядом с ЕГО рубашкой. От них исходил аромат обречённости и страха.

— Снежана! Снежинка! Выслушай меня!

Она заткнула уши, не желая слушать оправданий и жалея, что горшок разбился о стену, а не о его голову. Марк ей солгал — этого достаточно. Подтащила рукой стул, подперла дверь, снова заткнула уши.

— Давай поговорим! Я всё объясню! — надрывались за стеклянной перегородкой.

Снежана испугалась, что Марк может разбить «окошко», отскочила от двери. Мужской силуэт потянулся к ручке.

— Я войду, хорошо?

— Нет! — закричала она. — Стой, где стоишь, или я вызову полицию!

Мобильник остался на диване, но в ящике прикроватной тумбочки хранился запасной телефон: простенький «нокиа» на всякий случай. Подарок Виты.

— *Марк, безусловно, мечта,* — говорила коллега, успевшая стать подругой, — *но если он окажется таким же ублюдком, как твой муж — звони. Примчусь, спасу.*

Конечно, Вита смеялась. Бежать, спасать с её комплекцией и ростом не вариант, но Снежана никогда и не думала о том, чтобы воспользоваться подарком. Или думала?..

Медленно подошла к изголовью кровати, выдвинула ящик.

— Я могу всё объяснить, — повторил Марк.

Снежана обернулась. Перед глазами — дверь со стеклянным «окошком», а в нём мужчина красивый, словно мираж.

— Она сама, понимаешь, сама... — звучало с той стороны.

Снежана вытащила телефон, зарядку и замерла. Что по сути она знала о Марке, кроме того, что он, красив как бог?

— Снежинка, пожалуйста, не делай хуже...

— Ты... ты мне угрожаешь?!

Рука машинально вставила аккумулятор в сеть — позвонить Вите? Нет, ей не до того. В полицию.

— Ты делаешь только хуже! — продолжал Марк, повышая тон. — Давай поговорим!

Спасительная заставка не появлялась. Снежана щёлкнула рубильник света.

— Чёрт. Электричества нет.

Взглянула в окно: сумерки надвигались, давя на город тёмно-серым небом.

— Так я найду?

— Нет! Я уже набираю полицию!

— Прощу, только не полицию! Сначала поговорим!

Она не хотела разговаривать, не хотела думать, знать, что он в любую минуту может ворваться в спальню и сделать с ней всё, что угодно. Тот Марк, что обнимал её после ночных кошмаров, шептал слова любви в предрассветном тумане не мог причинить вреда. Но этот, совравший о встрече с Ангелом...

— Я не убивал Ангелину!

Снежана замерла.

— Не убивал, слышишь?

Коснулась холодного окна ладонями, закрыла глаза.

— Я всего лишь... — тихо продолжил Марк.

— Так ты был у неё...

— Выслушай!

— И соврал.

— Это не я её убил, поверь мне!

Снежана не знала, что думать. Обернулась — силуэт опустился на пол. Снежана тоже села — на кровать, глядя всё туда же — на стеклянную перегородку. Мгновение, и в правой руке Марка вспыхнул огонёк. Сигаретный дым облепил «окошко».

— Ты... ты куришь?

Молчание.

Снежана обняла себя за плечи. «После» продолжало рассыпаться на миллионы сомнений и миллиарды вопросов.

— Ты же не курил... — тихо напомнила Снежана. — Или...

— Или. — Ответили из-за двери. — Я всегда курил, но для тебя этот факт был нежелателен, поэтому я скрывал.

— Не... не понимаю.

— А ещё я был женат, у меня есть дочь, — продолжил откровения Марк. — Я никогда не читал Шекспира и не люблю разгадывать sudoku.

— Сплошная ложь... — сдавленно произнесла Снежана. — Но почему? Зачем? Что ты вообще за человек?

— Живой, — ухмыльнулся Марк. — Этого тебе недостаточно?

Она не понимала его. Совершенно. О чём он говорит?

Бросила взгляд на телефон, в окно и подошла к двери.

— Зачем ты убил Ангела? — спросила, прижавшись лбом к перегородке.

— Я уже сказал — не убивал я твою Ангелину, — в голосе проскочило раздражение, чего до этого дня она не замечала. Всегда такой спокойный, уравновешенный — непохожий на НЕГО. А тут...

— Кто ты, Марк? Я вообще тебя знаю? — спросила и сама испугалась возможного ответа. Испугалась разбиться вдребезги о его правду. Хотела ли она её знать? Снежана сомневалась. Вдруг Вита права, и он такой же, как муж. И что тогда? Сначала убийство Ангела, а затем что? Убьет её?

— Снежан, — затушил сигарету, вжав её в пол подошвой ботинка.

Мало того, что Марк курил в квартире, так ещё и портил линолеум!

— Эт-то... мой дом. Не-не смей портить линолеум, — голос дрожал, но произнести эти слова казалось важным, будто озвучив их, она чуть-чуть, но возвращала самообладание. Делала шаг на пути к собственной храбрости.

Шаг на пути к собственной глупости.

Такая мысль пришла секундой позднее. Злить незнакомца, причастного к смерти коллеги. И о чём она только думала?

— Снежинка, я хочу поговорить. Давай я открою дверь и войду в спальню. Хочешь, принесу яблочный сок? Ты успокоишься, и мы побеседуем.

Побеседуем... Словечко мужа, ненавистное всеми фибрами души.

— *А сейчас мы с тобой беседуем,* — говорил ОН, сажая её на колени. — *Ты, ничтожество, Снежа, но я тебя люблю.*

«Побеседуем» звучало после брачной ночи. После кулачной любви в день, когда он

увидел её с одноклассником; после встречи в супермаркете, где она стояла рядом с соседом. «Побеседуем» сопровождало самые холодные ночи их совместной жизни.

Этим словом ОН пригласил её на первое свидание.

— *Снежана, я предлагаю встретиться после работы. Побеседуем в кафе. Согласна?*

И если сейчас она чего-то и хотела, то точно не «беседовать».

— Ты, наверно, сравниваешь меня с мужем. Но я не такой. Снежинка, давай побеседуем. Чёрт! Я не хочу общаться через дверь!

Снежана молча заплакала.

Глава 6

Школьные годы Александра Селивёрстова запомнила, как череду долгих серых, дней, сопровождаемых насмешками одноклассников и собственной агрессией. Её самоуверенность и своеобразное отношение к цвету заложили фундамент отчуждения и непонимания между сверстниками, учителями.

Родителями.

Возникшие позднее азарт к работе милиции, чрезмерная любовь к мрачным произведениям, вроде историй По, Кинга и Лавкрафта, а также заинтересованность в психологической литературе, лишь убеждали окружающих в сашиных странностях. Когда на уроке литературы вместо «Пропasti во ржи», Селивёрстова, не таясь, читала книгу по психологии убийства, найденную где-то на развалах Крупской, учительница показательно отругала её, заявив, что та сорвала урок. Подобные инциденты повторялись не только на литературе, но и на других предметах. Учителя возмущались, но и Саша не молчала.

На алгебре будущий детектив доказывала сорокалетнему Петру Алексеевичу, что извлечение корня пригодится ей значительно в меньшей степени, чем знание того, как распознать ложь во время общения с собеседником. На черчении разглагольствовала о психотических архетипах и важности их изучения для достижения гармонии с самим собой. Во время геометрии занималась не решением задач, а доказательством седому Владимиру Георгиевичу того, насколько значима взаимосвязь детских травм с нарушением психики в уже более зрелом возрасте.

Она не всегда верно применяла те или иные знания, подчерпнутые из специальной литературы, но так ловко несла околесицу из сложных научных терминов, что нередко затыкала рот людям с высшим образованием.

За это её не любили. И лишь единицы восхищались.

Ситуацию усложняло ещё и то, что многие дисциплины ко всему прочему, несмотря на своё к ним отношение, Селивёрстова знала не хуже, а то и лучше самих учителей. Этого стерпеть уже не могли: Саше начали занижать оценки. Устные экзамены удалось сдать с трудом.

Ангелина, чьё имя сократили до Ангела из-за подходящей внешности и притворно-невинного взгляда, относилась к тем, кто усложнял жизнь Селивёрстовой. Она возглавляла ряды высмеивающих, осуждающих и норовящих кольнуть побольнее сверстницу, отличавшуюся от остальных.

Её нападки воспринимались больше всего, потому что мальчики высмеивали Сашу заодно с Ангелом и потому, что один из них был первой любовью Саши. Его звали Артём, и у него был вихрь из рыжих волос. Нескладный и умный с замашками лидера. Он умел говорить так, что все прислушивались.

К одиннадцатому классу на Артёма стали равняться, с ним хотели дружить, рядом с

ними юлили, о нём мечтали. Его рыжие волосы познали слово «укладка», его тело познакомилось с тренажёрами. Они с Ангелом стали парой. Со стороны, и Саша это признавала, выглядели чудесно: оба несли себя гордо, оба талантливо пользовались своими преимуществами. На тот миг Селивёрстова успела переболеть вихрастым мальчишкой, но ненависть к однокласснице уничтожить не удалось.

Ангел положила начало байкам о Сашиной ориентации, о том, как Селивёрстова блуждает по кладбищам и мечтает о встрече с неуловимым маньяком. Самое страшное во всём этом то, что Саша действительно задумывалась об однополой любви и отношениях, навязанных рамками общества, но она об этом лишь размышляла. Ангелина же, подслушав монолог в туалете, вывернула её слова наизнанку. Про маньяка тоже была правда. Будущий детектив прочла уйму литературы о самых разных убийцах и лелеяла надежду стать тем самым следователем, что утрёт нос преступному гению.

Легендарному гению.

Одноклассница нагло врала, а Саша злорадно представляла, как бьёт ту по лицу, ломает нос.

Представляла, как заставляет глотать кровь вместе с собственной желчью.

Эти мысли успокаивали Селивёрстову.

И пугали.

А потом Ангел сказала сашиным родителям, будто та ведёт себя как ненормальная, и это отмечают даже учителя. Отец с матерью вместо того, чтобы выслушать версию Саши, пообещали сдать дочь в психушку. Тогда-то Селивёрстова и заглушила совесть в стакане с водкой, разрешив своему воображению рисовать какие угодно картины с участием Ангела. В тот день она первый и последний раз употребляла алкоголь. Ни запах, ни вкус спиртных напитков более не воспринимались организмом.

Нет. Ангелина была не просто одноклассницей. Она была тем человеком, кого в фантазиях избивала Александра.

Тем, кого всей душой ненавидела.

И теперь Васильева мертва.

Александра путалась в своих эмоциях: она не испытывала радости, злорадства, но и боли не чувствовала.

Не чувствовала она и особого сожаления.

Глава 7

Минуты текли. Марк не уходил, она не открывала. Вечер обнимал Питер, а Снежана мечтала оказаться в объёмах отца. Он был единственным мужчиной, никогда ей не лгавшим. Единственным, ни разу не причинившим боль.

Марк по-прежнему сидел в куртке. Он сходил в туалет, выбросил осколки в мусорное ведро, и верным псом вернулся к двери. Расположился в той же позе — по-турецки, лицом к перегородке, достал зажигалку и принялся то и дело нажимать на кнопку. Огонёк вспыхивал во мраке узкого коридора, исчезал, вспыхивал, исчезал, а Снежана, утирая слёзы, смотрела на мужской силуэт и пыталась понять, чего от неё хочет Марк, успевший за столь короткий промежуток времени стать чужим. Попыток поговорить он больше не предпринимал. Пару раз предложил ей сок, пустырник, подышать на балконе. И всё. Получив отказ, замолчал. Снежана первой решила на диалог.

— Я... я так больше не могу. Я хочу, чтобы ты ушёл. Просто... уйди.

— Так просто? Ты готова расстаться из-за ошибочного убеждения? Снежан, я же сказал.

Я не убивал Ангелину.

— Почему я должна тебе верить?

— Я не убийца, — тихо ответил Марк.

Губы Снежаны тронула горькая ухмылка.

— Но ты лжец. Это одно и то же.

— Снова твоя философия... Снежан... Снежинка, мне нелегко беседовать таким образом. Перестань, пожалуйста. Не делай мне больно.

— Больно? Это я делаю больно?! Ты мне врал! Я тебя совсем не знаю! И кому здесь больно?

Он ударил по стеклу. Снежана вскрикнула. Закусив губу, бросила взгляд в окно. Третий этаж: выпрыгнуть? Она вряд ли разобьётся. Можно сначала сбросить матрас, приземлиться на него, вот только... У Снежаны хватало фобий, и одной из них была высота.

— Прости. Не хотел тебя напугать.

Она молчала.

— Нет смысла отпираться. Теперь ты и так всё узнаешь. Скоро нагрянет полиция. Наверняка, у них уже есть мои отпечатки, так что...

— Так это ты? — выдохнула Снежана.

— Нет. Я не убивал, но я там был.

Сердце сделало три неуверенных удара, смолкло и заколотило по стенкам рёбер.

— Го-во-ри...

Марк чиркнул зажигалкой, пустил дым, ушёл на кухню и, вернувшись с кружкой, пояснил:

— Вместо пепельницы.

Снежана не знала: то ли ей смеяться, то ли плакать. Кружку с жирафом в трениках и дурацким облачком «Будь смайл» подарила одна из капризных клиенток. Нелепая кружка, непрактичная: тяжёлая с неудобной ручкой в форме того же жирафа. Она пылилась на верхней полке рядом с неиспользуемой яйцерезкой и ржавой четырёхгранной тёркой. Но теперь, похоже, «чудовищу» нашлось применение.

— Я спал с Ангелиной.

Воздух, словно взорвался — дышать стало трудно. Снежана прижала пальцы к шее, с трудом сглотнула.

— Это было дважды. Она меня вынудила. Грозила рассказать тебе о моём прошлом.

— И что там... в этом... прошлом? — спросила Снежана, неуверенная в том, что хочет услышать ответ. Закрыла глаза.

Спустя мучительные три минуты, отсчитываемые настенными часами, Марк ответил:

— Много всего... Но я не такой, как твой муж. Поверь мне...

— А какой ты? — прозвучало грустно. Слёзы стояли в горле.

Первое время муж тоже объяснял, что погорячился. Правда, потом, признавался — это его способы обучения.

— Снежа, ты должна уяснить: есть вещи, которые можно делать, а есть те, которые нельзя. Заигрывать с левыми мужиками — нельзя. Ты слышишь? Что молчишь? Болит щека? Ну да, будет синяк — замажешь штукатуркой. Ты слушаешь меня? Слушаешь?

— Ты слушаешь, Снежинка? Слушаешь?

Она сжала виски, сильнее зажмурилась. Головная боль накатила высокой волной,

поглотив остаток эмоций.

Марк вздохнул.

— Мы с женой развелись. С дочерью я могу видаться не чаще трёх раз в месяц. Так решила Рита. Идти в суд и разбираться я не хочу.

— О чём... О чём ты говоришь?

— Три года назад я совершил ошибку, за которую расплачиваюсь до сих пор. Я всё объясню, только впусти. Что мы, как дети?

Его усталый голос состраданием отзывался в сердце Снежаны. Всё-таки Марк значил больше, чем она сама предполагала. Взялась за ручку.

— Правильно. Я уверен, что мы побеседуем, и ты всё поймёшь, — вскочил на ноги, приготовился войти, но пальцы Снежаны замерли.

— Ну давай! Снежинка, открывай!

«Побеседуем», — всего одно слово, кипятком обжигающее душу. Если бы не оно... Пальцы соскользнули вниз.

— Снежан!

Она шагнула назад, вспоминая похожую сцену из жизни с НИМ.

Снег, усиленный ветром, мёл с неистовой силой, заставляя прохожих кутаться плотнее в одежды, поднимать воротники, «кланяться» стихии. Она только вернулась из магазина, стряхнула зимний «налёт» с капюшона, сняла сапоги и вошла в гостиную. Муж сидел на диване и смотрел фильм, обложившись чипсами. Снежана насчитала десять средних пакетов: разные вкусы, разные марки.

— *Снежа, ты захватила шпроты?*

Она забыла.

ОН сильно разозлился.

— *Иди сюда и объясни, как можно было забыть то, что я просил купить дважды?*

Снежана бросилась в спальню, закрыла дверь

— *Ну, давай, Снежа, открывай! Ладно, мы только побеседуем. Честно. Открывай. Что мы как дети?*

Она открыла. Медленно.

И попятилась.

Муж подскочил и угрожающе завис над ней: выше на добрых пятнадцать сантиметров ОН всегда казался великаном. Она съежилась под ЕГО взглядом и приготовилась к атаке, мысленно ругая себя и ненавидя за доверчивость.

Обычно ОН обзывал недотёпой, тупицей, шлёпал, как ребенка по попе и злился до вечера. Но в тот раз с ЕГО настроением творилось что-то неладное: муж не захотел ограничиваться шлепками. Рука нацелилась в лицо и несомненно добавила бы синевы скулам, не упави жена на колени.

— *Ты чё? —* взревел ОН. — *Мужик появился, да? Осмелела?*

Снежана вскочила на ноги и бросилась в спальню. Снова.

— *Иди сюда, Снежа! Кто он? Кто он, мать твою?*

Смелость — не то, что тогда управляло сознанием. Один случайно подслушанный разговор в магазине, и она решила попытаться дать отпор: не потому что вдруг стала сильной или, тем более, бесстрашной, а как раз наоборот. Её гнал страх. Страх лишиться правой руки: ОН обещал и мог выполнить угрозу. Тогда бы она лишилась возможности работать. Потеряла бы то единственное, ради чего улыбалась... иногда. Если ЕГО не было

рядом.

Часто Снежана представляла, как однажды жизнь изменится. С мужем что-то случится, а на её пути встретится хороший мужчина. Полицейский. Способный защитить, уберечь. Наказать обидчика, если потребуется.

И в общем, так и случилось. В бесконечную тьму пришёл Марк. Он работал в полиции дежурным, но уволился до их знакомства. Объяснил, что ошибся в своём призвании. Цифры, бумаги ему ближе.

Тогда Снежана подозревала, дело в его чувствительности, восприимчивости. Не каждый мужчина способен работать в столь мрачном месте, а он... он точно был не такой, как все.

Теперь, сидя в запертой комнате и глядя на любимый силуэт, Снежана готова была поверить и в другие причины. Более страшные.

— Снежинка, прошу тебя, открой. Я всё расскажу, я готов. Ты будешь смотреть в мои глаза и убедишься, что я говорю правду. Снежинка, родная!

— Готов? Прошлое настолько ужасно?

Вздых Марка бритвой прошёл по слуху. Ответ не требовался. В этом вздохе он уже прозвучал.

— Уходи, Марк. Умоляю. Не делай хуже. Я... я больше тебе не верю.

Но он не уходил.

Спустя бесконечно долгие секунды в ход пошла очередная сигарета.

— Я курю, у меня есть семья, я тебе изменял. Лгал. — Произнёс без эмоций, — но... — печально ухмыльнулся, — преступлений я не совершал.

— Мне всё равно.

— Не верю.

Она и сама себе не верила. За шесть месяцев и девять дней Снежана успела полюбить Марка.

Глава 8

«Только не к душе-почве» — это были единственные слова Пули о Васильевой.

Резников нервничал всё больше. Подруга уходила от темы убийства, отвлекаясь на излюбленную литературу, и это вызывало понятную тревогу.

— Что думаешь? — спросил, как только Александра вернулась из комнаты с очередной занятой книгой. — Убийство из-за ревности? Кто-то свихнулся от любви? Или нас ждёт серия? — Он старался говорить буднично. Видел, она держится с трудом. Она не показывала эмоций, но он отлично знал свою подругу. Да и в конце концов им необходимо поговорить о случившемся. Сделать это следует сейчас, пока он рядом, а не оставлять на одинокий вечер, когда так просто заняться самоедством.

Отвлекаться и дальше не было смысла, и Александра это понимала. Постаралась запрятать личное, как можно дальше, отложила книгу и ответила:

— Утверждать, что преступление совершено на эмоциях я не стану, но и отвергать эту мысль не буду.

— А что насчёт серии?

— Велика вероятность. Импульсивный маньяк, возможно.

Иван по-свойски добавил себе чая с бергамотом.

Со стороны их беседа выглядела, как всегда. Но оба знали — ложь.

— Наслаждайся, Бриз, и спасибо за корзиночки. А в пакете что? — Александра бросила взгляд на пол.

Резников спохватился:

— Чуть не забыл. Прости, — неловко улыбнулся. Вытащил из пакета у ног коробку с трюфельным тортом, ловко разрезал ленту, снял крышку и переложил треугольник на блюде. — Надеюсь, он ещё жив. Тебе порцию побольше?

Кивнула. О её слабости к сладкому друг знал лучше, чем кто бы то ни было.

Отломил приличный кусок ложкой и дождалась, пока терпкость горького шоколада, смешанная с кремом на основе сливок и ликёра, взорвётся, наполняя рот наслаждением. Откинулась на спинку стула, зацепив глазами отложенный сборник. В нём подтверждалась столь заинтересовавшая её теория стихий. Это были рассказы разных психотерапевтов, объединённые одним названием «Лицо жизни».

— Что у нас есть по делу? — спросила, заставляя себя перейти на рабочий лад. Хотя книга так и манила.

— Показания свидетелей. Трое утверждают, что видели мужчину с фотографии примерно в те же часы, когда было совершено убийство. Точное время смерти Павел скажет после полного обследования покойной.

Александра задумалась:

— Трое свидетелей — не шутка.

Иван продолжил:

— Собачница уверена, что мужчина нервничал: он бегом пересёк двор и скрылся за поворотом. Её слова подтвердила возвращавшаяся из магазина студентка — он едва не сшиб её, налетев в подворотне.

— Что говорит третий свидетель?

— Домохозяйка Шевцова Инна Юрьевна высматривала мужа с работы и в окно заметила мужчину с фото.

— Чем он привлек её внимание?

— Инна и Ангелина живут в одном подъезде. У Инны слабое зрение: увидев серую куртку, она сначала приняла мужчину за мужа и удивилась почему тот спешит прочь от дома.

— А как подозреваемый заходил в подъезд никто, естественно, не видел.

Иван пожал плечами.

— Домохозяйка сказала, что сидит у окна не всё время — у неё полно дел: стирка, уборка, готовка, глажка. Повторила неоднократно.

— Стоп, — прервала его Селивёрстова, — ты хочешь сказать на Рукавицу вылилось море подробностей?

Кивнул.

— Теперь он в курсе сколько надо варить говядину, чтобы та стала мягкой, чем начистить пол, чтобы добиться блеска и как трудно стирать вручную, если сломалась машинка.

Александра не сдержала ухмылки. Владимир Андреевич Рукавица руководил следственным отделом по её родному Красносельскому району. Они не то что бы не ладили, просто не находили точек соприкосновения именно по той причине, что были слишком похожи: оба стремились взять первое слово, стояли на лидерских позициях и обладали отличным чутьём. Селивёрстова называла это интуицией, Рукавица — профессиональным навыком. Работать над одним делом вместе им удавалось с трудом ещё и потому, что методы и приёмы детектива нередко оказывались не совсем законными, чрезмерно опасными и

самонадеянными. Александра состояла из противоречий и страсти. Её любовь к разгадыванию криминальных головоломок напоминала манию. Так считал Рукавица. Она же в ответ молча делала всё возможное, чтобы раньше следователя докопаться до истины, считая того недостаточно рискованным.

— А что насчёт остальных свидетелей?

— Студентка, как я уже и говорил, возвращалась домой и застала подозреваемого уже на улице. Собачница только вышла на прогулку. Её дог облюбовал скамейку возле подъезда.

— Штраф ей обеспечен, — отреагировала Александра.

— Да, парк через дорогу, но это... — запнулся, — ты и сама знаешь.

Селивёрстова ничем не выдала эмоций, а они, между тем, уже подбирались.

— А что с подъездом?

— Дверь подпирает кирпич. Как раз сегодня лестничную площадку красили, так что...

— Попасть внутрь мог любой, — закончила его мысль детектив.

— В квартире Васильевой следов взлома нет. Судя по всему, убийцу она знала — открыла добровольно.

— И надеялась провести романтический вечер, — дополнила Александра. — Значит, перво-наперво искать надо среди знакомых мужчин.

— Рукавица уже занялся списком контактов. Ты могла бы посоде... — замолчал на полуслове, осознав, какую глупость едва не сморозил.

Взгляд Селивёрстовой нехотя устремился на разложенные снимки. Они лежали на дальнем краю стола: Васильева в ванной, рисунок на зеркале, сердце на стене, вино, ужин на двоих.

Взяла фото покойной, провела по лицу, подчёркивая в памяти всё, что помнила о жертве.

— Пуля... — осторожно произнёс Иван. — Ты... как? В порядке? — коснулся руки. — Держись отлично, но, если ты хочешь об этом поговорить, я всегда готов. — Заглянул ей в глаза, ожидая увидеть грусть, боль, сожаление, но встретился лишь с толстой стеной злости: такой же податливой, как известняк. Чуть-чуть, и крошки сформируют ненависть, презрение. Опасный азарт.

Пулю всегда интриговали убийства, и всё же Бриз хотел увидеть иные эмоции, ведь Васильева была для неё не совсем посторонним человеком.

— Пуля... Давай поговорим. Хватит прятаться. Я же не чужой тебе.

Селивёрстова отставила блюдце с крошками, положила снимок на прежнее место, подошла к окну. В её действиях вновь просматривалась попытка бегства.

Иван ждал.

Александра развернулась — не лицо, а маска спокойствия. Сухо произнесла:

— Всё в порядке. Она всего лишь была моей одноклассницей.

Бриз продолжал смотреть: испытующе, с сочувствием, а Селивёрстова в этот миг вдруг чётко осознала одно: ей необходимо найти того, кто осмелился лишить жизни Ангела. Да, Ангел не была Ангелом, но она была человеком, полным личных надежд и стремлений. Никто не имел права лишать её шанса ходить по белому свету и дышать воздухом с теми чувствами, с какими Ангелина желала. Даже если она заслуживала страдания. Даже, если ей стоило преподнести хороший урок. Но ведь урок и смерть — разные вещи. Слишком разные.

— Всё нормально, Бриз.

— Ты точно в порядке? — друг поднялся из-за стола. — Я готов выслушать, если...

— Если мне будет, что сказать, — перебила она. Взяла снимок убитой и продолжила: — Сейчас главное найти этого подонка. Остальное — лирика. И поверь, Бриз, девчачьи склоки тебе знать ни к чему.

Он вздохнул. Вероятно, того, что Пуля рассказывала ему о Васильевой в преддверии встречи одноклассников и правда достаточно. Когда подруга захочет сказать больше — скажет, а он всегда выслушает. Александра, словно прочитав его мысли, улыбнулась, кивнула. Он сделал тоже в ответ.

— Рукавица против твоего участия, но я могу и дальше сообщать информацию по делу Ангелины.

Селивёрстова с благодарностью его обняла.

Работать, искать, копать, анализировать — это было именно то, в чём она сейчас нуждалась. Александра была рада, что Бриз не пытается залезть в душу.

Глава 9

Марку было непросто. Признания всегда давались нелегко, но сейчас они были необходимы.

«Мне придётся сказать правду, иначе я могу потерять Снежинку, — рассуждал он, мысленно вновь и вновь прокручивая события уходящего дня. — Нет, не могу. Потерю. Любимая не станет жить во лжи, в подозрениях. Но после моего признания станет ли лучше? Где уверенность в том, что Снежинка меня не выгонит? Не испугается? После жизни с мужем в её голове такая неразбериха и столько страхов. Правда станет лишь очередным шагом на пути к разрушению. Хотя, о каком разрушении я думаю? Снежинка давно расколота на тысячи фрагментов. А я пытаюсь помочь ей собрать себя воедино. Жаль, что психологические травмы не исчезают по одному лишь желанию. Здесь требуется работа над собой и труд других. Требуется понимание. И я давал ей всё это. Давал! И готов был давать и дальше. Но теперь всё неизбежно станет по-другому. Ненавижу Васильеву...»

Он злился на Ангелину. Из-за её смерти в отношениях с любимой женщиной появилась трещина. Абсурдность собственных мыслей пристыдила. Он и сам был виноват в случившемся.

Курить уже не хотелось. Убрал полупустую пачку в карман, осторожно постучал в перегородку.

— Снежинка, мне... жаль, что всё так вышло. Сочувствую тебе из-за Ангела. Она не должна была умереть. — Сказал и понял, как же нелепо прозвучали его слова. От самого себя затошнило.

— Сочувствуешь? — прозвучало тихо. — Не верю. Тебе она не нравилась. Ты постоянно об этом говорил. Высокомерная и назойливая, самовлюблённая и глупая. Помнишь?

Он промолчал.

— Если в тебе осталась хоть капелька чувств ко мне. Хо...

— Я люблю тебя, — перебил Марк.

— И в это не верю. Тот, кто любит, не врёт о своих привычках. Не пытается выглядеть лучше.

— А если он делает это ради спокойствия другого?

Теперь молчала она.

— Снежинка, — набрался смелости, прильнул лбом к двери. — Послушай, мы оба сейчас на нервах. Давай ты выйдешь, мы спокойно посидим на кухне, выпьем чая, а потом,

когда ты будешь готова, поговорим. — Едва не сказал «побеседуем». Поздравил себя с этой маленькой победой.

— Марк... я прошу, если в тебе осталось хоть что-то: хоть жалость, хоть сочувствие. Крохи самых малых чувств — просто оставь меня сейчас. Уйди.

— Не могу, — ответил честно. — Оставлять тебя в таком состоянии опасно.

Она понимала, что он имеет ввиду. Когда её тётя погибла в пожаре, Снежана едва не сошла с ума. Трагедию трёхмесячной давности переживала до сих пор. А в день, когда узнала о пожаре, едва не последовала за Ниной. Предметов, способных перерезать вены в доме было достаточно.

Нина всегда являла собой лучик света. Мудрая, внимательная. Она поддерживала Снежану и при этом не лезла в личную жизнь. Муж племянницы ей не нравился, но Нине хватало жизненного опыта, чтобы не пытаться образумить Снежану напрямую. Жаль, она не слушала тётю. Та во всём оказалась права. Нина знала, от Снежаны останутся осколки. Так и случилось.

— Обещаю остаться живой, — грустно усмехнулась.

Он не видел ухмылки. Почувствовал.

— Не смешно, Снежинка. Совсем не смешно.

— Значит, не уйдёшь? — надежда в голосе растаяла.

— Не уйду. Не хочешь разговаривать, помолчим. Я подожду. Но останусь здесь.

— Даже ради меня? — последняя попытка.

— Я остаюсь... Ради тебя.

И снова молчание.

Снежана тихо плакала, пытаясь разобраться в себе. Стараясь не думать о том, в какой западне оказалась.

Марк мысленно хвалил себя за сдержанность. Он сумел не навредить любимой. Хотя бы сейчас сумел.

Спустя какое-то время он понял, как помочь и Снежинке, и себе. Сказал, что отнесёт кружку с пеплом на кухню, а сам выбросил окурки, поставил кружку в раковину и взялся за мобильный телефон. Марк знал, кому доверяла Снежана.

Глава 10

Темы Ангелины продолжали касаться лишь по краям, будто ни Бриза, ни Пулю убийство не волновало. Типичное преступление, не требующее внимания. Не требующее обсуждения, в принципе. Зато поговорили о последней прочитанной Александрой книге — ею оказался подростковый роман, покоровший Пулю своей непосредственностью.

И на этом попрощались.

Бриз с болью смотрел, как подруга уплетает трюфельный торт. Он боялся невидимого врага по имени Рак. Боялся сорваться, будучи сладкоежкой с детства.

Пуля еле сдерживала эмоции, рвущиеся наружу, ненавидя Ангела за то, что та причинила ей столько боли. За то, что умерла.

За чувство, будто Александра сама виновата в её смерти.

Ни Резников, ни Селивёрстова не желали открывать свои страхи. Привычный обмен поцелуями в щёку и разошлись.

В одиночестве Александра дала слабину. Слезы не текли, но жгли горло, и приходилось всё время сглатывать. А чуть позже ещё и моргать, ведь как она ни старалась, эмоции одержали верх.

Селивёрстова грозно смыла их водой. Дождалась успокоения. Поменяла носки. Одетые утром белые в чёрную полосу — обычные, не вызывавшие особых эмоций — сейчас казались дурным знаком. Тревожным.

Невольно пересчитала чёрные. Тринадцать. Суеверие. Но стало некомфортно. Носки полетели в стиральную машину. С ног приятным успокаивающим цветом сочного яблока взглянула новая пара.

Александра старалась не винить себя в случившемся и не думать о том, что мысли, особенно, злые материализуются, но взяться за работу всё равно удалось не сразу. Пришлось приложить немалые усилия.

«Что ж, — вздохнула детектив, привычно раскладывая листы белоснежной бумаги, в коих ей надлежало совсем скоро запрятать личное. — А ведь сведений на самом деле не так уж и мало». — Поставила коробку с «помощниками» на стол и принялась выливать рассуждения цветным на бумагу.

Итак, что у меня есть: длинное платье из бордового шёлка, искусственные перья на руках, в основном белые. Блёстки. Пластмассовый обруч, проволока с нимбом из тех же перьев. Пустая бутылка вина Бастардо, два бокала. Славянская руна подарка и сердце с отколотым краем.

Начнём по порядку. Платье. Ничего удивительного: Васильева любила блистать. Бордовый цвет ей всегда шёл. Он вообще был её любимым. Даже на выпускной эта... явилась в пышном бордовом платье, похожем на свадебное. Выпендрёжница. Платье ей шили на заказ. Естественно... Блёстки относятся сюда же. Как же без мишуры? Но что-то я отвлеклась.

Александра и сама не заметила, как сгоняла на кухню и вернулась на диван с шоколадом из заначки. Плитка лежала на крайний случай, и Селивёрстова готова была признать: это он и есть. Мысли о собственной вине уже не обгладывали душу, зато презрение к убитой полыхало ярким пламенем. Это нехорошо. Так она точно не доберётся до истины.

Платье в пол из приятного, можно сказать, сексуального материала. Как нельзя лучше подходит для романтического вечера, который, судя по сервировке стола, и намечался.

Перья тоже объяснимы. Наверняка, Васильева представлялась мужчине ангелом. Отсюда и нимб.

Вино, конфеты, виноград... Романтический подтекст яснее ясного. Но... что-то пошло не так. Не исключено, что кто-то кого-то взбесил. Васильева была мастер вызывать негативные эмоции. Итог... Её убили в порыве чувств или же, напротив, не получив желаемое. Что, если убийца был влюблён, а она с ним лишь играла? Пользовалась, как это делала с парнями в школе? Допустим.

Шоколадка неумолимо уменьшалась. Селивёрстова не справлялась с обуревающей ненавистью и в отчаянии ломала молочный на кусочки.

А если представить, что мы не знакомы? Платье. Ничего особенного. Любая женщина, желая произвести эффект, надела бы нечто подобное. Хотя я бы выбрала менее агрессивный цвет. Ладно. Нимб, перья, вино, стол остаются. А чтобы меня заинтересовало?

Ещё раз более пытливо изучила снимок. Вытащила с антресоли запылившийся школьный альбом. Принялась листать страницы. Улыбнулась, обнаружив старую закладку с дружелюбным приведением из известного мультсериала.

Этот призрак провожал её в школу на протяжении двух лет — она не могла его просто так изгнать из жизни, ведь он скрашивал её будни. Он пытался пробудить желание идти в школу, где только и слышались издевательства и смех.

Каспер неплохо справлялся. По крайней мере маленькая Саша больше не плакала. Привидение терпело противных братьев с утра до вечера. А ей необходимо было потерпеть общество одноклассников всего лишь до часа или двух. Открыла альбом, возвращаясь в прошлое.

Ангелина всюду встревала в кадр. Ей нравилось досаждать одноклассникам, а Катя, единственная подруга Саши не отличалась силой характера и даже не пыталась гнать противную одноклассницу.

Теперь остались лишь снимки далеко несчастливых лет. Школу Александра пыталась забыть, как дурной сон, с одноклассниками по возможности не держала связь. Да и желание пообщаться возникало лишь с Катей. Жаль, оно было однобоким. Школьной подруге так и не хватило смелости поставить на место Васильеву, но хватило храбрости отказаться от дружбы с Сашей из-за боязни чужого мнения.

Кто захочет общаться с больной девчонкой, чьи родители готовы сдать родную дочь в психушку?

Селивёрстова давно простила Катю. Мало ли на что способны подростки? Пару лет назад попыталась восстановить отношения. Пускай, это уже не дружба, но ей достаточно было просто иметь близкого человека рядом. Человека, с которым можно поболтать ни о чём после очередного дела.

Катя сразу свела к обрыву все попытки. Она ясно дала понять: репутация дороже. О взрослой Саше ходят не менее странные слухи. Ей, успешной жене и матери это ни к чему.

Александра не стала настаивать, скрывая слёзы обиды и убеждая саму себя в том, что им действительно не о чем поговорить. Семья, подгузники — не для неё. Всё к лучшему.

Катя не стала фотографом, как мечтала — осела домохозяйкой, шьющей развивающие коврики. А жаль. Снимки получались отменными. И сейчас, рассматривая врагов и ненавистные школьные стены, Александра думала, что из бывшей подруги мог бы получиться великолепный фотограф.

С необъяснимой бережностью детектив перелистывала страницы, вновь и вновь ловя ехидную улыбку Васильевой. Как ни странно, но на последних фотографиях Александра поймала себя на мысли о напускном в характере и образе Ангела. Более внимательно обратилась к собственным воспоминаниям. К извечной весёлости и смеху Ангелины.

— Возможно, ты была и не таким уж счастливым человеком, — сказала вслух, поглаживая снимок с выпускного. На нём были Васильева и Артём. Они стояли позади и держались за руки.

Главный ракурс был нацелен на Сашу в синем платье простого, но удивительно подходящего под фигуру, покроя. Но даже сейчас становилось очевидно, взгляд всех приковывала не она, а две фигуры на заднем фоне.

Вздохнула.

Снимок сделала не Катя — фотограф, папа одной из одноклассниц, но сути это не меняло. Главной на фото стала не Саша, и этому не стоило удивляться. Артём в костюме, отливающим серебром, Ангелина в бордовом платье. Оба улыбаются, а их лица...

Лица...

Детектив приблизила снимок и поняла, что зацепило бы её, не будь она знакома с

убитой. Не рунический символ на зеркале, не сердце с отколотым краем, не перья или нимб.

Лицо Васильевой. Макияж.

Ангелина всегда, из года в год неизменно пользовалась одним и тем же приёмом, нанося тональный крем и пудру так, чтобы нос казался чуть-чуть уже. Для кого-то это могло показаться пустяком, но для того, кто много лет мечтал разбить этот самый нос, разница была очевидной.

— И как я раньше этого не заметила? — Александра схватила телефон. Где-то в недрах социальной сети лежали сотни фотографий Васильевой. Были там и совсем свежие.

На всех без исключения подтверждалась догадка Селивёрстовой: убийца сам нанёс макияж своей жертве. Александра схватила ручки, бумагу.

Зачем он это сделал? Убийца пытался что-то замаскировать? Или хотел открыть миру несовершенство Ангелины? А, может, это его фишка? Почерк? И тогда передо мной серийник. Возможно... По крайней мере в этом случае руна с подарком отлично вписалась бы в сюжет безумства.

И, если это так, будет новая жертва. Но кто? Ещё один так называемый ангел?

Глава 11

Вита ответила не сразу. Марк боялся рыданий, но обошлось. Говорила подруга Снежинки почти спокойно.

— Как она, Марк? Почему не приехала? Я еле просидела с мамой Ангела. Это... это очень тяжело... Видеть, как мать убивается по единственной дочери. Никому не пожелаю подобного.

— Вит, я понимаю и сожалею, но... — говорил с открытым краном, тихо, чтобы любимая не услышала. — Но... сейчас ты нужна Снежане. Мне очень неудобно просить тебя об услуге и всё-таки...

— О какой услуге, Марк? Я так вымотана! Еле держусь на ногах. Прости, я вряд ли смогу чем-то помочь.

— Подожди! — пальцами впился в телефон. — Вит, умоляю, вопрос действительно серьёзный.

— Марк...

— Вит, я боюсь за Снежану.

Вздохнула.

— Она опять думает о самоубийстве?

— Закрылась в комнате.

— Плохой знак.

— И не говори. Она вбила себе в голову, что я убил Ангелину. Бред...

— О-о-о.

— Что «о»? Я не убивал, Вита!

Молчание.

— Вит, не глупи.

— Конечно, ты не убийца! Странный, но не убийца. Плохо то, что Снежана думает иначе. Но с чего? Это же глупо!

Он пребывал в замешательстве.

«Стоило ли говорить правду?»

Произнёс:

— Я много лгал ей.

Прочее решил не сообщать.

— Это зря. Ты же знаешь, как ей нелегко жилось с мужем. У неё столько теперь тараканов в голове... Всех не переловишь.

— Так что делать? Вит, она меня и слушать не желает. А тебе она доверяет как никому.

— Ты преувеличиваешь.

— Разве? Кто был рядом с ней после развода? Кому она плакалась, когда муж угрожал? Кому первой рассказала обо мне? Вит, она тебя считает подругой.

— Ну да. Мы с ней знакомы подольше, чем вы. — В голосе проскочила улыбка. Он почувствовал. Немного расслабился.

Вита продолжила:

— И со Снежанкиными тараканами мне как-то удаётся справляться. Она ведь ранимая и чувствительная. К ней подход нужен. И ей нельзя лгать. Ни в коем случае.

— Вит, я уже сотню раз пожалел о том, как всё вышло. И хочу исправить ситуацию. Ей нельзя оставаться одной. Ты же знаешь, какая она... — замолчал, выискивая нужное слово.

— Дурная?

— Я не то хотел сказать.

— Правда?

— Вит, так ты мне поможешь?

Какое-то время помолчала. Затем, тяжело вздохнув, ответила:

— Хватит на сегодня смертей. Жди. Скоро подъеду.

Марк повесил трубку, чувствуя подступающее облегчение. И тошноту. Перед глазами возникла Ангел.

Пощёчина.

И ненависть в женских глазах.

Он думал, она убьёт его, а вышло...

Марк тяжело выдохнул и вернулся в комнату.

Снежинка плакала. В голос.

— Не бойся меня. Пожалуйста... — попросил жалостливо. — Тебе я никогда не причиню вреда. — Занял прежнее место.

— А другим? — спросила, зная ответ.

— Снежинка, я не убийца. Верь мне.

— Я не об этом спрашивала, Марк! Не об этом...

Они просидели в тишине: он по одну сторону, она по другую. Слезы Снежаны давно высохли. Внутри царила пустота. Безразличие. Глаза остекленело смотрели в одну точку — за окно, где вечер отдавал свои права ночи.

Сна не было. Не было ничего.

Снежана сидела, не двигаясь. Замерев. Словно статуя. Таковой она себе и казалась.

Звонок в дверь будто разорвал сковывающие путы.

Отвернулась от окна, потёрла онемевшие пальцы ног, медленно поднялась. Вспыхнул свет, наконец вернули электричество. Снежана зажмурилась. Открыла глаза.

Марка за «окошком» не было. Она хотела выдохнуть, но, как оказалось, рано: он вернулся. Но не один. Рядом шла Вита.

— Снежанка, привет, — произнесла подруга и схватилась за ручку. — Я войду?

Снежана совершенно ничего не понимала. Что здесь делала Вита? Марк ей позвонил?

Но зачем?

— Я хочу знать, как ты, Снежанка. Марк будет в другой комнате, а я зайду. Хорошо?

— Что... Что он тебе сказал?

— Что волнуется за любимую женщину. Так я зайду?

Снежана молчала. Она видела, как Вита что-то шепчет Марку, и тот, кивая, уходит. После этого облегчение всё-таки наступило. Снежана открыла. Секундой неуверенно и робко и следующим мгновением столь резким движением, словно, не сделай этого, и наступил бы конец света.

Страх удушающей хваткой сжал горло. Отступил, как только за разделяющей перегородкой оказались обе: и она, и Вита.

— Вит... — обняла подругу, прошептала, — ты... его не боишься?

— Нет, Снежан. Встречала и пострашнее, — хотела разрядить обстановку, а встретилась с ужасом в зелёных глазах.

— Ты... ты шутишь?

— Прости, Снежанка, не вовремя. Я за сегодня выдохлась. Успокоительное из меня никакое. Марк попросил приехать, и я здесь. Только понятия не имею, что говорить.

— Вит, я... боюсь его.

Виталина вздохнула:

— Не хочешь рассказать, что у вас произошло?

Снежана задумалась. Подруге она доверяла безоговорочно. Вита была тем человеком, что всегда выручал, поддерживал. Не винил. Она никогда не говорила: «Я же предупреждала...» или «Ты сама виновата». Подруга всегда была на её стороне. Всегда доказывала верность.

Снежана поведала Вите всё вплоть до просьбы отвезти пряжу Ангелу.

Виталина внимательно выслушала рассказ, перемежающийся всхлипами.

— То, что он спал с Ангелом непростительно, — заметила она. — Если хочешь, я сейчас же попрошу его убраться прочь. А мы с тобой поедem ко мне.

— Ты веришь в его вину? — сердце замерло в ожидании ответа.

— Нет. Но тебе необходимо успокоиться и побыть в дали от Марка. Вам обоим лучше сейчас разобраться в себе: ему осознать, как опасна ложь. Тебе...

Снежана ждала продолжения.

— Тебе, — вздохнула Виталина, — вспомнить, почему после мужа ты всё-таки поверила другому мужчине. Почему поверила именно Марку.

Последние слова вызвали новые слёзы. Снежана согласилась ехать к подруге, и та вызвала такси. Марк согласился с доводами Виты: если так будет лучше Снежинке, значит, он уедет. Но сначала взял с любимой женщины обещание не игнорировать звонки.

— Я волнуюсь за тебя, Снежинка, — открыл входную дверь. — Конечно теперь я буду спокойнее, но...

— Со мной она в безопасности, Марк.

— Знаю, Вит. — Протянул руку к любимой. Опустил. — Снежинка, я... я не хочу, чтобы ты считала меня убийцей. И сделаю всё, чтобы тебя переубедить.

Она молчала, глядя в пол, не в силах взглянуть на Марка.

— То, что я пообещала брать трубку, совсем не значит, что я обещаю разговаривать, — произнесла едва слышно.

Марк вздохнул и первым покинул квартиру. У лифта обернулся — она это знала, хотя и

продолжала смотреть вниз.

Снежана понимала, если встретится с ним взглядом — внутри всё перевернётся, а она совсем не была уверена, что этот переворот хоть чем-то поможет. Скорее, наоборот, повергнет в пучину боли, заставит страдать ещё больше. Напомнит лучшее, что было между ними. То, с чем ей необходимо было расстаться навсегда, потому что прощать подлый обман и предательство она не собиралась.

Захлопнула дверь, закрыла глаза.

Вскоре машина выехала со двора, увозя Снежану, в чьём сердце занозой торчало воспоминание о встрече с красивым мужчиной.

«Неужели он мог убить?»

Чем дальше она удалялась от дома, тем сильнее начинала сомневаться в вине Марка. Не поспешила ли она с обвинениями? Не разрушила ли собственное счастье?

— Снежанка, ты действительно думаешь, он убийца? — ворвался в размышления голос подруги.

— Не знаю, Вит. Я... не знаю.

— Ладно. Разберёмся с тараканами. Только не плачь, а то я сама завою.

Снежана кивнула и сразу уткнулась лицом в небольшую сумочку. Это единственное, что она взяла с собой. Желание поскорее убраться из дома, где она вновь пережила часы страха, перечеркнуло желание выглядеть хорошо. Любимый гель, привычные средства для укладки волос, шампунь и даже расчёска остались на полке в ванной. Снежана везла с собой только разбитое сердце, сумбурные мысли, сменное бельё и телефон с зарядкой. Розовую помаду заметила позднее. Марку нравилось, когда она красила губы. Нравилось и бывшему мужу. Снежана схватила помаду на автомате и осознала это лишь, оказавшись в квартире Виты.

Марк ворочался. Сон ни шёл. На одно волнение наслаивалось другое. Снежана взяла трубку, как и обещала, но из разговора вышел монолог. Краткий. Глупый. Он повторял о своём беспокойстве. О своей невинности. Пожелал спокойной ночи. Пообещал позвонить утром. Снежана лишь в конце ответила всхлипом.

Сердце сжалось. Ему стало тесно в груди. Марк отбросил телефон, и тот врезался в мягкого тигрёнка. Подарок для Снежинки. Он так и не вручил его. Будет ли ещё возможность?..

Облокотился о стену, закрыл глаза, и в этот миг мысли вернулись к Ангелу. Он как наяву слышал её крики, её угрозы. Увидел сладкую жестокость в лице и хищную улыбку.

«Ты хочешь, чтобы она узнала правду?» — скалилась Ангелина.

«Не делай этого. Не причиняй ей боль», — просил Марк.

«Всё зависит от тебя. Снежану жаль. Но себя мне жаль гораздо больше. Или ты думал, воспользуешься мной и выкинешь? Я не та, с кем можно так обращаться. Запомни».

«Ты сама хотела этого», — безжалостно напомнил Марк.

«Но и ты не сопротивлялся. Тебя никто не насильовал».

Она улыбалась. И эту улыбку он видел сейчас в ночи. Она была на прикроватном столике, на полу, на стене, потолке. Висела в воздухе.

Как в фильме ужасов без лица, тела: одни лишь губы, покрашенные светло-розовым.

«У меня та же помада, что у твоей Снежаны. Но на мои губы ты смотришь иначе, — произнесла с обидой, заметив его отвращение. — Почему, Марк? Чем она тебя держит? Неужели лучше меня в постели?»

«Хватит, Ангелина. Я ухожу».

«Только попробуй, и я ей покажу наше видео!»

Марк вернулся в реальность. Видео... Оно волновало его не меньше ссоры со Снежинкой. Не меньше вероятных проблем с полицией.

При встрече Ангелина кричала, грозилась уничтожить его. Он отвечал тем же.

Если соседи слышали — неприятностей не избежать. В полиции легко соединят её шантаж и его прошлое. Одна ошибка. Один срыв. Но разве кто-то поверит? Он ударил Ангелину. Этого достаточно.

Марк ненавидел себя.

Проведя полночи в размышлениях, он решил забрать видео. Без него были шансы выкарабкаться. Соседи могли слышать совсем не то, понять не так. Оправдаться он сумеет. По крайней мере сделает всё возможное. А если флешку найдут, всё пропало.

Едва забрезжил рассвет, вытащил из ящика стола запасные ключи. Он не собирался ими пользоваться: Ангелина всучила их месяц назад. Марк собирался их отдать, но теперь радовался, что не сделал этого.

Накинул капюшон и выскользнул из квартиры.

Страх гнал на место преступления.

Глава 12

Васильева лежала в ванной. Александра стояла напротив и удручённо смотрела на бывшую одноклассницу. На след от удущья. На капли воды, смазавшие тушь. На мёртвое лицо.

Казалось губы Ангелины даже сейчас издевались над Селивёрстовой. Ухмылялись, будто говоря:

— Твоя мечта сбылась, Саша. Где радость?

Александра замотала головой и резко открыла глаза.

Образ Васильевой всё ещё был здесь. Расплывчатый, но он стоял перед глазами, пугая в ледяной тьме.

За окном тихо шуршал снег.

Детектив не очень любила зиму, но ей нравилось предвкушение Нового года.

Сейчас мысли о приближающемся празднике не приносили радости. Сердце болью отзывалось на сон и образ Ангелины. Последний удалялся, растворяясь в темноте. Только спокойствия это не приносило.

Александра поднялась с кровати, подошла к окну, взглянула на развешенные снежинки. С трудом верилось в то, что Васильева не встретит Новый год. Наверняка, она собиралась его отпраздновать с подругами. Несмотря на характер вокруг неё всегда вились люди. Чем-то она их цепляла. Быть может, своим профессионализмом? Чего-чего, а этого у неё было не отнять. Васильева обладала талантом к вязанию. Её вещи отличались вкусом, аккуратностью. Дышали индивидуальностью.

— Я хотела заказать у тебя свитер для Бриза, — тихо сказала Селивёрстова в пустоту комнаты. — Ваня бы порадовался такому подарку. Не сомневаюсь. Ты лучшая в своём деле. Ангел со спицами... Твой ник на сайте рукоделия. Я посмеивалась над ним, а теперь сожалею. Ангел или нет, но вязала ты волшебю.

Внутренний порыв, и Александра у компьютера. Пара нажатий, и на экране возникла заставка «С миру по нитке». Радостная гамма цветов в самых красивых оттенках осени. Падающие листья в тему. Заставка менялась в зависимости от времени года. Детектив не

знала, кому принадлежала такая идея, но самой ей смена изображений нравилась.

Перешла на страницу Васильевой, открыла галерею работ. Спустилась взглядом к описанию своего любимого комплекта: шарф, шапка и варежки нежно голубого цвета с тонкими серебряными нитями. Они напоминали облака с мелким дождиком. Александра хотела их приобрести. Но потом встретилась с Васильевой в парке. Разговор о предстоящем сборе одноклассников напрочь лишил желания что-либо заказывать у Ангелины.

— *Я слышала, ты всё же стала детективом. Только о тебе и легендарных маньяках не слышала? Что, так и не поймала?*

Васильева смеялась нарочито громко искусственно, но от этого не менее обидно. Коллег Александра легко ставила на место, не позволяя кому бы то ни было над собой издеваться. Но с Ангелиной дело обстояло совсем по-другому. Рядом с всегда высокомерной одноклассницей, Александра вновь становилась подростком и только училась давать отпор своим ровесникам.

Она специально приехала в парк рядом с домом Васильевой — следила за её передвижениями. Надеялась раз и навсегда положить конец неясной вражде. Ей так хотелось пойти на встречу одноклассников и провести нормально время. Хотя бы в этот раз не бежать от прошлого, а столкнуться с ним и победить, как она это делала со злом в лице убийц, маньяков, насильников.

Вот только бороться с ними оказалось гораздо проще.

— *А что ты вообще здесь делаешь? У нас появился маньяк?* — продолжала смеяться Васильева. — *Или ты соскучилась? А, нет! Ты, наверняка, думала о своём Артёме. Разочарую, Саша. Мы с ним расстались после выпускного. Переспали пару недель назад, но знаешь, он всё-таки не моего поля ягодка, так что бай-бай, рыжик.*

Саша догадывалась о той ночи.

— *Я хотела поговорить о выпускном и...*

— *И попросить меня быть помягче? Нет, Саш. Я веду себя так, как хочу. Я...* — ткнула наманикюренным ногтем в грудь Александры, — *живу так, как мне нравится, и сама решаю, к кому как относиться.*

На этом разговор был закончен. Васильева брезгливо обошла Селивёрстову и потопала прочь.

Неприятное воспоминание.

Снег усилился. Это была ещё не метель, но похоже. Соседние дома потонули в белом.

— *Это твоя маска,* — осознала Александра, отворачиваясь от экрана и припоминая в мельчайших деталях последнюю встречу. — *Если обращать внимание не только на слова и твой смех, становятся очевидны волнение и даже некоторая робость. Твои руки подрагивали, когда я протянула свою для приветствия, а улыбка была на губах, но не в глазах. Увидев меня, ты нацепила привычный образ, пряча истинные эмоции в глубине. Но жила ли ты так, как хотела? Или это был очередной обман для окружающих?*

Чем больше детектив обращалась к воспоминаниям, отбрасывая собственные эмоции, так мешающие видеть события правильно, тем сильнее убеждалась: Васильева никогда не показывала себя настоящую.

— *Ты всегда жила в образе. Но почему? Чего боялась?*

До утра Александра, напрочь лишённая сна, пыталась найти ответ. Читала переписку с клиентами, отзывы. Снова и снова изучала личную страницу Васильевой на сайте и в социальных сетях.

Её привлекли сообщения от самой Васильевой: та рекламировала двух коллег. У одной был ник «Фея», другую звали Снежана. Все трое явно дружили или умело создавали видимость. Детектив решила пообщаться с ними и уже стала забивать номера в телефон, когда позвонил Бриз.

— Разбудил? Прости. Знаю, рано, но я подумал, это для тебя важно.

— Что случилось?

— Задержан мужчина с фотографии. Его только что взяли на квартире Васильевой.

Глава 13

Рыбы. Много рыб. Одна безобразнее другой. Расплющенные, серые. Вонючие. Они кружили, окружали. Смотрели. От их взглядов хотелось сбежать, исчезнуть. Но рука сама потянулась к ножу. Откуда он взялся в воде? Нож распорол сначала одну уродину, затем вторую. Рыбы молчали. Кровь падала на дно. Алым наполнились глаза убийцы.

Вокруг всё стало багровым.

Пробуждение успокоило, отогнало навязчивые образы.

— Ненавижу рыб...

Контрастный душ, бритва. Капелька крови. Образ из сна? Нет. Боль настоящая. Пальцы стёрли кровь.

Вода. Полотенце. Кухня. Нож, зажатый в руке. Ключ, другая комната. Риск.

Комната полыхала красным: то ли в реальности, то ли в фантазиях. Шаг к окну. Взгляд на снежную улицу.

В тот день тоже падал снег...

Фото на стене.

Желание изгнать прошлое остриём нацелилось в снимок блондинки. Фотография размера А4, приколотая к обоям, вызывала гнев. Пробуждала время от времени дремлющие эмоции. Помогала быть сильнее и идти к своей цели по-прежнему, как и в начале пути, когда блондинка только появилась в жизни.

Ледяное воспоминание опалило холодом. Пришлось принять успокоительное. Однако облегчение не наступило.

Теперь справиться с нервами помогало лишь одно — когда ОНА боялась.

— Тварь... — нож вонзился в сердце блондинки. Испорченный снимок упал на пол — туда, где валялась сотня таких же.

— Завтра... — прозвучало в тишине. — Завтра один бульдог вернётся.

Снежана долго не могла заснуть. Мысли об Ангеле, о Марке не давали покоя. Вита отдала ей свою комнату, а сама легла в гостиной.

— *Не стоит, Вит. Это же твоя квартира. Я... я лягу, где скажешь. Ты и так слишком много сделала.*

— *Перестань. Тебе необходимо отдохнуть, а я часто смотрю по ночам телевизор. В комнате будет спокойно. Звук долетает, но зато не видно вспышек от моих манипуляций. Я же кнопки давлю, как тараканов. Перебегаю с канала на канал. Ты знаешь.*

— *Знаю.*

— *Так что решено. Отдыхай, а мне всё равно не уснуть после случившегося. Ты не видела Ангела... а я... видела. Мне, наверно, будут сниться кошмары. Лучше посижу у телевизора подольше. Вроде обещали повтор сериала.*

— *Если с Орейро, я тоже посмотрю,* — попыталась напроститься в компанию Снежана.

— Нет. Сказочный. Я в последнее время черпаю оттуда вдохновение.

Снежана не любила переделок известных историй. В итоге легла на чистое постельное бельё в комнате подруги. Смущения от чужих стен не испытывала. Не раз бывала здесь, а после развода с мужем даже ночевала какое-то время.

ОН с трудом подписал развод, пообещав вернуться и вернуть Снежану. Угрожал за поворотом ЗАГСа. Тогда-то она и решила поехать к подруге на часок. Вита была добра и предложила остаться. Снежана согласилась. После пережитого ей одной оставаться было страшно.

Той ночью не спали — ели пирожные, не заботясь о фигуре, болтали обо всём и ни о чём. Смотрели телевизор.

Сегодня же она и не напрашивалась особо на киносеанс — устала. Слышала, как Вита включила телевизор, принялась щёлкать каналы.

Снежана вслушивалась в звуки, а затем крепко уснула.

Утром решила, что события накануне пригрезились, но сочувствующий взгляд Виты подтвердил обратное.

— Как ты? — спросила подруга. — Я уже завтрак приготовила, новый заказ взяла, а ты всё спишь.

— Нормально. Спасибо. Правда есть совсем не хочется. Но я с удовольствием посижу рядом, — улыбнулась. — Итак чувствую себя обязанной.

— Не начинай. Так поступила бы любая подруга. Сколько мы знакомы? Года два?

Снежана улыбнулась, кивнула.

— И за это время ты ещё не поняла, что за тебя я волнуюсь, как за себя? Снежанка, — присела на край кровати. — Ты мне как сестра, хотя той рядом со мной никогда и не было. Никаких неудобств, слышишь? И ты мне ничем не обязана. А теперь идём завтракать. Хватит гонять тараканов по мыслям. Надевай всё, что понравится, и приходи.

Снежана испытывала неловкость от доброты подруги, поэтому надела одежду, в которой приехала, хотя парочка платьев Виты ей и приглянулась — из хлопка приятных цветов лета. Она не помнила, чтобы раньше их видела.

Стол украшало большое блюдо. Наверно, ещё советское. Обложенное салфетками, оно держало на себе огромное количество ровных круглых блинов.

— Когда ты успела? — изумилась Снежана.

— А что там успевать? — Вита отвинтила крышку на банке абрикосового. — Блины меня научила печь мама ещё в раннем детстве. Делов-то. Налил на сковородку, перевернул. Готово.

Снежана позавидовала подруге. У неё блины отчего-то не получались совсем. ЕМУ она жарила оладьи. ОН не возражал, не ругался. ЕМУ было главное побольше варенья, а на чём неважно.

— А чего ты в своём? — спросила Вита, заворачивая абрикосовое в трубочку. — Ничего не понравилось?

— Понравилось, но как-то неудобно. Всё-таки это твои вещи.

Вита вздохнула.

— Как хочешь. Я думала, побудем как сёстры, но ладно.

— Не обижайся.

— И не думала. Ешь, пока тёплые. Я ещё сбегала в магазин и купила набор для борща. Сварим на обед, согласна?

— Я... — Снежана покрутила в пальцах ложку. — Наверно, поеду домой.

— Уже? Ладно. Я вызову такси. Поедем вместе. Хочу удостовериться, что всё в порядке.

— Ты... ты о чём? — дрожь прошлась в районе лопаток.

— Не пугайся, — улыбнулась Вита. — Я уверена, Миша тебя не ждёт. Но мне будет спокойнее, если я сама смогу в этом убедиться.

Краска сошла с лица. В горле пересохло. Ноги задрожали. Снежана плотно сжала колени.

— Что-то я ляпнула, не подумав. Снежанка, прости. Не хотела тебя пугать. Всё, забудь. Никуда он не вернётся. Я поеду, чтобы составить тебе компанию, хорошо?

— ОН... тебе звонил? — сглотнула Снежана.

— Нет. Андрей сообщил, что Миша на свободе и всё. Больше я ничего не знаю. Забудь. Глупости. Мне просто сон приснился. Не обращай внимание. Сны ведь вещими не бывают. А я слишком распереживалась вчера, результат — тараканы в голове. Ешь и поехали.

— С-сон? — спросила, обхватив себя за плечи.

— Говорю же, глупости, — свернула новую трубочку, протянула Снежане. — Будешь?

Подруга мотнула головой.

Вита с удовольствием прожевала, затем продолжила:

— Совершенно дурацкий сон. Будто твой бывший муж стоит у вашего дома и пялится в мобильник. Говорю же, ерунда полная. Тараканы. Снежанка, не думай об этом. На нервах ещё и не такой бред приснится. Лучше поешь. Могу яичницу сварганить, хочешь?

— Не надо. — Дрожь не отпускала. — Я... хочу заехать домой и взять вещи.

— Решила всё-таки пожить у меня? Правильное решение! Будем как сёстры!

— Вит, я хочу заказать новые замки.

— Ого! Думаешь, он вернётся сразу после тюрьмы? Или ты испугалась из-за сна? Это я виновата. Снежанка, это всего лишь сон! Тебя никто не обидит.

— Так ты не против, если я останусь... ненадолго?

Ответом Вита обняла Снежану.

— Спасибо...

— Ладно. — Виталина отпустила подругу. — Поехали. С замками помогу, а то знаю, ты так будешь мямлить в трубку, что ни один специалист не приедет. Тебе уверенности не хватает. Но ничего. Я с тобой поделюсь своей. Хотя, если говорить об уверенности, то навалом её не у меня, а...

— У Ангела... — прозвучало одновременно.

— Может, её поэтому и убили? — предположила Вита. — Из-за излишней самоуверенности. У Ангела романтика намечалась: стол, конфеты, виноград, вино Бастардо. Ужин на двоих, похоже. Может, она не на того мужика запала?

Снежана сглотнула.

— Вино... град?

— Ну да.

— А какой? — спросила с замирающим сердцем.

— Обычный Кишмиш. Надеюсь менты разберутся и как можно скорее найдут этого подонка.

— По-полицейские, — поправила Снежана, вспоминая последний романтический ужин. Она сама его устроила. На столе был виноград Кишмиш и вино Бастардо. Марк обожал это сочетание.

— Менты... полицейские — одни тараканы. Сейчас вызову такси. Блины убирать?

Снежана кивнула. В голове ворочалась одна и та же мысль: «Неужели ужин предназначался Марку? Выходит, он солгал, и между ним и Ангелом было нечто большее?»

В квартиру Снежана входила осторожно, так, будто шагала по минному полю. Почти не дышала. О Марке старалась не думать. Вита ждала в коридоре.

Снежана первым делом направилась в ванную комнату за любимым гелем: аромат клубники и мелиссы всегда успокаивал. Открыла дверь и оцепенела. Страх щупальцами обвил тело, схватил за шею. Снежана хотела закричать, но не смогла. Коврик с дельфинами, единственный предмет интерьера, не поддававшийся ЕГО критике, потому что дельфинов ОН тоже любил, был осквернён самым жестоким образом.

— Тараканы всемогущие... — прошептала подошедшая Вита.

На коврике лежала тапка с вышитой мордой бульдога, а из-под неё торчала пустая мятая коробочка детского яблочного сока.

— Это... это же Мишины тапки, да? Я... я позвоню в полицию, ты только не бойся! Всё будет хорошо!

Снежана знала: хорошо уже точно не будет.

Глава 14

Рукавица Владимир Андреевич нервничал. Что-то не сходилось. Он не мог понять, что именно до того момента, пока не позвала жена. Увидев Лизу в воде, испытал безотчётный страх, а, успокоившись, пригляделся и вдруг понял: дело в лице Васильевой. Он лично осматривал труп вместе с Резниковым, а затем увидел фотографию на столе её матери.

— *Я хочу, чтобы моя девочка всегда была рядом,* — всхлипывала несчастная Светлана Ильинична, показывая снимок. Хватаясь за сердце. — *Знаете, мне ведь её всегда не хватает...*

Чуть позднее, вызвав машину скорой, и, погрузив, полуживую женщину, Рукавица обратился к Чуриной с просьбой сообщить всё, что та знает о жизни Васильевой. Виталина рассказала, что та была достаточно скрытной натурой.

— *О мужчинах она вам не рассказывала?*

— *Нет. Но... но мне кажется... она легко заводила... отношения. Порхала. Как... бабочка,* — всхлипывала Чурина.

Полезную информацию у неё получить не удалось.

Привыкший обращать внимание на детали, Владимир Андреевич долго и пристально изучал фотографии. Сначала ту, что стояла на столе, затем выброшенную в ведро. Одинаково счастливая улыбка, но при этом мёртвое лицо. Будто Васильева не жила, а так, существовала, всё время ожидая чего-то сокрушительного и неотвратимого. Будто она скрывалась за весёлостью. Не страдал он в юности романтизмом и тягой к лирическим стихам, решил бы перед ним скрытная женщина, не более. Но он страдал и довольно долго, поэтому видел в глазах Васильевой затаившийся страх.

Смущало и ещё что-то в её образе. Объяснить Рукавица не мог. Пока не взглянул на жену в ванне.

— *Пить захотелось, а вылезать неохота. Принеси холодного чая,* — попросила Лиза.

Он замер.

— *Вов?*

— Лиз, если женщину утопить, тональник расползётся? Сойдёт? Что-то изменится?

— Чего? Вопросы у тебя дебилские. Жду чай.

— погоди со своим чаем. Это важно. Вот ты сейчас в тональнике?

Жена обиженно кивнула и тут же добавила:

— Морщины, знаешь ли, с годами не уменьшаются.

— Я не о том, — замолчал.

— Ты хочешь провести эксперимент? — ужаснулась Лиза.

— Ради дела.

Жена смерила его гневным взглядом и ушла под воду. Тональник остался на месте. Как Рукавица не присматривался, изменений не заметил.

— Мне встать под луну? — поинтересовалась с ехидством.

— Не надо.

В тот момент Владимир Андреевич и решил послать на квартиру убитой за фотографиями. Он мысленно пинал себя за то, что сразу не взял снимки и не попросил Резникова. Поначалу убийство казалось ему понятным. Рукавица почти не сомневался: день-два и преступника поймут. Подозревал мужчину с фотографии. Теперь возникли сомнения.

Когда его сотрудник Ярослав Гольцев сообщил о содержании того самого подозреваемого, Рукавица обрадовался, но, допросив того, разочаровался и... почувствовал азарт. Несовместимые эмоции дали подтверждение новой мысли: дело Васильевой вовсе не такое обыденное.

Рукавице стало любопытно, чтобы сказала о преступлении Селивёрстова, но он решительно отогнал от себя желание с ней связаться.

Год назад они не сработались. Однако её тень до сих пор блуждала где-то рядом с его авторитетом. Ничего не поделаешь, его сотрудники работали с Александрой дольше и доверяли ей больше, чем ему. Но Владимир Андреевич отступать не собирался. В конце концов, Селивёрстова страдала буквально манией к распутыванию криминальных путаниц и была эмоционально неустойчива, а он всегда, в любой ситуации сохранял разум и уравновешенность, воспринимая работу работой, а не игрой.

Ареев Марк Давидович ему не понравился. Он не походил на звезду экрана, как предположила Лиза, увидев снимок, но при этом вёл себя столь же дерзко. Подобное поведение казалось безрассудством. И хотя тот не был похож и на убийцу, Ареев вызывал в Рукавице антипатию, что было недопустимо. непрофессионально.

Подозреваемый путался в показаниях, но при этом не сообщал ничего конкретного, много повторялся и нервно бегал взглядом по стене, будто пытался найти ответы там. Те не находились.

Его поведение выдавало сильнейшее волнение, граничащее с паникой. Грубость, вероятно, выступала защитным механизмом. Причин такому поведению могло быть множество, и Рукавица собирался выяснить их все.

— Повторим ещё раз, Марк Давидович, не упуская деталей.

— Я знаю, как вы любите закрывать дела любой ценой. Со мной этот трюк не сработает. Повторяю, я ходил на квартиру Васильевой за собственной зажигалкой!

— Которую оставили в ящике стола убитой. Или в шкафу? А, может, на антресоли? Вы искали повсюду: наверно, крайне ценная зажигалка.

— Да! Мне её подарили! Я ей дорожу!

— Так сильно, что, потеряв одну, сразу приобрели другую? — Рукавица кивком головы

указал на карман рубашки. Из него аккуратно синим прямоугольником торчал предмет спора.

— Что вам надо, б. ть?

— Правду, Ареев. Расскажите, почему вы убили Васильеву и за чем явились после.

Спокойный тон следователя бесил Марка.

— Я не убивал её! — заорал он, треснул коленом по внутренней части стола. Скривился.

— Возможно, — согласился Рукавица. — Но между вами что-то было. Расскажите.

— Не было у нас отношений!

— Я не говорил про отношения. Быть может, у вас была общая тайна? Секрет от Римской Снежаны?

— Не трогайте Снежинку! — В глазах мелькнул страх. — Хотите посадить меня, сажайте. Вам всё равно насрать на правду!

— Я пока правды не услышал.

— Я её не убивал... — повторил уже спокойнее. — Вот правда.

— Допустим. Объясните тогда, что вы делали в квартире?

— Искал зажигалку, — устало произнёс Марк.

— Хорошо. Я отлучусь ненадолго, а вы отдохните и обдумайте сложившиеся обстоятельства, — притворно добрым тоном предложил Рукавица. — Никто на вас давить не собирается. Я не зверь. — Улыбнулся и вышел.

Марка перекосило. Он понимал: попал по-крупному.

Владимир Андреевич встал перед зеркалом и принялся наблюдать за подозреваемым. Оставшись один, тот упал головой на стол, а затем, уставился в стену, повторяя одно и тоже:

— Чёрт, чёрт, чёрт!

Рукавица прочёл по губам.

Зачем Ареев явился в квартиру убитой? Явно не для того, чтобы занавесить зеркала или взять что-то в больницу для Васильевой старшей. Гольцев спрятался за диваном, когда услышал поворот замка и некоторое время следил за вошедшим. Ареев рыскал по квартире и судорожно шептал: — *Мне крышка. Это конец. Я убийца.*

Что имел ввиду? Вряд ли образность выражения. Тогда остаётся одно: это было признание. Недоказанное, со слов Гольцева, но оно.

Рукавица подождал пять минут. За это время подозреваемый весь извёлся, а на телефон следователя поступила нужная информация. С лёгкой ухмылкой Рукавица вернулся в допросную.

Марк ощущал себя загнанным. Но не зверем — чудовищем. Следователь делал всё возможное, чтобы он себя именно так и чувствовал. Марк не решался сказать правду. Удар женщины — это шаг к признанию в глазах самодовольного следака. Таких, как Рукавица, он знал: люди, чьей целью было доказать свою правоту любыми способами. Их не волновала вина и тем более правда. Важность имело одно — собственное эго.

Марк ненавидел мусоров, а подобных следователю, и вовсе презирал.

Проработав достаточно долго дежурным в одном из Следственных комитетов, он наслышался всякого. Но слухи — это ещё пустяки. А те картины, что разворачивались на его глазах действительно потрясали.

С детства он стремился к справедливости, но стать полицейским не вышло. В выборе

ошибся. С ответственностью не справился. Пошёл работать дежурным. И всё шло неплохо. Но потом он увидел жену с другим мужчиной и как с цепи сорвался. Тот день навсегда окрасился кровью и не только для него.

О намечающемся увольнении узнал первым. Прощаясь с работой, не такой уж любимой, но прикипевшей к сердцу, раздумывал, как исправить ситуацию. Как вернуться.

Довольно скоро понял — бессмысленно. Он сам не сможет. Инцидент видели коллеги. Тогда Марк решил полностью сменить вектор направления. Стал офисным сотрудником — помог бывший одноклассник. А через пару лет Марк повстречал Снежану. Думал, жизнь наладилась, но потом Снежинка познакомила его с Витой.

С Ангелиной...

Снова проблемы. И всё из-за внешности. Ангелина, словно, помешалась на нём.

Ирония судьбы заключалась в том, что сам Марк никогда не считал себя красивым.

— Продолжим? — следователь вошёл в комнату и смотрел на него с любопытством.

Марк был сам себе неприятен. Мало того, что слабый, способный поднять руку на женщину, так ещё и трусливый. Но ведь он боялся рассказывать правду из-за Снежинки! Как она без него? Справится ли? Не бросится в бездну, столь манящую её израненное сердце и раздавленную душу?

За полгода он дважды удерживал Снежинку от безумства: после смерти тётки, и когда из тюрьмы позвонил бывший муж.

Она была напугана до смерти.

— Ареев, вы думаете о Васильевой?

Мутным взглядом посмотрел на следователя. Внутренне сжался. Сдался.

— Нет. О Снежане.

— О Римской?

Кивнул.

— Я не хочу, чтобы она страдала.

— Тогда расскажите о событиях. Только честно.

Марк молчал.

— Ради Снежаны, Ареев. Или сразу поговорим о флешке?

— К-какой флешке?

Рукавица позволил задержанному хорошенько напугаться. Молчание угнетало, будоражило. Выбивало из колеи. Он знал это. И не ошибся.

— К чёрту! Если вам надо, паскудам, вы всё равно ведь меня посадите... Я расскажу, только... не говорите Снежане про видео.

Парень сдался. Рукавица ликовал. На грубость не отреагировал. За время службы научился пропускать мимо ушей оскорбления и чушь вроде этой.

— Я был на месте, — начал Марк. Старался держать себя в руках, но получалось плохо. Ещё и нога болела — коленом долбанул от всей души. Потряс ногой. Вновь скривился. — Работаю, мать его, в офисе торговой компании «Алияс». Можете поговорить с владельцем, Фёдоровым Антоном Евгеньевичем. Он подтвердит. Тоха меня и устроил. Снежинка, то есть Снежана позвонила и сказала, что Ангелина приболела. Попросила передать нитки. Я поехал после работы.

— Нитки купили по пути? — уточнил Рукавица.

— Нет. Снежана положила мне в сумку.

— Почему обратилась к вам, а не поехала, к примеру, сама?

— Я работаю неподалёку от дома Ангелины.

— И вы исполнили поручение?

— Да. То есть нет. Я приехал к Ангелине, но... про нитки забыл. Ангелина устроила романтический ужин. Снова признавалась в любви, а я говорил, что у меня есть Снежана. Ангелина была в бешенстве. Грозилась... — опустил глаза.

— Что?

— Рассказать правду о моём прошлом.

— И тогда вы её ударили? — поинтересовался следователь.

— Нет, — затих Марк. — Позднее.

— Продолжайте.

Сглотнул. Говорить было нелегко. Отпираться бессмысленно. Молчать глупо. Марк осознавал: его судьба в руках следака. Особого значения не имело, что именно он скажет. Рукавица его подозревал, и Марк ничего не мог с этим поделать.

— Ареев, что было дальше?

— Скандал... — тяжело выдохнул Марк. — Она будто слетела с катушек. Кричала, оскорбляла, шантажировала.

— Снятым видео?

— Да. Оно должно быть на флешке. Я... хотел уничтожить его, чтобы Снежинка... Снежана ничего не узнала.

— Так вы пришли не за любимой зажигалкой.

— Нет, — поднял глаза.

— Но Васильева могла сама рассказать о вас с ней Римской. Или подруги не доверяли друг другу?

— Доверяли. Вита Снежане ближе, но и Ангелине она верила. Я понимал, что такое возможно. Но... слова — это ведь просто слова. По сути только видео могло доказать мою... измену.

— И вы решили убить Васильеву, а затем избавиться от флешки, — подытожил Рукавица.

— Нет! Нет. Я не убивал Ангелину. Я же не кретин какой-то. Она, хоть и порядочная стерва, но подруга моей любимой.

— Слабое оправдание.

— Хотите верьте, хотите нет. Я говорю правду.

— Вы сказали, Ангелина заболела и поэтому нуждалась в нитках. Кстати, а зачем они ей?

— Будто вы не знаете. Она вяжет на заказ.

— А вы решили выручить и не собирались с ней спать.

— Не собирался!

— Потому что она болела?

Марк не понимал: следователь debil или пытается вывести его из себя. Рыкнул:

— Врала она Снежане! Что непонятного?

— Значит, Васильева чувствовала себя нормально.

— А как вы думаете, если она встретила меня в платье и с бокалом вина? Она была пьяна, но совершенно здорова!

— Так, когда же вы её ударили?

Марк закрыл глаза, какое-то время молчал. Успокаивался.

— Она... угрожала показать видео, — голос был тихим виноватым. — Я просил её не делать больно Снежане. Ангелина сказала, что ей жаль подругу, но себя она жалеет больше. У нас завязалось что-то вроде спора. Я объяснял, что Снежана слишком слаба, и это может её уничтожить. Ангелина издевалась над моей заботливостью и громко смеялась. Она, — сжал голову руками, — умела смотреть так, что хотелось придушить. В ней было столько... желчи, столько... жестокости. Я умолял оставить нас в покое, она говорила, раз Снежана пережила брак, то выживет и сейчас. Уверяла, что моя Снежинка сильная, и ей просто нравится быть жертвой. А это неправда! — в глазах появилось отчаяние. — И тогда... я ударил её. Несильно. Слегка. Приложился ладонью к щеке. Она не упала. Только смотрела на меня... с обидой. Я пригрозил ей неприятностями и вышел из квартиры.

— Выбежал, — поправил следователь.

— Я не помню. В голове стоял туман. Я же... до этого не бил женщин.

На телефон Рукавицы пришло сообщение. Он прочитал и вновь взглянул на Марка. С явным холодом. Отторжением.

Переспросил:

— Разве?

Пиликнуло второе СМС.

— Ничего не хотите объяснить? — развернул экран к задержанному.

Марк обречённо опустил голову. Петля затягивалась.

Глава 15

Александра сидела на диване, обложившись чистыми листами — подготовилась. На столе, маня разноцветьем, стояла большая коробка-подставка с богатой палитрой маркеров. Детектив переставляла местами салатный с изумрудным, жёлтый с песочным, приводя в порядок собственную иерархию цвета, а заодно и мысли.

Накануне звонил Бриз, и, наплевав, на запреты Рукавицы, рассказал ей всё, что смог узнать. Телефон убитой разблокировать пока не удалось, но информации и без того хватало. Красавца с фотографии задержали. Им оказался некий Ареев Марк Давидович, сотрудник фирмы «Алияс», и как утверждал Ваня, улик на него хватало. Соседи подтвердили скандальность взаимоотношений с Васильевой, в квартире обнаружилось интимное видео. Сам Ареев не отрицал связи с убитой и признался, что ударил её. Рассказал об обоюдных угрозах.

Сотрудники Владимира Андреевича поговорили с бывшими коллегами Ареева. Те отзывались о нём, как о человеке спокойном, уравновешенном, но, как только вопрос касался женщин, ответы становились расплывчатыми. С женой Ареев нередко ругался: коллеги частенько слышали. Но кроме одного неприятного случая припомнить ничего не смогли.

Конфликт, произошедший возле самых ворот запечатлелся в памяти многих. Работники единодушно обвиняли Марка в горячности, уверяя, что тот набросился на знакомого жену без повода. Разгоревшийся скандал закончился дракой. Пострадал Тимуров Алексей Викторович — бывший коллега Ареевой Маргариты Ивановны и сама Ареева. Охваченный гневом Марк ударил жену. Маргарита отделалась разбитой губой и коленкой. Ареев уверял, что это вышло случайно. Жена подала на развод. Общение Марка с дочерью Полиной сократилось до трёх раз в месяц. Обо всём этом с нескрываемой болью рассказала сама

Маргарита Ареева. Её звонок, перехваченный Рукавицей, поступил как раз во время допроса — бывшая жена укоряла Марка в том, что он забыл о Дне Ангела их дочери.

Ареев окончательно скис. Его лицо превратилось в сплошные страдания, о чём Рукавица позднее рассказал Резникову, а тот передал Селивёрстовой. Дальнейшие вопросы сыпались в пустоту, ударялись о безразличие и застывали в глазах подозреваемого. Пришлось сделать передышку.

Во время неё как раз и встретились следователь и криминалист. Случайно. В нескольких метрах от допросной.

Александра продолжала методично расставлять цвета. Малиновый встал в отверстие между карминовым и коралловым, цвет фуксии разместился после орхидеи. Тонкая морщинка пролегла меж бровей. Детектива продолжал волновать вопрос макияжа. Всё указывало на Ареева: из чужих отпечатков нашли только его, с другими мужчинами Васильеву не видели. Ссора, произошедшая незадолго до убийства, была слышна достаточно хорошо. Как и в любом старом здании, звук мог порадовать самого взыскательного шпиона.

Однако, Селивёрстова не была столь категорична, как следователь и допускала ошибочные суждения.

Когда оттенки заняли свои места, удовлетворяя требовательному вкусу, и хрустнула упаковка с очередной пачки печенья — Александра не поленилась и ночью сбегала в ближайший круглосуточный магазинчик за шоколадным — руки сами собой потянулись к бумаге. Первые слова легли на лист цветом сирени: давало о себе знать напряжение.

Предполагаемый убийца пойман? Не исключено, что настоящий преступник использовал перчатки и предпринял все меры для того, чтобы его не поймали. Это, если думать, что перед нами серийник. Подходит ли Ареев под его портрет? Не знаю. Мне кажется, что он скорее совершит импульсивное убийство. Возможно, я ошибаюсь, хотя Интуиция подводит редко. И даже, если не брать мою старую подругу в расчёт, как объяснить макияж? Почему Васильеву сначала задушили, а затем утопили? Зачем? Какой-то ритуал? Или я всё усложняю? Что означает руна? Имеет ли она значение? Или убийца специально нас путает, отводя от себя подозрение? Ареев бы так поступил?

Она взяла бордовый, потому что именно этот цвет сейчас ассоциировался с умершей одноклассницей и большими буквами вывела:

СВЯЗАНА ЛИ СМЕРТЬ ВАСИЛЬЕВОЙ С ЕЁ ИЗВЕЧНОЙ РОЛЬЮ СЧАСТЛИВОЙ ЖЕНЩИНЫ?

Звонок Бриза приняла моментально, будто и не погружалась в размышления.

— Пуля, всё совпадает, — тихо сказал Бриз.

— Что совпадает?

— Это он убил. Ареев. Рукавица обратил внимание на макияж убитой и копнул в биографию Марата чуть глубже. Оказалось, что Ареев какое-то время работал в косметическом салоне. Он её красил, Пуля! Представляешь?

Александра не выдала своего изумления: внимательность Рукавицы к деталям была выше всяких похвал.

— И это не всё! — продолжал Иван на повышенных тонах, позабыв об осторожности. — Ареев посещал психолога! Жена утверждает, что у него случались провалы в памяти. Понимаешь, что это значит?

— Он мог убить и забыть.

— Именно! Всё, Пуль, побежал. А то если Рукавица узнает...

— Ты серьёзно? — перебила детектив. — Думаешь, он не в курсе наших бесед?

Молчание.

— Бриз, о нашей дружбе не знает только слепой. Рукавица к ним точно не относится, — усмехнулась.

— Тогда к чему эти тайны?

— Это не тайны, приличия. Он понимает, без меня вам будет туго, но пойти на попятную мешает гордость. Он же сам запретил мне вмешиваться, грозил лишить лицензии, а вам велел ко мне не обращаться.

— И вы ведёте себя, как два барана... Прости, не обижайся, но если ты права, то это глупо.

— А когда я не была права?

На самодовольной улыбке Александры, которую явственно представил Иван, разговор закончили. Как оказалось, вовремя.

Судмедэксперт Павел прислал Ивану сообщение:

«Жду. Есть нечто любопытное»

Они нередко сидели на перерыве, общались. За годы совместной работы привыкли доверять друг другу и делиться новостями. Мосин Павел Эдуардович знал и Александру. Уважал. Поэтому о своих находках предпочитал прежде всего делиться с ней, а не с начальством — так было раньше. Или с Резниковым, так происходило теперь.

— Что у тебя, Паш? — спросил Иван, когда оба оказались у окна в коридоре. Одному хотелось подышать холодным воздухом, другой составлял компанию. — Не тяни. О чём хотел сообщить? Беременность? Наркотики? — торопил Резников.

Эксперт отрицательно помотал головой.

— Изнасилование?

— Не угадал. Татуировка.

Иван смотрел с недоумением.

— Необычная, Вань, — пояснил Мосин. — Во-первых, она полностью повторяет ваши находки: руну и сердце с отколотым краем. Во-вторых, её нанесли на правую ягодицу.

— И что?

— А то, Вань. Рисунок совсем свежий.

Резников присвистнул:

— Я должен рассказать Саше.

Селивёрстова схватила мобильник мгновенно, удивилась не меньше друга. Подозрения к Арееву ослабли. На листе появилась новая запись. Александра выбрала цвет переспелой сливы и написала:

«Татуировка идентична деталям с места преступления. Как это объяснить? Невероятное совпадение? Новый тренд среди маньяков? Или подсказка? Возможно ли то, что жертва знала о приближающейся смерти и таким образом оставила послание? Конечно, всё это лишь догадки, предположения. Попытки разобраться. Но, вдруг, я права? Тогда ясно, почему Васильева носила маску. Она боялась и не беспочвенно».

Детектив перечитала записи и вернулась к телефону. Она не сомневалась, если кто и мог знать о татуировке, то это подруги: Снежана и «Фея».

Глава 16

Марк чувствовал себя опустошённым. Он словно человек, ждущий смерти, знал: какие бы слова не произнёс, какие бы доказательства своей непричастности не нашёл, следак

обернёт всё против. Да и как тут оправдаться, когда на стороне «закона» даже бывшая жена? Рита ясно дала понять: он хреновый отец, отвратительный муж, страшный псих, избивший друга не за что. А как это не за что? Тимуров же, собака, влюблён в Риту с третьего курса! Он даже на свадьбе пожелал им развестись! Обернул слова шуткой, но Марк-то правду знал. Тимуров сох по его жене. А она, глупая, не замечала.

Марк сжимал и разжимал пальцы, мечтая о сигарете. После информации, полученной непонятно откуда о том, что он когда-то работал в косметическом салоне, следак его вновь оставил одного. А Марку это было совсем не надо. Постоянные уходы бесили. Сначала тот ушёл, когда услышал о поисках зажигалки, затем после разговора с Ритой. Дал время поразмыслить над патовой ситуацией, узнав о странной юности. Да, он подрабатывал, нанося макияж! Но когда это было? Сто лет прошло! И было так, по глупости. По приколу! Пospорили с другом. Кто ж знал, чем спустя столько лет обернётся шутка?! Тогда они с приятелем ржали, клялись забыть подработку, как страшный постыдный сон. И на тебе! Следак напомнил, да только теперь ни хрена не смешно!

Злость копилась внутри, застилала глаза. Марк не знал, что хуже: опыт в макияже или сеансы у психолога. Сейчас он вновь остался один. Почему? Из-за новых данных, слитых, наверно, той же Ритой. А, может, следак изначально знал, а жена лишь подтвердила. Сути это не меняло. На Марка напали громадные проблемы и грызли его, не щадя прежних заслуг. А ведь он всегда старался жить по совести. По закону. Даже после драки явился к Тимурову в больницу. Извинялся — Рита просила. Фрукты ему носил, запрещённые сигареты. И что взамен? Смех в лицо и плевков в душу. Срал Тимуров на его извинения. Ещё и говорил, что Марк не достоин Риты, и скоро она это поймёт.

Он и к психологу записался из-за случившегося, да и бывшая настаивала. Походил, порассказывал всяких историй, прочитанных в инете — курс надо было пройти, хочешь не хочешь, это было Ритиным условием к возвращению нормальной жизни. Но он не сдержался. На последнем послал к чертям и специалиста, и Риту. Вечером напился, пришёл домой не в себе, начал обвинять жену в эгоизме, припомнил болезнь Полины.

Отчётливые фрагменты печальной вереницей выстраивались в памяти, разъедая душу серной кислотой. Марк чувствовал не только обиду на жену, но и отвращение к самому себе. Пускай, он не убийца, но забыть о Дне Ангела родной дочери сродни преступлению. Если бы не чёртова Ангелина, сейчас бы стоял на коленях перед Полечкой и молил о прощении. Представил, как дочка сердится, дует щёки, как это умеют делать только пятилетние, грозится рассказать всё Деду Морозу, чтобы тот ничего не дарил её папе.

Если бы он только мог выбраться из допросной, из всей этой жуткой истории, первым делом бы помчался извиняться. И Полечка бы простила. Вместе они бы заказали на дом пиццу и булочки с корицей, потому что Рита не разрешала им вдвоём покидать квартиру, и смотрели мультики до глубокой ночи. Он пообещал бы передать с курьером, потому что уезжает в командировку, самого огромного мягкого тигра. Дочка обожала полосатых. Возможно, поэтому, выбирая игрушку для Снежинки, его взгляд зацепился за оранжевого зверя.

Снежинка... Как она там?

Марк надеялся, Вита сумела её отвлечь. Объяснившись с дочерью, он бы позвонил любимой. Услышать, что с ней всё в порядке — большего и не требовал. Ей надо пережить смерть подруги, его обман... Оставить прошлое в прошлом, как это сделал он.

Прошлое...

Следак едва вошёл в комнату, а Марк уже кричал:

— Розгин! Он мог убить Васильеву! Он ненавидел её не меньше меня!

— Кто это? — Рукавица скрипнул стулом.

— Бывший муж Снежинки! Снежаны Римской! Он сидел в тюрьме, а недавно вышел

Это из-за Васильевой его посадили!

— Что же вы раньше не вспомнили о такой... — улыбнулся притворно-дасково, — мелочи?

— Так вы на меня уже всё повесили! — ответил Марк.

— Но теперь вы так не думаете? Почему вдруг вспомнили о муже Римской?

— Потому что мне надо к дочери. Вы же слышали, мать вашу! У Полины День Ангела

Это очень важно!

Следователь не разделял мнения задержанного.

— Да будьте вы человеком! Отпустите на пару часов, проверьте Розгина, умоляю!

— Не могу, Ареев, — Рукавица смотрел, не отрываясь. — Вы задержаны по подозрению в убийстве Васильевой Ангелины Ефимовны.

— Что... — опешил Марк.

— Мы изучили её телефон и обнаружили весьма интересное фото. Персланное вами, Ареев.

— К-какое фото?

— Славянскую руну подарка с подробным описанием. Скрин из сети.

— И что?

Вместо слов Рукавица выложил на стол фотографии.

— Ничего не узнаете? Вверху. На зеркале? Не знакомо?

— Руна... — произнёс, тяжело выдыхая. — Только это совсем ничего не значит! Снежинка, Снежана увлекается славянской мифологией и всей этой хренью!

— Хотите сказать, она убила?

— Да, б...ь, вы что совсем охренели? Она тут ни причём! У неё зарядка села, а ей очень хотелось поделиться с Ангелиной, и она попросила меня переслать рисунок! Всё! Какой здесь криминал?

— Никакого. Но вы задержаны до выяснения обстоятельств.

Глава 17

Снежана с трудом успокоилась. Лёжа под одеялом в гостиной, она чувствовала себя в безопасности. Почти.

Вита сама позвонила в полицию, рассказала о найденном в квартире. Они обещали позаботиться. Сказали не волноваться и в случае чего обращаться за помощью. Но, к счастью, больше ничего не произошло. Он скользнул тенью в её новой жизни и исчез, будто бы тот ужас и вовсе привиделся. Только это была реальность страшная и опасная. Он побывал в её квартире. Она сама виновата. Почему не сменила замки сразу, после развода?

Снежана сама себе ответила: «Я думала, что у него есть совесть...»

Слёзы жгли глаза, комом стояли в горле. Как она ни старалась, всё равно не смогла сдержаться. Всхлипывая снова и снова, мяла уголок одеяла, ища глазами часы. У неё дома они висели прямо над телевизором. У Виты на стене позади дивана.

Обернулась, поймала минутную стрелку. Пятнадцать. Затем часовую.

— Всё хорошо уже два часа пятнадцать минут. Всё хорошо...

— Что ты там бормочешь? — Вита несла на утреннем подносе блюдец с пирожным.

— Да так. Успокаиваюсь.

— Не волнуйся. Не думай об этом, Снежанка. Ты со мной. Сюда он не сунется, а если надумает... — угрожающе потрясла кулаком в воздухе.

Снежана улыбнулась. Подруга для НЕГО не представляла угрозы, но от тёплой улыбки чуть-чуть полегчало.

— Если всё время изводить себя, вспоминая увиденное, то недалеко и до дурки, — заметила Вита без шуток. — Перестань думать о бывшем и поешь сладкого. А потом что-нибудь вместе посмотрим. Скачать комедию или, может, сказку?

Снежана едва снова не впала в рыдания — от захлестнувшей благодарности. Вита помнила, что она до сих пор любит сказки. Вита изо всех сил её отвлекала. Вита ни словом не обмолвилась об увиденном.

— Так что? Сказку? Сейчас включу торрент, и любая скачается в считанные минуты. Хотя, нет, за полчаса, наверно. У меня не самый «летающий» инет. Что скажешь? Может, и то, и другое? А когда отдохнём, пойдём варить борщ. Но, если не хочешь, приготовлю сама.

— Я... я... Вит, мне, если честно, хотелось бы поработать. — Сказала и испытала неловкость. Подруга так старалась, а она просила оставить её одну. Не прямым текстом, но тонким намёком.

«Я ужасный человек...» — сокрушалась Снежана.

— Знаешь, а это мысль, — ничуть не обиделась Виталина. — Мне же заказ дали. Почему бы не поработать? А то я так могу долго халявить, — засмеялась. — Ты права, Снежанка, лучше всего от тараканов отвлекают активные действия. Ну, или любимое занятие. В нашем случае это что? Правильно. Вязание. Я поставлю второй стол. Ты можешь выбрать любой. Я мешать не буду, но останусь рядом. Согласна? Мало ли там, пряжу передать, помочь чем, посоветовать?

— Согласна. Ты точно не сердишься?

— Ты прям, как маленькая! — махнула рукой. — Перестань, а? Не надо мне твоих тараканов. Я нормальная. То есть я хотела сказать, не такая обидчивая, как ты. Пирожное ешь.

Снежана взяла корзиночку с кремом, откусила.

— Так гораздо лучше. Ты не спрашиваешь, а я замки заказала. Завтра их поменяют. Не волнуйся, я сама за этим прослежу.

— Прости, Вит, я как-то...

— Выпала из реальности? Понимаю. Тебя выбили из колеи. Этот козёл... Ну да хрен с ним. Не будем пробуждать тараканов. Ты, главное, ни о чём не беспокойся. Пойду за столом. Ой! Чай принести? Или хочешь яблочного со... — Виновато прикрыла губы ладонью.

— Всё нормально. Я попью воды.

Подруга обняла Снежану:

— Забыла. Извини, Снежанка. К тараканам яблочный сок. Считаю, муж сделал тебе одолжение. Знаешь, сколько в соках сахара?

Снежана горько ухмыльнулась.

— Переходим на морс! — улыбнулась Вита, выпуская из объятий. Ушла на кухню.

Снежана вздохнула, с болью осознавая: ОН уничтожает всё, что она любит. Сначала сливочное масло и почти все соки. Теперь дошёл до яблочного, единственного, который она

могла пить.

Раньше.

После картины в ванной её тошнило от одной лишь мысли о «Добром», да и любом другом.

«Ненавижу тебя...» — призналась себе мысленно, крепко сжимая пирожное. Корзиночка раскрошилась. Крем испачкал пальцы. Аппетит пропал. Снежана скинула одеяло и понесла бывшую корзиночку на кухню. Виталина как раз убирала со стола: на нём всегда лежали разнообразные прихватки, стояла салфетница и ваза с декоративными цветами. Искусственные розы не нравились Снежане, но Вита была от них без ума.

— О, какие люди! Прибыла помощь? Хватай за ту сторону, а я за эту.

Вдвоём поставили стол у окна. Виталина открыла ящик с пряжей и прочими атрибутами вязания.

— Тебе что-то конкретное? Или так, словить музу?

— Просто хочу...

— Поднять себе настроение, ясно, — подмигнула Вита. — Тогда бери любую. Я не жадная.

Снежана вытащила два клубка: жёлтый и оранжевый. В зимнее время года хотелось согреться чем-то солнечным. Жизнерадостным.

Виталина справилась не так быстро. Она придирчиво рассматривала пряжу, брала в руки поочерёдно оттенки красного, хмурилась, убирала обратно, снова доставала. Что-то бормотала, но что Снежана разобрать не могла. Решив, что мешает подруге, села за стол у стены. Через каких-то пару минут первые петли были набраны. Снежана решила не злоупотреблять добротой подруги и сшить двухцветную повязку для волос. Узором выбрала широкую косу.

Она так увлеклась вязанием, что не заметила страданий подруги, а та нервно металась между оттенками.

— Маковый или бордовый, маковый или бордовый? — бродила она из угла в угол.

Если бы не запнулась о собственный ковёр, громко выругавшись, Снежана про неё и не вспомнила.

— Вит, помочь? — обернулась. Увидела растерянность в глазах подруги, поспешила на выручку. Взяла оба клубка. — Не можешь выбрать? А какой заказ?

— Связать Царевну-лягушку.

Снежана удивлённо захлопала ресницами:

— Она же зелёная. Зачем тебе красный?

— Не красный, а маковый или бордовый. Как зачем? — искренне изумилась Вита. — Не хочу её делать голой! Надену что-то вроде короткого платья.

— Тогда возьми розовый, раз так сложно выбрать.

— Розовый? Нет. Лучше маковый.

Виталина наконец приступила к вязанию, а Снежана, как не пыталась, так и не могла отделаться от мысли, вдруг ставшей навязчивой и тревожной: «Почему Вита использует в работах так много цвета, ассоциирующегося с кровью?»

— Снежанка! — услышала она вполне бодрый голос. — Музыку не желаешь? Мои тараканы сразу разбегаются, стоит включить радио.

Снежана благодарно улыбнулась. До жизни с НИМ она всегда работала под музыку, но потом страх его как-то обидеть, оскорбить, расстроить вынудили сидеть в тишине и

прислушиваться к каждому шороху. Вдруг, ЕМУ что-то взбредёт в голову? Вдруг, виноватой окажется Снежана?

— Что включить: радио или какой-нибудь старый диск? От мамы столько всего осталось.

— «Love radio», если можно.

— Немного романтики? Я не против.

Из динамиков негромко, фоном пела Уитни Хьюстон. Снежана растворялась в музыке. В прекрасных воспоминаниях юности, когда ещё не повстречала ЕГО. В недавнем настоящем, когда Марк пригласил на первое свидание.

Марк...

Сердце больно сжалось. Оно будто разом уменьшилось. Дышать стало трудно. В это мгновение Снежана почти не сомневалась: он не виноват. Марк, лучшее, что произошло за последние полгода. Она должна ему верить.

Робко поднялась из-за стола.

— Я... хочу позвонить Марку, — сказала, снимая телефон с зарядки.

— Я бы не стала этого делать. Отдохните, подумайте. Вам это обоим нужно.

И Снежана, успев, набрать номер, тут же сбросила.

— Думаю, он первым позвонит. Как всегда.

Снежана согласилась. Но Марк так и не позвонил. Она вязала узор, думая о нём и почти не слушала музыку, о которой столько времени мечтала, а Виталина сидела у окна и ничего не делала, тихо подпевая главной певице «Титаника».

Снежана встала размять спину и заметила пустой стол подруги.

— Вит? Что-то не так? Не получается? — спросила, подходя ближе. И тут заметила ножницы в руках Виталины и море красных нитей под столом. — Вит... — Забеспокоилась Снежана. — У тебя всё в порядке?

— Да. У мамы скоро годовщина смерти, и я... немного расклеилась, — Вита улыбнулась, и в её глазах показалась боль. Огромная всепоглощающая она мигом передалась Снежане.

— Прости, Вит, я совсем не подумала о тебе. — Красный ассоциируется с мамой, да? Поэтому ты часто выбираешь его для работы.

— Да, — кивнула Вита. — Один из его оттенков. Только я не помню, какой. Но не будем о грустном, а то сейчас набегут тараканы. Сварю-ка я нам... морс! Что скажешь?

Пожала плечами.

— Значит, решено.

Виталина сделала музыку погромче — её подруга не противилась — и ушла на кухню, а Снежана вернулась за стол. Она продолжала вязать, думая о том, какая сильная Вита.

Снежана мечтала быть такой же.

Взгляд убийцы устремился в окно. Проклятый снег всё падал и падал. Улучшений в погоде не намечалось. А так хотелось увидеть сквозь холодную пелену что-то тёплое согревающее. Что-то, вызывающее душевный трепет, а не злость.

Рука сама потянулась к мобильному, сменила заставку. Экран заполнился ярким солнцем где-то на пляже Крыма.

Настроение не изменилось. Белая крупа набирала обороты, а в душе убийцы всё сильнее бурлила ненависть. Впрочем, так происходило не только зимой. Осень и даже весна

ознаменовали приближение чувств, разрушающих сердце. Эмоций, от которых хотелось либо выть, либо убивать.

Глаза скользнули по столу, стенам, полу: никаких насекомых. Под рукой оказалась лишь муха. Уже давно дохлая. Легче не стало.

«Чтобы хоть как-то унять сверлящую боль, мне надо видеть, как ОНА страдает, слышать всхлипы. Чувствовать горячее предсмертное дыхание жертвы. Ощущать ЕЁ страх».

Сердце колотило по рёбрам, слизистую горла жгло, будто холод с улицы пробрался внутрь и теперь жалил с неистовой силой.

Крик, полный боли и страдания, едва не вырвался из груди, но сообразительности убийце хватало. Крик — неоправданный риск. Нет. Нельзя.

«Что ж... пока так...»

Пальцы сами легли на фото. Снимок женщины со светлыми волосами вновь занял место на стене. Ножа в руках на этот раз не было. Но убийце ничто не мешало рвать изображение ногтями.

Зубами.

В эту минуту чувство радости расплывалось по сердцу. Хотя бы на доли секунд становилось легче.

Убивать ЕЁ рано. Торопиться означало навредить. Навредить себе. И не получить долгожданное удовольствие в полной мере. Нескончаемые страдания и доведение почти до безумства. Как же без этого? Секунды ЕЁ жизни, мгновения должны были полниться жутким страхом, предчувствием катастрофы, неотвратимости смерти.

— Ты получишь сполна за всё, что сделала, но в своё время, — прошептали пересохшие губы.

Мысли кружили вокруг нового убийства. Знакомство, комплименты, предложение встретиться. Дальше имелись вариации. То, что предшествовало убийству и само убийство зависело от настроения. Васильеву хотелось задушить. Так и случилось. Мысль про воду пришла позднее. Сдержаться не удалось. Ванная недоангела представлялась тем самым ледяным озером. И Ангелина должна была уйти под воду.

ТОГО

ТРЕБОВАЛО

СЕРДЦЕ.

Глава 18

Андрей Гольцев стоял в очереди супермаркета «Карусель». По поручению Рукавицы ему следовало навестить Васильеву старшую и разузнать о татуировке её покойной дочери. Андрей решил не идти с пустыми руками и набрал целую корзину фруктов. Чего здесь только не было: апельсины, мандарины, яблоки двух сортов послаще и покислее, большая связка бананов и парочка лимонов. Жаль ему было женщину: дочь потеряла, мужа нет. Никого не осталось. Даже в больнице навестить некому. Андрей хорошо знал о страданиях брошенных стариков — сестра рассказывала. Она пять лет проработала в больнице: ухаживала за немощными, выносила утку, рассказывала сказки. Сестра была добрым человеком, и ему хотелось верить, что он тоже неплохой. И, пускай, Светлана Ильинична по рассказу совсем не подходила на роль старушки, Андрей не видел ничего странного в том, чтобы поддержать мать жертвы. В конце концов, разве полиция — это только поимка преступников? Нет, по мнению молодого сотрудника это была ещё и поддержка близких,

родных. Посильная помощь каждому, кто нуждался.

Искренне веря в правильность своих рассуждений, Гольцев показал удостоверение сотруднице и двинулся к нужной палате. Она располагалась недалеко: со здоровыми ногами и лифт не нужен. Два пролёта, и он уже наверху.

Соседей у Васильевой было трое: два мужичка лет шестидесяти с тяжёлой одышкой, впалыми щеками и старушка, доживающая свой век большая бледная вся в отёках. Она спала, и её сон больше напоминал смерть. Старички смотрели в окно. Оба увидели там нечто любопытное и никак не отреагировали на посетителя.

Гольцеву стало не по себе. Очень неудобно и страшно. В стенах словно бродила смерть.

Он ненавидел больницы, но любил людей.

— Добрый день, Светлана Ильинична, — улыбнулся Андрей. — Я вам фруктов принёс. Почистить апельсинчик?

Женщина нехотя отвернулась от того же окна и невпопад заметила:

— Снег засыпает мечты.

— Что, простите?

— Зимой меня покинул муж. Зимой ушла моя Ангелиночка.

— А я зимой нашёл собаку, — Андрей попытался разбавить угрюмость Васильевой.

— Ангелиночка не любила собак, — грустно улыбнулась женщина. — А кошечек любила. Она хотела завести огромного кота. Таких по интернету показывают.

— Мейн-куны, — понял Гольцев. — Хорошие коты. Только дорогие. Мне лично не по карману.

— Ангелиночка могла купить. Только... я сердилась. — Слеза появилась в уголке глаза. Светлана Ильинична вяло смахнула её и более внимательно посмотрела на своего неожиданного посетителя.

— Вы, наверно, из полиции, — вздохнула Васильева.

— Ну, да. Угадали.

— А больше некому меня навестить, — печально заметила женщина. — Вы хотели что-то узнать?

Гольцев смутился. Несчастливая мать вызывала исключительно положительные эмоции, и ему хотелось, как можно дольше откладывать неприятный разговор. Он понимал, придётся бередить свежую рану. И делать не хотел этого... вот так сразу.

— Пожалуйста, спрашивайте, что хотели и уходите. Я устала и хочу спать.

— Раз вы просите, — немного растерялся Андрей, — я начну. Но, может, всё-таки сначала фруктики? Моя мама говорит: лимонный чай спасает от любой хвори. Хотите, заварю?

— Тут нечем заваривать чай.

— Как же? — удивился Гольцев. — Я видел электрический чайник в коридоре. Можно вашу кружку? — протянул руку, улыбнулся.

Минуту Светлана Ильинична не решалась. Затем вздохнула и подала кружку: в больнице выдали её, ложку, а также халат.

— Вам с сахаром? Я захватил чайные пакетики и упаковку рафинированного сахара. Оставлю. Пусть будет.

— Почему вы так добры?

— Я не делаю ничего особенного. Подумаешь, напоить чаем.

Светлана Ильинична схватила его за руку, когда он уже собрался уходить:

— Вы точно вернётесь?

В глазах стояла мольба.

— Конечно. Я туда и обратно.

— Спасибо... — отпустила руку.

Андрей пошёл к двери.

Светлана Ильинична опомнилась:

— Молодой человек, а как вас хоть зовут?

— Ой, простите, — остановился, зарумянился, показал удостоверение.

— Андрей... Иванович... Гольцев, — медленно прочитала Васильева. Подняла глаза на сотрудника полиции, мягко улыбнулась. — Очень приятно, Андрей. Я рада, что вы пришли.

Мать рассказывала о погибшей дочери так, будто Васильева всё ещё была рядом.

— Моя девочка отличается ото всех остальных. И поверьте, я это говорю не только потому, что она моя дочь. Она, действительно, особенная. — Светлана Ильинична ласково улыбнулась, повернувшись к окну. Продолжила, не глядя на Андрея. — Она совершенно ничего не боится. Я знала... чувствовала, что однажды это закончится плохо. Она ведь без царя в голове. Живёт, как хочет, говорит, что думает. Никого ни во что не ставит. Нет, не подумайте, она хорошая, но характер у неё сложноватый. Мало кому понравится такая прямолинейность. Люди же как, привыкли подстраиваться, уживаться вместе, а Ангелиночка так не умеет. Она с детства оторва. — Посмотрела на Андрея и будто вернулась в реальность. — Бы...ла... оторвой. Простите. В горле пересохло, — сказала и сразу потёрла глаза.

Гольцев протянул салфетки. Его сестра и мама учили всегда иметь при себе бумажные платки и протирать ими все поручни в транспорте. Андрей этого не делал, боясь показаться чокнутым, но упаковку всегда держал в кармане.

Светлана Ильинична высморкалась, скомкала платок, дрожащей рукой забросила в полиэтиленовый пакет к одинокому фантику от мятной конфеты — один из соседей угостил. Подняла мокрые глаза на Андрея.

— Мне не верится, что её убили. Я знаю, она была... непростой девочкой. Но кто мог пойти на убийство? Неужели виновата та дурацкая татуировка? Я говорила, до добра не доведёт знакомство с этим Юрой. Но разве моя девочка кого-нибудь слушала?

— О какой татуировке вы говорите?

— О той, что... простите. В неприличном месте.

Гольцев сделал пометку прямо в мобильном, где уже значились определённые данные по убитой.

— Светлана Ильинична, не могли бы вы рассказать о татуировке поподробнее?

Женщина вздохнула.

— Она сделала её пару дней назад. Уж зачем не знаю. Сказала мне, что на спор по пьяни. Кошмар какой... — Светлана Ильинична скривилась, будто от физической боли, схватилась за сердце.

— Вам плохо? — подскочил Андрей.

— Сердце немного шалит.

— Тогда, может, отдохнёте? Я попозже найду.

— Нет-нет. Лучше я расскажу всё сейчас. Не хочу, чтобы меня снова тревожили расспросами о моей девочке. Спрашивайте.

— Хорошо. Расскажите, пожалуйста, о том, как вы узнали про татуировку. Быть может, вы знаете, где расположен салон или кто такой Юра?

Светлана Ильинична жестом попросила воды, и когда Гольцев вернулся, с немалым трудом начала рассказ.

Выходя из палаты и стараясь не разбудить измотанную разговорами и волнениями женщину, Андрей уже знал район, где располагался салон, примерное название и имел словесный портрет мастера Юры. Знал Гольцев и причину, по которой Васильева в тот вечер напилась.

Глава 19

Александра без труда нашла адрес обеих подруг Васильевой: спасибо сайту «С мира по нитке». На главной странице рукодельниц содержалась полная информация. Так детектив узнала, что «Фея» — никнейм Чуриной Виталины Алексеевны. Это она обнаружила труп Ангелины. Вторую подругу звали Римская Снежана Глебовна. Из пересказа Бриза следовало, что задержанный Ареев был её сожителем.

Детектив набрала Римскую, объяснила, кто она, попросила о встрече. Ответом было невразумительное мычание. Трубку перехватила Чурина, предложила поговорить у неё дома. Там они со Снежаной отходили от свалившихся на них трагедий.

Селивёрстова нашла дом быстро. Здание старое, район не самый благополучный, денег на ремонт явно не хватало. Александра обратила внимание на отсутствие камер.

Двор был почти голым: он состоял из большой «коробки» — зелёной помойки, вынырнувшей будто из детства, площадки с одинокой, местами проржавевшей горкой, и парочки скамеек, исписанных похабными словечками. Подъезд номер 3, где жила Чурина, пах мочой и пивом. Квартира Виталины — корицей и яблоками. Хозяйка встречала в красном домашнем костюме, состоящем из приталенных штанов, они подчёркивали стройность ног, и кофты с рукавами-фонариками. Кофта оголяла плоский живот. Детектив бы надевать столь короткие вещи не стала. Переросла подобную «сексуальность». Но покрой костюма, форма рукава и цвет: приглушённо красный ей нравились. Непроизвольная симпатия к Чуриной мигом вспыхнула где-то в сердце, в глубине — там, куда Александра сбрасывала ненужные эмоции-преграды.

Селивёрстова абстрагировалась от всего лишнего и более внимательно посмотрела на Виталину: ничего примечательного, кроме волос. Богатые, вьющиеся тёмно-каштановые.

Взгляд светло-зелёных глаз был дружелюбен, но при этом в нём чувствовался некий изучающий элемент. Словно, не только Александра «сканировала» хозяйку, но и та её.

— Вы не похожи на детектива, — улыбнулась Виталина, когда Селивёрстова сняла зимнее пальто. — Детективы одеваются иначе. Возможно, мои тараканы выросли, но ваше платье точно не рабочее.

Александра, стоя в бирюзовом «футляре» — именно на это платье упал взгляд перед выходом — ответила улыбкой, отметив про себя любопытное выражение Чуриной про тараканов. Оно ей понравилось. Затем без претензий, пояснила:

— Представления зачастую кардинально разнятся с реальностью. Если вы думали, что детективы выглядят, как на экране, то вынуждена огорчить. Моя одежда никоим образом не зависит от расследований. Как и вы, я одеваюсь по желанию.

— И зачем вы мне всё это объясняете?

— Я с вами откровенна и жду того же.

— Что ж. Тараканы с вами, проходите. Бахилы на верхней полке. Я не очень люблю

мыть полы. Откровенность за откровенность, — рассмеялась.

Детектив не любила преждевременных выводов, но Чурина оказалась ей весьма приятной личностью. Занимательной.

Гостиная была небольшой светлой. Два стола казались лишними — хватило бы и одного. Но присмотревшись, Александра поняла, чем объяснялось такое изобилие. На столе у окна лежала кучка разрезанных нитей. У стены — аккуратная двухцветная повязка для волос. Работали явно двое разных людей. Совершенно разных, если судить по аккуратности разложенных принадлежностей для вязания.

— Снежана в ванной комнате, — сказала Виталина. — Она пролила морс и теперь стирает. Я говорила, что у меня есть машинка, но она бывает такой упрямой.

Александра кивнула.

Вита поймала её заинтересованный взгляд на пряже и спросила:

— Хотите посмотреть?

— Да.

Направились к столу у окна.

— Я нервничала и в итоге просто порезала нити. А изначально мне хотелось сшить коротенькое платьице для Царевны-лягушки.

Недоумевающий взгляд детектива её рассмешил.

— Да-да-да. Я та самая «Фея» с «Мира», которая вяжет игрушки в непривычных нарядах.

Александра, сидя в метро, просмотрела работы подруг Васильевой и сразу обратила внимание на изобилие красного у Чуриной.

— Позвольте полюбопытствовать, почему вы выбрали маковый оттенок?

— Моя... мама любила этот цвет и его вариации. Я... даже не знаю, как так выходит. Взгляд будто сам останавливается на красном. А вы тонко чувствуете цвета?

— Я люблю цвета, — расплывчато ответила Александра.

— А чай хотите? Морс есть. Я для Снежанки приготовила, а потом решила испечь и пирог. Он, кстати, уже на подходе.

— Нет. Я бы хотела приступить к беседе. Но за приглашение спасибо.

Виталина погрустнела. После тяжёлого продолжительного вдоха произнесла:

— Я видела Ангелину мёртвой. Это... никому такого не пожелаю. Кто мог с ней сотворить подобное? Какой изверг? За что?

— Попытаемся выяснить. У меня к вам пара вопросов.

— Спрашивайте. Только Снежанку сильно не мучайте. Она очень чувствительная.

Вода шумела. Джемпер лежал в тазу давно выстиранный. Снежана дрожала, обнимая себя за плечи. Она слышала, как прозвучал сигнал домофона, как Вита пошла открывать. Приятный незнакомый женский голос показался Снежане безопасным, но выходить всё равно желания не возникло. Полиция, частный детектив — неважно. Она ни с кем не хотела говорить об убитой подруге. Просто не могла возвращаться к этой теме, к столь любимому и хорошо известному образу. Она не Вита. Она слабачка.

Взглянула в зеркало, поймала собственный настороженный взгляд. Решила умыться, почистить зубы. Щётку из дома не взяла, но справиться можно было и пальцем. Она так спасалась лет в тринадцать, когда оставалась ночевать у подружки. То были счастливые времена. Жаль школьная дружба редко остаётся на всю жизнь. Разные интересы, вкусы.

Мировоззрение, в конце концов. Всё это разделило её с Манькой, оставив лишь радостные картинки безвозвратно ушедшей юности.

Происходящее с Витой вызывало ностальгию. С ней тоже было очень хорошо. Как-то уютно. По родному. По-простому.

Снежана любила Виту. Пожалуй, больше, чем Ангела, хотя Вита и Ангел были похожи. Обе сильные самодостаточные, а она — вечная жертва то ли обстоятельств, то ли собственной глупости.

— Снежанка, — дверь распахнулась. — Всё в порядке? Я тебе кофту принесла. У нас там детектив сидит. Ей нужно задать пару вопросов. Пойдём, не бойся. — И шёпотом добавила: — Она вроде нормальная. На типичного мента не похожа.

— Полицейского... — поправила Снежана.

— Один таракан, — Вита махнула рукой. — Я ей уже всё рассказала. Она долго доставать не будет.

Снежана нехотя поплелась в комнату, едва не забыв выключить воду.

— Я закручу, — улыбнулась Вита, — и джемпер повешу на батарею. Иди.

Никакой полезной информации получить не удалось. Чурина сообщила, что Ангелина с удовольствием рассказывала о работе, покупателях, но переводила в шутку всё личное.

«Я живу так, как хочу, — смеялась она. — А большего никому знать и не надо. Кстати, у одного моего покупателя «Андре» такая сексуальная фотка в инсте...»

Александра на всякий случай записала услышанное имя захваченной ручкой чёрного цвета. Думала взять целый набор, но включила собственную логику и поняла, что это неразумно. Пометки можно сделать и одним цветом, а уже дома разобрать на «правильные» цвета.

О Марке Чурина не знала. Очень переживала за подругу. Ужин для Виталины тоже стал неожиданностью. О пристрастиях Ареева к вину и винограду она не имела ни малейшего понятия. Римская немногим делилась из личной жизни. Она была не столь скрытна, как Васильева, но тоже рассказывала мало.

Новость о татуировке Чурина не удивила: подруга была той ещё оторвой. Но предположений, откуда тату взялась, у неё не было.

Виталина пошла за Римской, а детектив огляделась вокруг. Её то и дело отвлекали часы. Они висели неровно. Александра хотела поправить, но тут в комнату вошла Римская.

— Не стоит. Это часы её мамы, — заметила Снежана тихим голосом.

Селивёрстова опустила руку.

— Римская Снежана Глебовна?

— Да.

— А я детектив Селивёрстова Александра Сергеевна.

— Я о вас, кажется, слышала.

— Правда?

— Вы сами пытались поймать «Собирателя», — опустила глаза. — Простите. Об этом много говорили. (Читайте «Эхо над бездной»)

— Взбалмошная и неуравновешенная. Угадала?

Снежана кивнула и добавила:

— Извините. Это не моё дело. Просто Андрей все уши прожужжал Вите о беспечном детективе.

— А Андрей — это кто?

— Её знакомый.

— И где он работает, раз наслышан обо мне?

— В полиции.

— Любопытно. А «Андре» — это не Андрей, случайно?

— Андре? — переспросила Римская. — Ни разу не слышала, чтобы Вита его так называла.

Селивёрстова сделала пометку. Улыбнувшись, спросила:

— Присядем?

Снежана опустилась на диван. Коричневый узкий потрёпанный он стоял почти посередине комнаты, и с него отлично рассматривались столы: что у стены, что у окна.

— Это повязка на голову? поинтересовалась Александра, кивая в сторону двухцветной вещицы.

Римская кивнула.

— Вы не любите шапки?

— Да. Честно говоря, не очень. Они мне и не идут. Ангелу идут... — запнулась, — ши... Она была красивой. А мне... нет.

Детектив смотрела на привлекательную женщину с выразительными чертами лица. Римская обладала той красотой, что не нуждалась в косметике. Она была хороша без всяких добавок. Её чистые зелёные глаза грустили. Но даже в этой грусти Снежана казалась первой красавицей. Пожалуй, её внешности уступала даже Васильева.

«Ясно, почему Ангелина так хваталась за Ареева и пыталась удержать всеми доступными ей способами. Она не могла смириться с тем, что рядом есть кто-то лучше. И уж тем более, что понравившийся ей мужчина выбрал другую».

Александра продолжила рассматривать Римскую.

Обычные джинсы. Видно, что старые. Кофту одолжила явно Чурина. Те же рукава-фонарики, та же ткань, только цвет иной: не тёмно-красный, а нежно-голубой, отлично подчёркивающий светлые волосы. Снежана явно чувствовала себя в ней некомфортно: постоянно пыталась отдёргнуть слишком короткую кофту.

Детектив обратила внимание на ноги. Улыбнулась. Тогда, как на ногах Виталины сидели аккуратные туфли-тапочки под цвет домашнего костюма, ноги Снежаны были спрятаны лишь в серые носки с россыпью жёлтых звёзд. Александра невольно подумала о собственной коллекции серого: небогатой, но разнообразной.

Римская продолжала молчать. Старалась не смотреть на детектива. Пыталась спрятаться в коконе. А детектив не могла взять в толк, почему у столь красивой женщины такая низкая самооценка? Откуда неуверенность?

Снежана в сотый раз заправила прядь за ухо, одёрнула кофту. Александра понимала: ещё немного и Римская попросту сбежит. Это читалось в её несчастном запуганном взгляде, сжатой позе, подрагивающих губах.

«Необходимо продолжить разговор, — рассуждала детектив. — Шапки не помогли. Но заговорить о Васильевой даже после обмолвки самой Римской нельзя. Слишком рано. Римскую стоит расположить. Она должна довериться. Почувствовать себя в безопасности. Понять, что я искренна».

Психологический портрет сидящей рядом женщины уже нарисовался в мозгу, и Александра, учитывая опыт работы с разными типажам, в выводах не сомневалась.

— Снежана, вы давно вяжете?

— Д-да. С... детства.

— Я тоже пыталась. Не вышло, — улыбнулась Александра. Она вспомнила, как на даче брала у бабушки пряжу, когда та спала. Долго выбирала среди изобилия цветов желаемый, брала спицы и... бесконечно путала петли, пропускала, рождая на свет всё новый и новый рваный шарф. Даже не шарф — кукольный шарфик.

Бабушка смеялась, обещала, что у Сашеньки всё получится. А когда десятилетняя девочка показывала свои труды родителям, те вздыхали и обязательно говорили что-то вроде: «Руки у тебя точно не из того места, хотя у мамы с этим всё в порядке», или «Только испортила. А нам опять новые нитки покупать?»

Саша не обижалась. Успела привыкнуть.

— Меня бабушка научила вязать, — Римская тепло улыбнулась. — Я какое-то время жила у неё. Мама часто болела. Папа всё время был с ней. А мне у бабушки было хорошо. Она любила вязать шапки и читать стихи. Я знала Маршака наизусть.

— Я тоже. Прекрасный автор. Наверно, стихи любите до сих пор?

Снежана кивнула.

— А моя бабушка вязала носки. Тёплые и жутко кусачие. По ночам, засыпая, мне мерещилось, будто на пятках сидят ёжики. Неприятное ощущение, должна признаться.

Снежана улыбнулась шире:

— Я вообще в детстве боялась ёжиков. Странно, да? Честно говоря, я чего только не боялась. Бабушка иногда шутила, что я маленькая шкатулочка страхов. А однажды я решила связать ёжика. Вышла какая-то кракозябра, но ёжики во сне перестали быть великанами.

— Интересный способ. Никогда не пробовала.

— Попробуйте! — воодушевилась Снежана. — Однажды у меня на глазах собака покусала соседа. Я швырнула в пса палкой, вызвала скорую, а потом дома сидела и вязала жуткую морду. Бе. Но знаете, как ни странно, мне это помогло. Увидев ту самую собаку во дворе, я не испугалась. Просто представила вместо грозного пса свою поделку, и страх отступил.

— Получается, вы спасли человека.

— Да нет. Так поступил бы любой.

— И Ангелина?

Снежана замялась. Ответила:

— Наверно... Ангелина... ничего не боялась.

— Она была бесстрашной?

— Немного безумной.

— А татуировку она могла бы сделать, как считаете?

— Когда... Ангелина была пьяна, то была готова на всё, что угодно. Она однажды на спор покрасила волосы.

— Свои?

— Шутите. Она обожала свою внешность.

Это Александра и сама отлично помнила.

— Витины, — вздохнула Римская. — Ангелина... поспорила со своим знакомым Юрой. Кстати, он как-то предлагал всем нам сделать татуировки, но мы отказались.

— Почему? — спросила детектив.

— Я не люблю подобное, — честно ответила Римская. — Вита тоже, а Ангелина

боялась малейшего укола. О какой тут можно говорить татуировке? Да и свою кожу под нож... Нет, — мотнула головой, — Ангел ни за что не позволила бы издеваться над своим телом. Вы её не знали. А я с ней познакомилась раньше Виты. Правда, с Витой мы стали всё равно как-то ближе.

— Вернёмся к спору.

— Они о чём-то поспорили с Юрой. Я сути не знаю. Ну, и Ангел проиграла. По условиям надо было покрасить волосы. Вот она и выкрутилась. Чтобы не портить свои, покрасила Витины. В условиях же не говорилось, чьи имеются ввиду.

— Хитро.

— Ангелина была находчивой, — грустно улыбнулась Римская.

— Скажите, а волосы сильно попортились?

— Вита пару месяцев ходила ярко-розовой, — вздохнула Снежана. — Ангел красила её после очередной... пьянки. Это было, кажется, прошлой зимой или ближе к зиме... не помню точно. Они устроили шумную вечеринку и сходили с ума. Голыми выбегали на улицу.

— Зачем? — искренне изумилась детектив.

Римская какое-то время молчала. Затем пояснила:

— Некоторым людям как воздух необходимы острые ощущения. Ангел и Вита именно такие.

— А вы нет.

— Я нет.

— Считаете это глупостью?

— Я бы, может, и попробовала, но у меня был муж, который не отпускал ни на какие вечеринки. — Голос Римской задрожал. — Простите. Не хотелось бы о нём говорить.

— А мужчин Васильевой вы видели?

Снежана отчаянно покраснела. Вновь потянула за безнадёжно короткую кофту:

— Нет. Она... не рассказывала о своих взаимоотношениях. Только отшучивалась, что живёт так, как хочет и... спит с тем, с кем... хочет.

Последние слова дались Римской нелегко. Детектив это видела. Но всё же решила развить тему:

— О её связи с Ареевым вы тоже не знали?

Снежана спрятала лицо в ладонях и тихо пробормотала:

— Нет. Но он не мог этого сделать. Не мог...

Глава 20

Рукавица велел Гольцеву поговорить с татуировщиком, и Андрей, готовый ради уважаемого начальства бежать сломя голову по любому вопросу, покинув больницу, сразу же направился на Невский. По словам Светланы Ильиничны Юрий работал в салоне где-то в центре, во дворах, недалеко от Александро-Невской лавры. Ей дочь рассказывала, что у лавры как-то видела французов. Ангелина подумывала познакомиться с одним из туристов, но проблема заключалась в том, что она не владела даже элементарными познаниями в языке. Не шли у неё иностранные.

Гольцев с помощью «Алисы» узнал о всех тату салонах в округе и вскоре оказался у неприязнательного здания с заляпанной вывеской. «На стилЕ» встретила его мрачной атмосферой и жутковатыми рисунками на стенах. Место не располагало ни к творчеству, ни к преображению. Более того сам Андрей был настроен категорически против таких украшений, считая любой нательный рисунок отсылкой к тюремной жизни. Он понимал, что

ошибается в суждениях, но всё равно терпеть не мог татуировки, поэтому чувствовал себя здесь крайне неудобно.

Судя по отсутствию какой-либо охраны, администратора и, хотя бы одного человека в длинном мрачном коридоре: либо он попал на время обеда, либо работники отличались нездоровым пофигизмом и глупым бесстрашием, либо все умерли. Гольцев практически не сомневался: у владельца не найдётся лицензии на деятельность. Или найдётся, но она окажется липовой, что не заметит подросток, мечтающий стать крутым, но без труда увидит он, молодой, но перспективный работник органов.

Мастера нашёл в комнате с открытой настежь дверью и сразу узнал в нём Юру. Мать убитой отлично его описала. Боровоподобный рыжий с пирсингом по всему лицу. Классический такой, словно, взятый из малобюджетного сериала. Вспоминая внешность Юрия, Светлана Ильинична морщилась и недоумевала, как её красавица Ангелиночка могла связаться с таким страхолодиной. А ведь она не только связалась, но и фотографировалась с ним. Мать как-то полезла в телефон, и сама увидела. Они потом с дочкой сильно поругались.

Юрий ел прямо из пакета: оранжевый соус капал на бумажную поверхность. Одежда мастера оставалась чистой, но всё равно человек в чёрной футболке с черепом на груди не вызывал у Гольцева и малейшей симпатии. Юрия окружала компания под стать. Четверо «украшенных» пирсингом человек: три мужчины и женщина. Все наслаждались гамбургерами, причмокивая из бутылок с колой. Одеты были в такие же чёрные футболки. Только у женщины череп держал в зубах розочку. Ярко-красную.

Люди Андрею не понравились. И, хотя, сестра его с детства учила не делать поспешных выводов о человеке по его внешности, и мама говорила тоже, у Гольцева так не получалось.

— Татуху захотел? — подмигнула женщина, первой заметив вошедшего.

— Я насчёт одной девушки, — начал Гольцев.

— Портрет набить хочешь? — шурша пакетом, засмеялся Юрий. — Это мы умеем. Вовчик по таким спец, — кивнул на стоящего слева парня, худого и обросшего щетиной. Спец обнажил зубы: два средних были кривыми.

— Нет. Вы меня не поняли.

— Так ты сам не определился, что ли? — Юрий зашвырнул смятый пакет, и тот попал точно в скол бюста Екатерины Великой. Все засмеялись.

Андрей пожалел, что не захватил с собой снимка убитой, а также о том, каким становится рохлей рядом с такими неприятными типами.

— Ладно, — Юрий поднялся из-за стола. — С кем хочешь работать? Мы все мастера. Правда, Алка освободится только завтра. Сегодня она заменяет нашу администраторшу. Людка приболела.

— Ага. В промежности, — дико заржал Вовчик.

Андрея перекосило, и он даже не сумел скрыть своей реакции.

— Нехорошо вы, мальчики, ведёте себя, — заметила Алка, вздыхая. — Людка, конечно, та ещё стерва, но её пожалеть надо.

— Нечего в тридцатник на шпагат садиться! Не девочка уже, — угорал Вовчик.

— Хорош, прекращайте, — махнул рукой Юра. Подошёл к незнакомцу. — К кому пойдёшь?

— К вам, — хмуро ответил Гольцев.

— Окей.

Едва Андрей закрыл за собой дверь, Юра шлёпнул его по плечу, а затем шмякнул на стол толстую папку:

— Выбирай. Тут на любой вкус и кошелёк. Но договоримся сразу: ко мне никаких претензий. Ты сам пришёл. Так что, если вдруг что не так со здоровьем, проблемы не мои.

«Ясно, как они работают», — с недовольством подумал Гольцев, а сам кивнул.

Работы встречались разные, но все талантливые: попадались и весьма любопытные рисунки. Например, песочные часы, где песком выступали мелкие цветы и листья. Он подумал, что его сестре понравился бы такой рисунок, только предлагать подобное Андрей не собирался.

Мастер терпеливо ждал, щёлкая мышкой ноутбука, Андрей перелистывал страницу за страницей. Нужного рисунка не было.

— Выбрал? — спросил Юра, когда они встретились взглядами.

— Да как бы... да... но...

— Ясно. Что-то из нового. Иди сюда. На компе глянь.

Андрей не нашёл нужного. Отодвинулся от экрана.

— Ну? — нетерпеливо произнёс мастер.

Гольцев молчал.

— Другой цвет, надпись, форма, что? — не дождавшись ответа, Юрий положил перед ним лист и ручку. — Короче, рисуй.

Гольцев неуверенно взял ручку. Рисовал он ужасно ещё со времён школы. Но ему была важна реакция Юры на рисунок, поэтому Андрей сосредоточился на месте преступления и начал делать набросок. Получалось коряво — рука дрожала. Гольцев никак не мог сосредоточиться под взглядом мастера.

Наконец, неровное сердце, скорее с надкусанным краем, а не с отколотым и руна подарка большего размера, нежели в оригинале, оказались на листе. Гольцев протянул «эскиз» мастеру:

— Как-то так. Я увидел рисунок на зеркале, где произошло преступление. А затем на теле убитой.

Юра побледнел.

— Ангелинка... — прошептали его побелевшие губы. — Но как же... Я её видел дня два назад. Не может быть. Ты меня разводишь. Придурок, ты чё врёшь, а? Падла! Сука!

Юра внезапно вскочил, схватил Андрея за рубашку. Гольцев испугался, но быстро сориентировался и достал удостоверение. Ткнул прямо в глаза обезумевшему мастеру.

Юра прочёл, отпустил.

— Это... правда? — прошелестел, хватаясь за край стола.

— Да. Ангелина мертва.

— Мертва... — повторил Юра, опускаясь на стул. Но тут же вскочил, вынул мобильник, нашёл фотографию, показал Гольцеву. — Это другая Ангелина. Похожая. Вот моя! Вот!

— Мне очень жаль...

Юрий обмяк. Андрей выбежал из кабинета, врезался в Алку, потребовал воды.

— Мы не оказываем таких услуг, — ответила та со смешком.

— Вашему мастеру плохо! — закричал Гольцев.

— Юре? — она изменилась в лице и бросилась к кулеру, стоявшему в тёмном углу коридора. Гольцев бы его и не заметил. Наверняка, бутылка стояла исключительно для своих.

Андрей силой влил жидкость в Юрия, прогнал перепуганную Алку, попросил не

заходить и не мешать. Продемонстрировал удостоверение. После этого Алка и вовсе затряслась. Пришлось Андрею сопроводить её к кулеру и сдать на руки единственному адекватному из всей компании, молчуну, сразу сумевшему успокоить женщину. Молчуна, не испугавшегося предьявленной корочки, звали Кирилл.

Андрей вернулся к мастеру. Юра по-прежнему сидел в той же позе. Выглядел неважно. Гольцев тронул его за плечо:

— Юрий...

— Моя Ангелиночка. Неправда. Моя Ангелиночка. Мой Ангел, — повторял Юрий, глядя куда-то в пустоту.

— Юрий, мне необходимо задать вам ряд вопросов. Может, выйдем на свежий воздух? — он понимал, что поступает неправильно, не по инструкции. Рискованно. Но ничего не мог поделать со своей сущью добряка. Гольцев всех понимал и всем хотел помочь.

— Вам должно полегчать на морозе, — сказал он. — Когда я узнал о смерти своего пса, успокоился, только, зарывшись в снег. Мотыка тоже любил зарываться в снег. Это было два года назад, а помню, как сейчас. Конечно, пёс не человек, но поверьте, утрата зависит не от существа, а от вашего к нему отношения. Давайте руку.

Мастер поднялся, и они осторожно вышли в коридор. Гольцев знал, что сам предоставляет Юрию шанс на побег, если, безусловно, тот замешан в смерти Васильевой. Не чувствовал, мужчина ни при чём. Он искренне страдал, узнав о смерти Ангелины. Для себя Гольцев решил: Юра не опасен.

И мать, и сестра сейчас бы качали головами, возмущённо взмахивали руками, ругая его за необдуманность действий, но Гольцев, даже зная это, продолжал вести мастера к входной двери. Оказавшись на улице, отпустил.

Юрий кулём плюхнулся в снег.

— Я любил Ангелиночку. Так любил... — говорил он, качаясь взад-вперёд. — Она была для меня всем. Я ведь ради неё хотел учиться пойти, отдать салон Кириллу. Я... я готов был измениться. Почему так произошло? Почему, как только мне стало казаться, шанс есть, моя девочка... — договорить не сумел. Сильно ударил кулаком по снегу. Сначала правой рукой, затем левой. Зарылся лицом в белый ворох. А затем поднял лицо к небу и закричал.

Крик, полный боли, распугал ворон на ближайшем дереве. Маленькая стайка вспорхнула с веток и затерялась в серых облаках.

— Я любил тебя со школы, маленькая моя. Как же я тебя любил. Я убью эту падлу, — Юрий поднялся с колен, сжал кулаки, грозно посмотрел на Андрея. — Скажите, кто это сделал, и я сам его закопаю. Собственными руками задушу тварь.

— Успокойтесь. Ваша агрессия понятна, но своими действиями вы не поможете Ангелине.

— Помогу! Ещё как помогу! Я за неё любого...

— Верю, — перебил Гольцев. — Но поймите, если вы действительно хотите помочь, ответьте на мои вопросы.

— Вопросы? Хорошо. Да... Конечно, я расскажу всё, что угодно, лишь бы вы нашли этого подонка. Только пообещайте, если вы найдёте эту сволочь, вы отдадите мразь мне.

Андрей против воли закашлялся. Такого предложения он не ожидал.

— Простите, Юрий, подобное обещать не стану. Убийца ответит по закону. Другого варианта быть не может.

— По закону? — на лице проскочило разочарование. — По закону... Хрен с вами...

Спрашивайте. Только давайте в мой кабинет.

— Замёрзли?

— Курить хочу. А сигареты там остались.

Гольцев довольно долго ждал, пока Юрий придёт в себя. Мастер начинал курить, тушил сигарету прямо о подоконник и приступал к следующей. И так, пока не закончилась пачка.

— Я бросить собирался, — сообщил с горечью. Отошёл от окна, посмотрел на Андрея. — Месяц прошёл, как я отказался от курева. Эта пачка валялась как напоминание о счастливых деньках. Не думал, что пригодится. Сука. Ангелинка ненавидела сигареты.

— Вы хорошо её знали?

— Я её любил.

Гольцев достал телефон, включил диктофон:

— Когда вы познакомились с Васильевой?

— В школе. Я увивался за ней, цветочки дарил. Каждый раз сбегал с последнего урока, мчался в цветочный ларёк и покупал розы. Отец у меня хорошо зарабатывал, на карманные много давал, а я тратил на цветы. После уроков наблюдал из-за угла школы, как Ангелинка девочкам хвастается. Она так улыбалась.

— Вы ей не признавались в чувствах?

— Смеётесь? — Юра открыл пачку, вспомнил, что ту пуста, отшвырнул в сторону. — Я никогда Ангелинке о любви не говорил. Знал, пока я такой, всё бесполезно.

— Откуда такая уверенность?

— Если бы вы её знали, не стали спрашивать. Я учился с ней в одной школе, классом старше, а жил по соседству в том же доме, в квартире, напротив. Она со мной даже не здоровалась, хотя, наверняка, знала, что мы с одной параллели. А, может... и не знала. Она не обращала внимание на недостойных. На таких, как я, короче. За ней, знаешь, какие парни ходили. Старшеклассники красавцы. Все на понтах и без комплексов, а я был рыжим толстым. В общем, не её поля гриб. — Юрий грустно рассмеялся.

Гольцев задал следующий вопрос:

— А как так вышло, что вы стали общаться?

— Повзрослели. Наверно. Я рисованием всегда увлекался, но в художку не взяли. Отец видел, что я нашёл себя и помог открыть салон. Он был первым, кому я набил татуху.

— А о его здоровье тоже не беспокоились? — не удержался Гольцев. — Если что не так, его проблемы?

— Нет. Ему татуха делалась, как надо и в другом салоне. Я там типа учился у лучших. Но там бабло есть, а здесь... — вздохнул. — Отец у меня мужик хороший, только с годами не молодеет. Сейчас все бабки уходят на его таблетки. Он у меня сердечник со стажем. Неизвестно сколько ему осталось. Я думал, приведу к нему Ангелинку, познакомлю, порадую отца напоследок. А теперь...

— Вернёмся к Васильевой.

— Да. Вернёмся... У меня как раз лицензия закончилась, когда я встретил Ангелинку. Думал всё. Салону кранты. Закроют, а я останусь ни с чем. У нас ведь...

— Не совсем законная деятельность, я понял.

— А тут Ангелинка. Явилась как-то вечером и предложила мне помощь. Не безвозмездно, конечно. Моя девочка ничего не делала даром. Короче, мы договорились. Она мне помогает с деньгами, я ей присылаю курьера с подарками. А мне, что, сложно? Нет, конечно. Я ведь для неё горы сверну. Подумаешь, подарки, звонки, СМС-ки. Да я бы сам

пришёл, если бы она попросила! У тебя сигареты нет?

Гольцев помотал головой.

— Бл..ь. Тяжко-то как.

— Вы помогали друг другу. Но зачем ей это нужно, она не говорила?

— Я и так понимал. Какого-то Марка хотела заставить ревновать. Я надеялся, она наиграется, и меня заметит. Я же готов был измениться, продать салон, поступать в универ заново. Думал, стану таким, как ей захочется.

— Ясно... — вздохнул Гольцев. — Что-то конкретное о Марке рассказывала?

— Нет. Только, когда татуху приехала набивать, сказала, что та ей с ним поможет. Типа тату их должно сблизить. Хрен знает почему...

— Рисунок что-то означает?

Юрий пожал плечами:

— Ангелинка приехала уже к закрытию, была пьяная и языком ворочала с трудом. Может, она и не хотела татуху, а так со злости лягнула. Придумала какую-то фигню и решила её набить.

— Но вы несмотря на её состояние, всё равно сделали татуировку.

— Так она меня со слезами умоляла! Типа, если откажусь, значит, тоже её не люблю. А я ведь её любил!

Гольцев плотно сжал губы. Ангелина была манипулятором, а Юрий от любви потерял голову. Ни первую, ни второго он не понимал. И обоим искренне сочувствовал.

— После того, как вы сделали ей татуировку, вы с ней виделись, созванивались?

— Нет. Она проспала здесь всю ночь. В четыре, примерно, я вызвал ей такси, и она уехала. Даже не попрощалась. Если бы я знал, что больше никогда её не увижу, то... Чёрт... Я ни за что бы не отпустил. Ни за что.

Глава 21

Снежана не могла сдержать слёз. Она всё плакала и плакала, повторяя, что Марк невиновен. Она искренне в это верила и пыталась убедить детектива. Та вздыхала, не произнося ни слова.

Вита постучала в косяк, приглашая к столу:

— Пирог получился загляденье. Кто хочет? — её улыбка и голос потонули в череде судорожных всхлипов. — Я же просила вас не мучать Снежанку... — она бросилась к подруге и зло сверкнула глазами на Селивёрстову. — На неё столько всего навалилось, ещё и вы тут.

— Он-на ни-ни при... чём, — выдавила сквозь слёзы Снежана. — Я... я просто запуталась. — Подняла глаза на детектива. — Вы... ведь не ради любопытства спросили, правда? Вы... в-вы подозреваете Марка?

Снежана уткнулась в грудь Виты.

Александра ответила:

— Марк задержан до выяснения обстоятельств. Если он не виновен, его через трое суток, возможно, раньше отпустят. Моя задача выяснить, кто взаимодействовал с убитой. Как развивались её отношения с противоположным полом. Поскольку есть улики, указывающие на то, что убийца мужчина.

Снежана отлепила мокрую щёку от алой кофточки:

— В-вы про ужин? Н-но ведь это может быть совпадением. Марк не виновен!

— Я не утверждаю его вину. Снежана, поймите, следствие рассматривает все версии. И чем более плотной будет информация о Васильевой и её окружении, тем больше шансов поймать преступника.

— З-значит, вы отпустите Марка?

— Вы меня не слышите. Марка отпустят, как только будет доказана его непричастность. Вы готовы помочь в этом?

Снежана не ожидала подобного вопроса. Растерялась.

— Н-но я не знаю, чем помочь. О том, что он... — закусил губу, — о них я не подозревала. Я правда не понимаю, как вас убедить в его невиновности.

— Не нужно меня убеждать. Ответьте на вопросы. Этого будет достаточно.

— Снежанка, я могу побыть рядом, — улыбнулась Виталина.

— Нет. Простите, но вам лучше поесть пирога в одиночестве.

Вита заглянула в глаза Снежане.

— Иди... Вит... я справлюсь.

— Хорошо. Я так понимаю... на пирог никого не ждать.

Детектив промолчала. Снежана пожалала плечами.

— Ладно. Тараканы с этим пирогом. Если что, я в комнате родителей. — Виталина направилась к запертой двери и на глазах Селивёрстовой вставила ключ в замок. — Предваряя ваши вопросы, детектив, Снежана не прячет здесь орудия убийства, я его не прячу и улики, обличающих Марка, там тоже нет. Я просто хочу побыть в комнате родителей. — Под молчаливыми взглядами Вита хлопнула дверью.

Снежана виновато взглянула на Александру:

— Простите её... пожалуйста. Она... недолюбливает полицию. И очень за меня переживает.

— И ведёт себя неадекватно.

Снежана свела брови к переносице:

— Не надо так говорить. Вита нашла нашу подругу мёртвой! Вита утешала её мать! Вита спасала меня от мужа и ни разу за всё это время не всплакнула! Не пожаловалась! Не показала, как ей страшно! А ведь она видела мертвеца! Думаете, это легко перенести? Думаете, она железная? Да Виточка и утешение находит только в комнате родителей! Только там её сердцу становится легче!

Снежана сорвалась на крик.

Александра ничем не выдавала собственных эмоций, не показывала, что согласна с доводами Римской. В эту минуту она осознала, что понимает поведение Виталины. Агрессия, когда на душе скребут кошки, ей была отлично знакома.

— Вита святая! Знаете, сколько раз она спасала меня от меня самой? А чем? Да просто добротой! Не безразличием! Она мне как сестра, понимаете?

Детектив кивнула.

— Не надо её в чём-то обвинять! Не сомневайтесь в Вите! Она того не заслуживает!

— Я ни в чём её не обвиняю, — спокойно заметила Александра. — Ваша подруга придумала мои мысли, и сама же их озвучила.

Снежана молчала.

— Разговор трудный, я понимаю. Но в ваших же интересах продолжить беседу. Вы готовы?

Тишина.

— Вы хотите помочь Марку?

— Д-да. К-конечно.

— Тогда ответьте на вопрос: вы знали, что Ареев подрабатывал в салоне красоты?

Снежана заметно покраснела:

— Он предпочитает не вспоминать то время. Они с другом поспорили, что устроятся работать в салон и сумеют утереть нос девушкам.

— И что в итоге? Утёрли?

— Нет. Марк отлично подбирал тени, но не справлялся с тональным кремом, а его друг, вообще, больше девчонок лапал, нежели красил, поэтому вскоре их...

— Уволили, — закончила за неё детектив. — А вы любите славянскую мифологию?

— Да. А почему вы спрашиваете?

— На месте преступления была обнаружена руна подарка. Идентичный рисунок Марк высылал Ангелине.

— Да. Это я его просила. У меня телефон тогда сел, а мне хотелось с ней поделиться.

— Она тоже увлекалась рунами?

— Она искала что-то тематическое для заказа. Ну, я нашла символ. Он мне понравился, и я тут же поделилась с ней. А что?

— Рядовой вопрос. Спасибо, Снежана. Вы мне очень помогли. И последнее. — Ангелина знала о любви Марка к Бастардо и Кишмишу?

— Д-да. Она меня как-то спрашивала, и я сказала.

— Хорошо. Думаю, не буду вас больше мучить. Если у меня появятся вопросы, я позвоню.

Виталина так и не вышла из комнаты. Дверь пришлось закрывать Снежане. Она какое-то время подождала подругу, пару раз позвала, а затем направилась к комнате. Вита, словно, почувствовав Снежану, буквально выпала оттуда, и, виновато глядя на подругу, прошептала:

— Я вела себя, как дура. Прости, Снежанка. Нервы сдали... Ненавижу полицию...

— Ничего, Вит, — улыбнулась Снежана. — Мы все люди. Как ты там говоришь? Тараканы с ними? Тараканы с нервами. Пойдём есть пирог.

Снежана сама взяла за руку Виту и потащила на кухню. Виталина едва успела захлопнуть дверь, закрыть душу, где таилось самое важное. Родители были только её частичкой жизни. Они были той территорией, на которую она никого не хотела впускать. Даже подругу. Даже ту, что считала почти сестрой.

Пирог удался. Ароматный и сочный, воздушный и сладкий он на короткое время отогнал всё плохое, что свалилось на головы несчастных женщин.

Доедая второй, но меньше первого кусок, Снежана сказала:

— А мне она понравилась.

— Детектив? — уточнила Вита, хотя ответ был очевиден.

— Да. Я ей... верю. — Снежана задумалась, а затем добавила: — Селивёрстова производит впечатление человека, способного разобраться в сложной загадке. Мне... так показалось.

Подруга вздохнула:

— Вынуждена согласиться. Она не похожа на типичного мента. Вроде ничего такого и не делала, вопросы задавала обычные, но чем-то она мне приглянулась.

— Может, мягкостью?

— Скорее ненавязчивостью и прямоотой.

— Наверно.

— Снежанка, я должна объясниться.

— Д-да?

— Да не бойся, — улыбнулась Вита. — Мне кажется, настало время рассказать, почему я так люто ненавижу ментов и почему... не показываю тебе комнату родителей.

— Это личное, Вит, я понимаю. Ты не обязана рассказывать абсолютно всё о своей семье.

— Посторонним не обязана, но ты мне как сестра. Снежанка, ты доверяешь мне, а я должна доверять тебе. Секреты хороши в меру. Но когда из-за них я выгляжу ненормальной, как вышло сегодня, — хмыкнула, — нет. Так неправильно. Тараканы с этим личным. Я не хочу, чтобы ты чёрт-те что обо мне думала.

— Вит, я...

— Снежанка...

Снежана сдалась:

— Если ты хочешь, то, конечно... рассказывай.

Виталина сделала глубокий вдох и начала рассказ.

Глава 22

Снежана мыла чашки и плакала. Она даже не подозревала того, насколько её подруга сильная. Мать погибла у Виты на глазах. На глазах у шестнадцатилетней девочки! И все эти годы страшную боль и пережитый страх Вита держала в себе. Она сама справлялась с ночными кошмарами, с обрывками ледяных воспоминаний, с призраками прошлого.

В гибели матери Виталина винила себя. Снежана пыталась переубедить её, говорила, что ступи Вита на лёд и тоже бы погибла, но подруга не слушала. Снежана редко видела, как Виталина плачет, и могла по пальцам пересчитать такие случаи, ведь Вита всегда... Всегда справлялась с эмоциями. Она была такой же сильной, как Ангел.

Но во время рассказа подруга не сдержала эмоций.

Вита помнила тот жуткий день до мельчайших подробностей — всё, что было до трагедии. Какого цвета свитер надела, какую куртку. Как выглядела её мама.

Клара Евгеньевна забрала волосы цвета каштана в высокий хвост, сделала ракушку, закрепила шпильками, так пряди легче было спрятать под шапку: они не выбивались и не мешали. А перед этим подвела глаза чёрной подводкой — всегда так делала. Спрятала своё худенькое тело в серую дублёнку и улыбнулась дочери.

— *Мы отлично проведём время. Может, ты тоже наденешь дублёночку?*

Вите дублёнки не нравились. Она предпочитала даже в детстве яркие вещи, а уж в шестнадцать только новомодные шмотки. Поэтому пошла гулять в ярко-зелёном свитере и стильном пуховике такого же цвета.

Мама любовалась зимним пейзажем. Вита лепила снежки и кидала их в ворон. У них на даче всегда собирались птицы. Они слетались на разбросанную сдобу. Клара Евгеньевна подкармливала бедняжек, хотя её муж не одобрял подобного расточительства. Он был достаточно жадным. В тот день Алексей Дмитриевич поехал в город. У него намечалась какая-то неожиданно-удачная сделка по недвижимости, и он оставил любимых девочек одних до вечера.

— *Я приеду и привезу огромный торт. Не скучайте,* — пообещал он, счищая снег с

машины — старенькой «Мазды».

Вита помнила, как в ожидании торта согласилась съесть целую тарелку горохового супа, хотя её, подростка, накормить было той ещё задачкой. Мама мучилась, пытаясь втолкнуть в организм дочери очередную порцию горячей и полезной пищи, а Вита лишь вертела носом и украдкой поедала бутерброды с вредной колбасой, обильно политой кетчупом.

— *Желудок испортишь,* — вздыхала Клара Евгеньевна перед той злосчастной прогулкой. — *Мы с тобой на мороз идём, тебе согреться изнутри надо. Супчика поесть или хотя бы пюре, а ты всё колбасой травишься.*

— *А зачем вы её тогда покупаете?* — задала резонный вопрос Вита.

Мама посмеялась находчивости дочери и пошла делать хвост.

Мороз крепчал. У Виты несмотря на тёплые перчатки, замёрзли пальцы. Она перестала лепить снежки и спрятала руки в карманы.

Лучи солнца украдкой скользили меж голых стволов. Мама говорила Вите, как хорошо на даче, когда нет народа. Как тихо и спокойно. Она не слишком любила городскую жизнь. Суета и толкотня её раздражали.

Они дошли до озера. Лёд казался крепким. Вита хотела покататься на нём, как это делала героиня в одном из фильмов. Представляла себя романтическую и какого-нибудь парня с голливудской внешностью. Вдруг, он наблюдает из-за деревьев? Увидит, как она здорово катается и присоединится.

Виталина помнила, как рассмеялась собственным глупым мыслям. Как затем шагнула на лёд, думая о Вадике. Был один парень в классе, он ей нравился. Проблема в том, что ему нравилась не она.

Мама предупреждала, чтобы дочь была осторожна. Вита махнула рукой. А потом...

Потом Вита рыдала, кричала, звала на помощь. Она помнила сломанную ветку в своих израненных пальцах и заходящее солнце.

Папа обнимал её, целовал в нос, щёки, макушку и сам плакал.

— *Бедненькая... Почему ты никогда не рассказывала?* — Снежана обнимала подругу.

— *Зачем? У тебя и без того полно проблем. Будешь ещё меня утешать... А Ангелу вообще ни до кого. К тому же это... это слишком личное. Я бы и не стала тебя грузить своим прошлым, не стань мы настолько близки. Ты мне доверяешь, всё рассказываешь. Я поняла, что это нечестно иметь от тебя секреты.*

Снежана крепче обняла Виту. Она чувствовала, как учащённо бьётся девичье сердце. В этот миг храбрая Виталина казалась хрупким подростком. Наверно, она почувствовала тоже, потому как вскочила с дивана, куда они перебрались после кухни и с болью закричала:

— *Не надо считать меня ребёнком! Не думай, я не маленькая и не ранимая! Я и тогда всё понимала! Понимала, что полиция ничего не станет делать! А ведь маму кто-то толкнул там на льду, понимаешь? Я... я отвернулась на миг и когда посмотрела на маму, то...*

Продолжала Вита шёпотом. Она была уверена, что видела чьи-то чёрные ботинки, когда смотрела на свои израненные пальцы. Но, конечно, ей никто не поверил. Ни отец, ни милиция, хотя она и упростила папу отвезти её в участок.

— *Я ненавижу этих мерзких тараканов, Снежана, ненавижу... Они никогда не делают свою работу.*

Снежана хотела вновь обнять подругу, как-то поддержать, но Вита спряталась в комнате

родителей, как в коконе. Через какое-то время вышла. Сказала, что ей необходимо прогуляться.

Снежана не стала останавливать подругу. Слишком хорошо знала, как важно одиночество после того, как вновь начинают кровить раны на сердце.

Чашки давно были вымыты, о бегущей воде Снежана забыла. Опомнилась, поспешно закрутила кран, вытерла руки полотенцем и подошла к окну. Надеялась увидеть Виту где-нибудь на скамейке у дома, но скамейка была пуста.

Снег продолжал заметать всё вокруг.

Снежана беспокоилась.

Глава 23

Иван Резников собирал осколки. Отец, бурча о поганой жизни, курил, стоя прямо у открытого балкона.

— Закрой. Простынешь.

— Отстань, Ваня. Раньше помру, быстрее буду счастлив.

— Я понимаю, что ты хочешь к маме. Но обо мне ты подумал?

Отец промолчал. Иван выбросил осколки, вернулся в комнату, сел рядом:

— Пап, тебе надо жить дальше. Мама бы этого хотела.

Тот махнул рукой, вышел без куртки на балкон.

Зазвонил мобильный. Резников, не спуская глаз с родителя, нажал «принять».

— Вань

— Бриз, я знаю, ты поехал домой. Не хочешь вечером заскочить? Хочу обсудить полученную информацию.

— Пуль, я, наверно, не смогу.

— Оставишь меня без торта?

— Мне сейчас не до шуток.

— Бриз, я привыкла работать в тандеме. Кто своими ошибками будет направлять меня на верный путь?

— Боюсь, придётся обойтись без меня.

— Не хочешь рассказать, что случилось? Это связано с твоим...?

Иван оборвал Селивёрстову, увидев, как отец перевесился через перила:

— Мне пора! — отбросил телефон, ринулся на балкон.

— Я конфету выронил, — объяснил отец перепуганному сыну. — Твоя мама знала, как я люблю ириски и всегда парочку совала мне в карман халата.

Иван с трудом выдохнул. Обнял отца.

— Не делай так больше, ладно? Чёрт, я же испугался!

— Пугаешься, значит, живёшь. А я уже ничего не боюсь, Ваня. Даже смерти.

Селивёрстова была расстроена. Сначала зависла в пробке, потом друг отказался приехать. Ещё и снег усиливался.

Когда Александра расстраивалась, покупала сладкое. Она вышла на остановку раньше, зашла в магазин и набрала сразу понемногу всего.

«Про запас», — так объяснила свои траты совести и истончающемуся кошельку. Дел после случая с «Шифровальщиком» поубавилось. (Читайте «Полярные чувства») Соответственно и средств к существованию тоже. Но детектив не отчаивалась. И, если

раньше выбирала дела себе по вкусу, то сейчас бралась за самые ординарные. Да только и их за последний месяц было не так много.

Раскладывая сладости по полкам, Александра подсчитывала свои финансовые возможности, и по всему выходило: ещё пара недель, и придётся туго. А на носу Новый год. Она ещё не купила подарок родителям, «Толстому» и новому сотруднику Рукавицы Андрею Гольцеву. Приятному парню, чем-то напоминающему Бриза, когда они только познакомились. Давно это было: пять лет назад или даже чуть больше.

Гольцев вызывал в ней необъяснимую симпатию. Встретить светлого человека в рядах полиции было не так-то просто.

Чайник заполнился водой. Александра выбрала из множества пакетиков заварную розу с кусочками ананаса, достала любимую кружку с космосом, и в ожидании, кипятка, взялась за маркеры. Стопка листов ожидала на подоконнике, там же, куда она спрятала упаковку шоколадных драже, в надежде полакомиться ими, когда закончится первоочередное печенье с орехами.

Пять полос разделили бумагу по вертикали. Бордовым шло имя Ангелины. Александр никак не удавалось полностью избавиться от личной неприязни.

Виталине она дала маковый.

Снежане цвет летнего неба.

Марку оливковый: он оставался непонятным, ведь с ним она лично не общалась.

Убийца для лёгкости восприятия получил имя «Любовник» и цвет пепла. Ничего яркого он пока не заслужил.

Детектив с грустью взглянула на пустующий стул и поймала себя на мысли, что ей очень не хватает Бриза. Взяла маркер цвета Берлинской лазури — таким невнятным сейчас было её настроение — и начала записывать.

Итак, начнём по порядку. Несмотря на рассказы трёх разных человек, в портрете Васильевой новых черт не появилось. Взбалмошная, эгоцентричная и скрытная. Такой я её и запомнила. И это лишь подтверждает мою теорию: её улыбки и фразочки «Живу так, как хочу» скорее всего фальшивые. Что нам это даёт? По сути ничего. Ангелина остаётся запертой ненужной шкатулкой. Которая кому-то надоела?

Виталина.

Явно непростая личность. Обнаружила Васильеву. Испытала шок. Этим объясняется её поведение? Или дело в ненависти к полиции? Откуда эта ненависть? Что-то из прошлого? Допустим, у неё личная неприязнь. Важно ли это? Нет. Не знаю. Могла ли она утаить что-то о Васильевой из-за той же ненависти к полиции? Возможно. Виталина ничего полезного не сообщила. О татуировке не знала, но не удивилась. Почему? Так хорошо изучила скрытную подругу?

Детектив обвела последний вопрос неоновым-жёлтым, когда зазвонил телефон. Номер принадлежал Чуриной. Александра вбила его сразу, как только нашла на странице сайта.

— Слушаю.

— Детектив? — заметно нервничая, уточнила Чурина.

— Виталина, вы хотели что-то сообщить?

— Да. Я вспомнила!

— Вспомнили что?

— И как я могла забыть... Ангел как-то по пьяни упомянула некоего мастера из тату салона. Юрия. Она жаловалась, что он на ней помешался.

— У вас есть адрес салона или полное имя мастера?

— Название. Ангелина писала его ВКонтакте.

— Хорошо. Найдёте, перешлите СМС.

— Подождите! Я бы хотела извиниться. Я не должна была так вести себя.

Виталина вела себя странно. Александра не могла уловить, в чём подвох, но чувствовала, женщина чего-то не договаривает.

— Детектив... — в трубке слышался звонкий гул ветра.

Александра выглянула в окно: улицу атаковала метель.

— Мне страшно, — призналась Чурина. — Мне ВКонтакте пришло сообщение. Непонятное сообщение. А, что, если Ангелину убил какой-то психопат и теперь решил прийти за мной?

Звучало предположение глупо. Необоснованный страх Чуриной вызывал у Александры лёгкое раздражение. Неужели перед ней очередная истеричка?

— Мы не знаем, кто убийца. Но зачем ему вы?

— Затем... — с заминкой произнесла Виталина, — что мне незнакомец прислал картинку. — Она шумно выдохнула, — с руной Велеса.

Это уже вызывало любопытство. Душа Александры зажглась азартом. Кровь ринулась быстрее по венам, ладони вспотели.

— Вы разбираетесь в рунах?

— Снежанка разбирается. А я полезла в интернет. Я не стала ей говорить. Она и так напугана. Сразу позвонила вам. Что мне делать, детектив?

— Подъезжайте в агентство, — Александра продиктовала адрес.

Глава 24

Работать в собственном агентстве детективу нравилось ничуть ни меньше, чем дома. Те же сладкие закладки, запрятанные в разных местах, и цветные маркеры с бумагой — повсюду. Наборы маркеров были чуть поменьше: закончились почти все оттенки жёлтого, хаки и оливковый, сирень и чайная роза, но Селивёрстова в любом случае собиралась переписывать беседу с Чуриной, поэтому не огорчалась. Она изначально вела все свои дела непосредственно с клиентами в агентстве, а уже потом в спокойной и родной атмосфере, удобно устроившись на любимом диване, переводила черновики в чистовики.

Кто-то бы сказал, что это двойная работа, морока и ненужная трата времени, но для неё это был ещё один шанс посмотреть на дело немного иначе.

У Александры было множество способов «разгадать» преступление. Она использовала записи лесенкой, диагональю, по кругу и квадратами. Что-то выделяла заглавными буквами, что-то ставила в кавычки. Подчеркивала не единожды, обводила и даже рисовала символы. Чем более экстравагантный способ она выбирала, тем быстрее доходила до истины.

Ожидая Чурину, Селивёрстова поставила чайник для себя любимой, подготовила упаковку с ореховым печеньем, взяла маркеры. Пустующие столбики на листе раздражали. Она сняла колпачок со светло-голубого и написала.

Снежанка. Красавица. «Стёртая» личность. Почему «стёртая»? Я её не почувствовала. Словно её и нет. Запуганная забитая. Несчастливая.

Жертва.

И, кажется, такая роль ей привычна.

В этой троице скорее всего ведомая и явно не главная фигура. Возможно, я ошибаюсь,

но первый взгляд редко пропускает правду.

Римская хранит какие-то жуткие тайны в своём прошлом. Отношения с мужем явно не были счастливыми. Надо бы узнать о них поподробнее. Может, вызвать Римскую сюда и поговорить без лишних ушей? Но когда? И не напугает ли её это? Обратиться к Рукавице? Наверняка, он уже изучил биографии всех участников. Н-е-ет. Пусть он ко мне бежит, а не наоборот. Посоветоваться с Чуриной? Складывается впечатление, что она хорошо знает обеих подруг. А с Римской и вовсе близка, будто они сёстры. Как она за неё волнуется, переживает... Неужели, столь бескорыстная дружба существует? Или забота Чуриной объясняется гораздо проще — удобством? Несомненно, увиденные мной работы сильно разнятся, но если сравнивать, то Снежана и Ангелина всё же на одной ступени, тогда как Виталина со своими игрушками далеко внизу. Не делится ли Римская своими покупателями, и быть может, связями с Чуриной? Или я слишком заостряю внимание на мелочах? Все три подруги заслуживают внимания.

А что с убийцей? Что за послание он оставил в квартире Васильевой? Как объяснить сообщение для Виты? Маньяк избрал новую жертву?

Александра сделала чай, надломилась печенье, но положить в рот не успела. В дверь позвонила Чурина.

Детективное агентство, названное Селивёрстовой в честь неё же, располагалось на первом этаже многоэтажного дома, в однокомнатной квартире эксцентричной актрисы. Звонок остался от прежней хозяйки. И Александра уже не в первый раз пожалела о том, что не сменила мелодию. «Крёстный отец» был классикой, но даже классика рано или поздно надоедает.

Чурина продрогла. Её озябшие плечи вздрагивали то ли от мороза, то ли от страха. Она вошла внутрь, сняла пуховик, повесила на крючок и сразу закашляла. Бросила взгляд на пар, исходящий от кружки.

Александра перехватила её взгляд.

Чай пили вместе.

— Название тату салона, — начала детектив без всяких окольных слов.

Чурина показала телефон.

Александра переписала название:

— Покажите сообщение с руной.

— Я хотела спросить его, может, он ошибся, но чёртов таракан заблокировал возможность отправки обратных сообщений!

— Почему вы решили, что это мужчина? Из-за аватарки? — Селивёрстова изучала фотографию красавца. Смутно знакомого.

— Ну да! Зачем женщине скрываться под Брэдом Питтом?

Александра едва заметно улыбнулась.

— Вы его не узнали? — изумилась Виталина.

— Я не слежу за Голливудом.

— Но это же мировая знаменитость!

— Ни он первый, ни он последний. Скажите, у вас с Ангелиной могут быть общие враги? Недоброжелатели?

— Не знаю. Не припомню. Мы занимаемся хенд мейдом. Конкуренция высокая, но враги... — Она задумалась, отпила из кружки. — Нет. Если есть, я о них не знаю. Не та сфера, детектив, вам так не кажется?

— Враги есть в любой сфере. Даже среди священников.

— Вы серьёзно?!

Селивёрстова вздохнула:

— Называйте меня по имени. А какие-то конфликты у вас с покупателями случались? Недовольные ведь найдутся всегда. Высокая стоимость, не понравилось общение, слишком долгая доставка и прочее.

Чурина нахмурила лоб.

— Да всё как у всех. Кто-то доволен больше, кто-то меньше, — пожала плечами.

— А общие покупатели?

— Конечно. Андре, например. Симпатичный такой. Но он больше с Ангелиной общался. А вы думаете... — Чурина округлила глаза.

— Не думаю. Рассматриваю версии, — она сделала пометку ярко-зелёным.

— А я бы выбрала янтарный, — невпопад заметила Вита.

Александра подняла заинтересованный взгляд.

— Не обращайтесь внимание. Я просто тоже разные цвета использую, когда делаю записи.

— И что вы записываете?

— Мысли. Я и Снежанке тоже самое советовала — так самое главное вычленишь проще, но иногда она бывает очень упряма. Да и не любит она подобное. Ей больше нравится успокаивать мысли вязанием. Можно маркер? Я от тараканов так избавляюсь. От нервов, в смысле.

Александра пододвинула коробку. Виталина с удовольствием смотрела на цвета. Затем вытащила вишнёвый и написала рядом с «Андре»:

ЖЕНАТ. ЖЕНА ИСТЕРИЧКА?

Селивёрстова не без любопытства поинтересовалась:

— Вы так хорошо знаете клиентов?

— Ангелина рассказывала, — положила маркер обратно. Взяла тёмно-красный. — А лист можно?

— Пожалуйста.

На стол лёг ещё один чистый.

Виталина сняла колпачок и принялась методично, строчка за строчкой выводить замысловатые буквы. Детектив наблюдала.

Когда лист заполнился целиком, писала Чурина быстро, Александра всё же задала мучивший её вопрос:

— Скажите, Виталина, почему вы приехали ко мне, а не пошли к подруге? Вы же не думаете, что я смогу защитить вас от убийцы одним лишь своим присутствием? И за Римскую вы так сильно волнуетесь, а оставили одну. Надолго.

Чурина подняла глаза, отодвинула лист, выдохнула:

— Я кажусь вам странной? Таракан с ним. Я привыкла. Когда люди слышат о моих взаимоотношениях с цветом — крутят пальцем у виска. И к моим взаимоотношениям с цветом относятся так же. И не верят, что можно дружить без корысти. Да, Снежанка талантливее меня, бесспорно. Вы, наверняка, это заметили, когда изучали наши работы. Вы ведь их смотрели?

Александра кивнула.

Вита сжала пальцы, продолжила:

— Я всегда хотела иметь сестру. Снежанка мне её заменила. Мы разные, но у нас много общего помимо вязания. После вашего ухода мы говорили о личном, я была на эмоциях и пошла прогуляться.

Уже на улице мне пришло сообщение. У меня стоит оповещение от ВКонтакте. Клиенты нередко пишут прямо туда, в личку, с просьбой о том или ином заказе. Сначала я подумала, это ошибка. Когда вспомнила о рисунке на зеркале Ангела... Я испугалась. По-настоящему, понимаете? Я понимала, что мои тревоги передадутся Снежанке. Я умек владеть эмоциями, но это не тот случай. После нашей беседы мне было плохо. У неё и так полно проблем и волнений, а тут ещё я не в адеквате, человек, который должен помогать, настраивать на хорошее. Поддерживать. А какая от меня, к тараканам, поддержка, если я сама на взводе?

— Вы были на взводе ещё до сообщения.

— Да. После разговора со Снежанкой.

— И что вы обсуждали?

— Это... личное, — чуть грубее, чем следовало ответила Чурина и сразу добавила: — Но я скажу. Если вы думаете, будто я или она причастны к смерти Ангела, то вы ошибаетесь. Мы говорили о моём детстве. О моей маме. Больная тема...

Александра сделала очередную пометку. Перегнулась через стол, спросила:

— Вы считаете подругу истеричкой, нервной и слабой. Своими страхами с ней делиться не станете. Но всё же... Почему вы обратились ко мне?

— Вы детектив.

— И?

— И я ни за что не пойду в полицию. Я им не верю. А вам хорошо заплачу.

— Это связано с вашей матерью?

— Да.

— Расскажете?

— А как это поможет с маньяком?

— Чтобы найти преступника, нужно изучить его жертву.

Виталина резко откинулась на спинку стула и едва не опрокинулась вместе с ним:

— Так я...

— Не исключено.

Глава 25

Существовало два плана: «А» и «Б». Убийцей рассматривались оба. Понимание того, что что-то может пойти не так, терзало душу. Эта неуверенность в себе была порождением детства и усугублялась с каждым взглядом на блондинку.

Наблюдать, следить за ней было удовольствием и мукой одновременно. Предвкушать её страх удовольствием без всяких «и».

Убийство Ангелины прошло, как по маслу. Подозрения легли на нужную фигуру и помогли на шаг стать ближе к жертве. Чем меньше рядом с ней близких людей, тем лучше. Её одиночество — идеальное поле для рассеивания ростков сомнений. Ужаса.

Пора действовать дальше. В действие пошёл план «Б».

Инструкция была послана заранее. Теперь убийце оставалось лишь ждать.

И ещё отправить ЕЙ сообщение. Держать блондинку в страхе, в нескончаемом кошмаре — это главная задача. Без неё даже следующее убийство теряло смысл. Хотя... Ложь. Если бы убийцу спросили, доставляет ли удовольствие видеть ИХ мёртвыми, ответ был бы

однозначным.

Снежана порывалась позвонить Вите, Марку, но так и не набрала ни один номер. Она слонялась по квартире, пытаясь избавиться от навязчивых тяжёлых мыслей. Беспокойство о подруге всё усиливалось. Снежана понимала, что стоит услышать голос Виты и полегчает, но боялась оправдать собственные страхи. Что, если с ней приключилась беда? Тогда она останется совсем одна в этом мире. Без поддержки. Понимала, надо позвонить и успокоиться, но не решалась.

Изведя себя тревогой до слёз, всё же набрала Виту. Подруга объяснила, что греется в кафе. Снежана отослала ей смайлик и села на диван.

Сердце отпустило.

Сама она уже и не помнила, когда в последний раз ходила в кафе. С мужем они подобных мест не посещали. С Марком тоже: они готовили по очереди. У него, как и у Виты хорошо получались блины. Снежана отвечала за вторые блюда.

Марк... Как он? Что с ним?

Вспомнились утренние поцелуи и горячие ночи, уютные посиделки под пледом во время просмотра советских комедий и прогулки по парку перед сном. Марк иногда читал ей стихи. Не свои — Лермонтова, Пушкина. Она представляла себя непревзойдённой красавицей и музой поэтов.

Им нравилось вместе выбирать пряжу в интернет-магазинах и читать отзывы покупателей. Марк даже помог ей оформить страничку на сайте «С миру по нитке». Предлагал взять никнейм «Мастерица» или «Волшебница», но она говорила, что у них уже есть «Фея». И к тому же Снежана не видела смысла называть себя как-то иначе. От кого прятаться? Зачем обманывать?

Марк...

Это он утешал, когда странички взломали: все три — её, Витину и Ангелины. После этого пришлось срочно менять пароли.

Муж никогда так не поступал. Он вообще не утешал. ЕМУ было всё равно, когда её отец скончался от инсульта, и когда маму сбила машина. Всё равно. Всегда.

Снежана рыдала ночи напролёт, а он хрустел чипсами и попивал пиво. Увидев в очередной раз её заплаканное лицо, говорил: «Не реви. Все умирают. Лучше разденься и иди ко мне. Я соскучился».

Тогда она впервые подумала, что вышла замуж не за человека — за монстра. Побои Снежана стерпеть ещё могла. Могла оправдать. Но такое безразличие...

Она хотела, чтобы он изменился.

Надеялась на это до последнего.

Марк...

С ним не было слёз. С ним она чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Метель прятала в белом всё вокруг. На душе Снежаны была стужа. Она набралась решимости для звонка Марку. Увидела сообщение. Дрожащим пальцем нажала на просмотр и онемела. Снежана не могла дышать.

«И ты...» — писал неизвестный.

Отбросила мобильный, и тот упал на паркет. Зажала голову руками.

Снежану трясло.

Телефон вновь пиликнул.

Она подползла к мобильнику, молясь, чтобы это была Вита. Несколько раз выдохнула и лишь потом открыла СМС.

Словно, издеваясь над нежной женской психикой, возникла та же самая фраза.

Фраза, пугающая до немоты.

«И ты...» жалило такими обычными и жуткими буквами. А следом пришло оповещение ВКонтакте. Всего одна картинка. Тапки-бульдоги.

Снежана не могла поверить собственным глазам. Неужели, это всё-таки Миша? Неужели ОН решил её уничтожить? Ну, не может же быть всё это простым совпадением? СМС и картинка. Они пришли чуть ли не в одно время! Что это? Злой розыгрыш? Жестокая шутка? Или ОН так сильно её возненавидел из-за тюрьмы? Но не она его посадила! Не она ОН сам пошёл на эту чёртову кражу! Сам!

Снежана тихо заплакала. Она помнила, ЧЕМ он объяснял своё воровство и случайное убийство.

«Эти суки разрешили позвонить. Знаешь, Снежа, я ведь сяду по твоей вине. Не потребуй ты развод, и я бы не запил и не забил того говнюка до смерти. А так... Ни одна бутылка пива не утешит моё разбитое сердце. Как ты могла? Мы же столько лет были вместе! Ах, Снежа, Снежа... А ведь я бы убил снова, лишь бы ты поняла: без тебя моя жизнь превратится в мусор, а без меня в мусор превратишься ты. Вот такая вот история, любимая жёнушка. Не скучай. Я вернусь, и тогда ты наплачешься. Нельзя бросать того, кто тебя любит. Слышишь, Снежа? Ты слышишь?»

Она и не пыталась хоть что-то сказать. Образумить его — пустая затея. Наконец, Снежана это поняла. Чтобы она не сказала, ОН не поймёт. Потому что для НЕГО есть только одна правда. Его собственная.

После суда она боялась находиться одна. Оборачивалась на каждый звук, шорох. Они с Марком тогда уже были знакомы, но она держала его на дистанции. В какой-то миг сорвалась и сама позвонила. Он приехал сразу же. Они полночи проговорили. Ни о чём. Снежана успокоилась. Ей стало легче. Страх на время отступил.

Между ними, взрослыми людьми, не было ничего. Но именно в ту ночь, полную заботы и безразличия, они стали самыми близкими на свете.

Так она думала до смерти Ангела. До злосчастной СМС.

Нет. Не мог Марк стоять за этим кошмаром. А бывший муж...

Снежана спрятала лицо в ладонях. Она себя чувствовала бесконечно несчастной.

Бесконечно одинокой.

Глава 26

— Почему вы соврали подруге? — спросила Александра.

— А вы хотели бы напугать её ещё больше? Представьте я ей говорю: знаешь, Снежанка, кажется, Ангела убил маньяк, и теперь он охотится за мной. Так что я подумала и решила посоветоваться с детективом.

— Вы могли сказать ей тоже, что и мне — о татуировщике.

— Могла. Но решила не тревожить и никак не намекать об ужасах последних дней.

Александра вздохнула:

— Возможно, вы правы. Вам лучше знать, что хорошо для подруги.

— Я не знаю, что лучше. Не переиначивайте мои слова. Но я знаю, как НЕ усиливать её стресс.

Очередная пометка маркером. Не первый взгляд на телефон.

— Продолжим. Мы остановились на том, что полиция вам не поверила.

— А что тут ещё говорить? Всё и так ясно... — Чурина опустила глаза. Сжала пальцы. За время её рассказа ещё один лист покрылся россыпью невнятных букв.

— Что вы пишете?

— Алфавит. Чередую близкие буквы и далёкие. Этому меня научила мама. Дурацкая привычка. Но не могу избавиться. Это успокаивает. Помогает собрать мысли воедино. История с маминым... убийством выбивает из колеи.

— Вы всё же думаете, её убили? Не рассматриваете вариант стресса? Вы вполне могли принять желаемое за действительное. Гораздо проще поверить в несуществующего убийцу, нежели признаться, что иногда люди умирают из-за несчастного случая. Мамы... умирают. И вы не в силах этому помешать.

Чурина вскочила. Листы полетели на пол. Лицо исказилось злобой.

— Я пыталась её спасти! Я видела ботинки! Слышите?

— Слышу. Я попробую объяснить свою позицию иначе. Я думаю, вы неверно истолковываете собственные воспоминания. После трагедии такое возможно. Поймите: иногда плохое случается вне зависимости от наших желаний. И это необходимо принять.

Виталина упала на стул:

— Что вы хотите сказать?

— Вам следует поговорить с психологом. Я считаю, случившееся с мамой до сих пор влияет на вашу жизнь. На бессознательном уровне вы чувствуете себя виноватой и по этой причине стараетесь быть идеальным человеком. Свои переживания вы в том числе трансформировали в заботу о Снежане.

— Глупости...

— Пока вы рассказывали, я запросила данные из вашей биографии. В семнадцать лет вы ухаживали за бездомной, в двадцать подрабатывали в больнице — вы занимались самой тяжёлой и непривлекательной работой. Мало того, что выносили утки, меняли подгузники, так ещё и читали безнадёжно больным. В двадцать шесть вы записались в службу волонтеров и насколько я поняла, работаете там до сих пор. С Римской познакомились на выставке хенд мейда. Она там представляла свои работы. Какой-то парень украл повязку для волос с её стенда. Вы стали тем, кто утешал Римскую. Всё верно?

— Нет, — тихо ответила Вита. — Я больше не занимаюсь волонтерством.

— Почему?

— У Снежанки столько проблем. Она часто звонит и плачется. Я... — Вита осеклась.

— Вы стали её волонтером, — закончила Александра. — Это неплохо. Но меня волнует один вопрос. Не нагнетаете ли вы со своей заботой? Даже сейчас вместо того, чтобы рассказать о странном сообщении Снежане, вы собираетесь о нём умолчать. Не навредите?

— С чего вы взяли, что я не расскажу ей?

— Вы даже о визите ко мне солгали. А потом придёте домой и расскажете правду?

Виталина молчала.

— Римская мнительная. И вы об этом хорошо знаете.

— Таракан с вами... Вы правы. Я не собиралась ей ничего рассказывать. Зачем зря волновать? Вы разберётесь с маньяком и всё. Снежанка о нём и не узнает.

— Было бы отлично. Но если убийца выберет следующей жертвой её? Странное совпадение. Сначала умирает Васильева, затем пугают вас. Какой следующий шаг маньяка? Вы знаете?

Чурина опустила глаза.

— Предупреждён — значит вооружён. Не слышали?

— И что мне делать?

— Быть честной со своей подругой.

— А если моя честность ей навредит? Как было с мужем?

— Подробнее.

— Как-то раз она позвонила мне и попросила совета. Бывший одноклассник приглашал её встретиться. У них с женой была годовщина, и он хотел ей подарить что-то ручной работы. Жена любила вязаные платья. А Снежанка мастерски делает не только повязки для волос вроде той, что вы видели, но и одежду. На её странице куча нарядов. Но это вы и сами знаете.

— Продолжайте.

— Я убедила её встретиться с одноклассником, ведь в этом не было ничего такого! К тому же покупатель не бывает лишним. А потом... благодаря мне, муж избил Снежану. Я сама видела её лицо, когда мы столкнулись в магазине.

Детектив подняла брови:

— Вы живёте в разных районах. Как же вы столкнулись?

Вита спокойно пояснила:

— Мастера предпочитают выбирать материалы в конкретных местах, а не где попало. Нам со Снежаной понравился один магазинчик, он недалеко от её дома. Мы любим там совершать совместные покупки. Так веселее. В тот раз я поехала забирать заказ и увидела Снежану.

— Ясно. Ангелина тоже там закупалась?

— Нет. Она предпочитала интернет магазины. А нам со Снежанкой нравится и то, и то. Всё зависит от настроения. Иногда хочется не только посмотреть на пряжу, пайетки и прочие штучки, но и пощупать, увидеть вживую. Временами Снежанке и за это влетало от Миши...

— От мужа.

— Да. Он, кстати, вышел из тюрьмы и... — Чурина хлопнула по столу. — А не он ли наш маньяк? Он, знаете, как сильно ненавидел нас с Ангелом?

— До желания убить?

— Не знаю... Но скажите, какой таракан станет поливать жену соком только из-за того, что та не включила вовремя телевизор? Или сломает руку, чтобы проучить за якобы флирт с соседом?

Детектив дополнила свои записи.

Чурина вновь вскочила:

— Чёрт... Он ведь уже начал её изводить! А если его цель она? А нами он её запугивает? Хреновы тараканы... Что же получается?

— Пока получается, что вы до сих пор на взводе.

— На взводе?! Я сейчас расскажу вам про этого чёртова таракана, и тогда посмотрим, кто на взводе!

— Хотите ещё чая? — дружелюбно спросила Александра.

Ответом ей послужил неуверенный кивок.

Портрет Розгина Михаила Дмитриевича выходил определённо мрачным. С каждым

словом Чуриной жалость Александры к Снежане и ненависть к её бывшему мужу становились лишь сильнее. За свою работу сначала следователем, а затем частным детективом Селивёрстова познала немало психов. И, к сожалению, по всему выходило, что Розгин — один из них.

Психически неуравновешенный с замашками тирана, Михаил проявлял свою силу, унижая супругу. Его любовь и обожание существовали, словно, в кривом зеркале и каждый раз сильнее и больнее ранили Снежану. Забывали в угол её самооценку, топтали самоуважение. Разрушали личность.

Три года в домашнем плену. Три года в аду, созданном большой заботой и лаской. Три года, осквернивших само понятие любовь.

«Хорошее дело браком не назовут», — расхожая фраза. И теперь она приобретала совсем иные краски.

Брак...

Не семья, не замужество. Брак. Он расплзся, будто плющ. Окутывал и душил испарениями особо едкого яда.

Он убивал душу Снежаны. Кислотой выжигая всё то, что когда-то было дорого. То, что она любила.

Стойкая неприязнь и отвращение зарождались в душе детектива, сметая установки на то, чтобы не оценивать подозреваемого субъективно. Но как можно это сделать, если, напившись, Розгин признавался в любви своей жене и при этом называл ничтожеством? Ругал последними словами, стоило ей забыть в магазине его чипсы или купить не те, потому что те на прилавке закончились? Он выбрасывал одежду лишь из-за того, что она просила одеться к её матери понаряднее, ломал вещи, когда ему не нравился её тон или взгляд. Сломал левую руку из-за очередной глупости и грозился тоже сделать с правой, ведь тогда бы жена не могла вязать. Не могла бы делать то единственное, что доставляло радость. Делало хотя бы на пару часов счастливой.

Он раз за разом обижал Снежану, заставляя вновь и вновь глотать слёзы с кровью, а затем, как ни в чём не бывало, словно, осознав, молил о прощении. На краткий миг превращался в того человека, которого Снежана полюбила. Обещал исправиться, стать другим. Говорил, что погорячился и пытался исправить свои ошибки. Ласка, забота, нежные прикосновения. Покой. Розгин мог быть хорошим и заставить поверить жену в себя иного. И она верила, прощала. Плакала, терзала собственную душу, но ничего не могла поделать, как большинство женщин, оказавшихся в подобной ситуации. Жизнь, ставшую кошмаром, Снежана изо всех сил пыталась наладить. Оправдывала мужа. Винила в происходящем себя. А этот мерзавец сидел на её шее и продолжал любить своим отравленным сердцем. Да и было ли у него это сердце?

Было.

Испещрённое язвами жестокости, насквозь прогнившее, оно всё равно любило. Не так, как все.

Так, как умело.

И это, пожалуй, было самым страшным.

Александра понимала, Розгин не отпустит свою жертву, а это, значит, страдания Снежаны ещё не закончились. Её муж вернётся, а она вновь ему поверит. Почему? Потому что комплекс жертвы способен разрушить лишь тот, кто этого желает. И не сам, а с квалифицированной помощью. Детектив не сомневалась, Римской без психолога не

выбраться. Знала ли об этом сама Римская? И хотела ли избавиться от своей трагичной роли?

Из практики знакомого психолога и по личному опыту общения с жертвами эмоционального террора — к несчастью — ей, как частному детективу приходилось сталкиваться и с такой грязью — она знала, многие из них настолько привыкли к своему кокону, к иллюзии любви, пускай и совершенно ненормальной, что крайне сложно выходили из привычных условий. Сильные учились заново любить, верить. Жить. Слабые же попросту сдавались.

А Снежана была кем? Борцом или всего лишь собственной тенью?

Из каждодневного ада она вырвалась не сама. Это сделал счастливый случай.

Узнав о желании развестись не от самой жены, а от её подруги, решительной Анжелины, Розгин стал искать спасение в алкоголе. И без того страдающий тягой к спиртному, он окончательно сбился с пути. Чем мягче Снежана, уже сама, предлагала развестись, тем более неуправляемым становилось его желание напиться.

Жена плакала, подруги утешали. В один из вечеров Анжелина не выдержала и позвонила Розгину, высказала всё, что накопилось. Её фраза «Чтоб ты напился и сдох!» стала той самой педалью газа, после которой и произошёл инцидент. Розгин нажрался и не в себе завалился в магазин. Там решил украсть элитного алкоголя, потому что привычное пиво не справлялось с одолевающей болью, и устроил потасовку с одним из покупателей. Итог: одна смерть из-за черепно-мозговой травмы и один суд, в ходе которого Розгина посадили. Так Снежана освободилась из домашнего плена. Так, не сомневалась Чурина, они втроём нажили себе врага, способного на что угодно.

Александра исписала уже третий лист. Виталина выпила чай и умяла почти всю упаковку печенья. Измотанная рассказом и волнением за подругу, она уставилась в телефон. Руна Велеса издевательски смотрела с экрана.

— Это и правда может быть Миша.

Детектив отложила записи. Подняла глаза на Чурина.

— Он знал про интерес Снежанки к славянским знакам, понимаете? Таракан больной на всю голову и на всё способен. Я не сомневаюсь.

Глава 27

Снежана буквально бросилась в объятия подруги, стоило той переступить порог. Она волновалась, хотя причин вроде не было. О сообщениях решила не рассказывать, заметив странный взгляд Виты.

— Всё в порядке? — уточнила, отходя на шаг. — Ты... какая-то бледная.

— Замёрзла, — улыбнулась Виталина. Сняла пуховик, повесила на крючок, наклонилась, чтобы расстегнуть молнию на сапогах. Делала это специально медленно, притворяясь, будто молнию заело. Вита не решалась солгать. Не знала, как сказать правду. Боязнь навредить нервной Снежанке заставляла нервничать и её саму. Покидая агентство Александры, она пообещала, что всё расскажет. Детектив права: умалчивать, значит, навлекать опасность. Но увидев подругу, потеряла уверенность. Детектив не отпаивала Снежанку чаем, не утешала, не отвлекала от страшных мыслей. В конце концов, Александра не видела в квартире то, что видели они! Поэтому ей легко было рассуждать. А Виталина очень хорошо знала подругу и понимала: расскажет всё, и Снежанка впадёт в хандру, в истерию. Закроется в себе или попросту сбежит, куда глаза глядят. В происходящем она, как обычно, станет винить лишь себя и не захочет подвергать опасности Виту. О себе она даже

не подумает.

— Вит, давай помогу, — Снежана наклонилась.

Виталина нехотя подняла глаза. Молния сразу заработала.

— На улице дубак. Завари чай, ладно?

— Хорошо.

Снежана скрылась на кухне, а Вита пошла в ванную комнату, долго умывала лицо, собираясь с мыслями. Сделав выбор, села за стол. Блистер с пустырником прятался в кармашке домашних штанов.

— Я так долго тебя ждала, не знала, чем себя занять, — мельтешила Снежана, — и вязать бралась, и порядок немного навела, только часы не трогала, твою одежду постирала. А потом взялась готовить. Так что у нас есть гренки с корицей. Будешь? — о слезах, едва не перешедших в истерику, упоминать не стала.

Вита кивнула.

Молча начали есть. Обоих грызла тревога. Это выражалось в давящей тишине, тысячей вопросов оседающей на плечи; в нервном постукивании ложек по блюдам. В мелких порывистых взглядах.

— Снежан...

— Вита...

Произнесли одновременно. Засмеялись.

— Снежанвита какая-то получилась, — заметила Виталина. — Интересное имечко. Помнишь, я тебе рассказывала про книгу «Костяника»?

— Да. Подростковый роман о любви Кости и Ники.

— А если их имена соединить, ягода получится. Там такие, тараканы, душещипательные моменты были... До слёз прошибало.

— Я фильм потом посмотрела, — улыбнулась Снежана. — Миша тогда... Неважно...

— Миша, что?

— В запой ушёл... Это перед разводом было. Он заперся в ванной и пил всю ночь, матеря всё на свете. А я... я в закрытой комнате за компьютером сидела. Пряталась.

— От него? — нахмурилась Вита.

— От эмоций и... да. От него тоже. Он тогда ударил меня. Слегка. Но...

— Хватит его защищать, Снежан! Он мразь.

Снежана опустила глаза:

— Наверно. Но я просто не понимаю, как можно любить, а потом так издеваться над человеком? Он же другим был, когда мы познакомились. — всхлипнула. — Вит, он мне цветы дарил, комплименты говорил. Он пылинки с меня сдувал, а потом...

— А потом стал тираном, а ты его жертвой. Детектив считает, у тебя комплекс.

— Комплекс? — Снежана подняла глаза на подругу.

— Жертвы. Я ей рассказала о вас с Мишей. Не перебивай и прости. Она нам поможет. Так лучше. — Виталина протянула руку и дотронулась до плеча Снежаны. — Мне сегодня пришло странное сообщение. Руна Велеса. Её вполне мог послать твой бывший. Он ведь знал, как тебя привлекает вся эта дребедень.

— Что ты имеешь ввиду?

— Снежанка, Михаил нас троих ненавидит. Он вполне может стоять за убийством Ангела.

Снежане стало трудно дышать. Она смотрела, не моргая и по-рыбьи глотала воздух.

Вита вскочила, обняла подругу:

— Всё будет хорошо. Детектив его проверит, всё выяснит. Не волнуйся, Снежанка, я рядом, слышишь?

— С-слышу...

— Хорошо. Не будет нас какой-то псих запугивать, понятно? Мы не сдадимся, правильно? Правильно. Но ты должна знать, что происходит. Я тебе сейчас расскажу, а ты постарайся не нервничать. Договорились?

Снежана слабо кивнула.

Виталина сделала всё, как обещала детективу. Ничего не утаила. Снежана, напуганная и зарёванная не в силах поверить в вину когда-то любимого мужчины, тоже поделилась своими страхами.

Глядя на тройку одинаковых СМС, подруги какое-то время молчали.

— Когда пришло первое? — спросила Вита, набирая номер Селивёрстовой.

— В день смерти Ангела.

— Чёртов таракан... Ещё и предупредил... — сжав зубы, процедила Вита и тут же бросила в трубку. — Есть новая информация. Этот ублюдок писал Снежане! — Она передала всё детективу и посмотрела на подругу.

Снежана бледная и дрожащая вызывала жалость.

— Прими пустырьник. Отдохни, — Вита убрала телефон и достала блистер. — Сегодня никуда не выходим. Александра попробует достать нам охранника. Номер она пробьёт, а ты забрось его в чёрный список. Прямо сейчас.

Снежана послушно взяла свой мобильник. Не сразу попала пальцем в нужное строчку. Волнение зашкаливало. Сердце било рёбра, распирало грудь.

Вита помогла дойти до дивана.

Вскоре Снежана погрузилась в тревожную непроглядную тьму. Она не слышала, как Виталина вышла из квартиры, как в спешке неслась по лестнице. Она спала. И в мире сновидений видела лишь черноту, поглощающую всё кругом. Эта чернота представлялась ей ЕГО чёрной рубашкой — той самой, в которой она ЕГО видела в последний раз.

Кошка пряталась под диваном. Ей совершенно не нравилось происходящее. Она жалобно мяукнула, когда цветы посыпались на хозяйку. Хозяйка не шевелилась, не возмущалась. Молчала.

Чужие ноги скрылись в другой комнате. Кошка осторожно высунула голову и столкнулась с незнакомым лицом.

Убийце виделась в кошачьих глазах насмешка, упрёк. На морде читался смех. Животное смеялось! Пухлая красивая кошка не из простых пород нагло таращилась на убийцу.

Линзы снова кололи глаза.

Понимание того, что кошку надо убить, пришло мгновенно. Рука потянулась к животному, но кошка увернулась. Фырча и шипя, она забилась к стене, в самый угол кровати.

Времени было много. Жертва жила одна, и убийце не было смысла торопиться. Но страх чего-то неправильного, страх попасться гнал прочь из квартиры и как можно скорее.

Последний быстрый взгляд на женщину. Лилия спала безмятежным сном, засыпанная ворохом цветов.

«Что ж, — подумалось убийце, — вдыхать аромат любимых лилий перед смертью,

наверняка, приятно. Не самый худший вариант, учитывая все остальные».

Поворот к двери. Взгляд остановился. Кошка. Она была с хозяйкой на всех фотографиях. Электронная рамка, буквально, светилась любовью этой парочки. Злость поднялась в душе. Рамка шмякнулась об стену, а затем ещё несколько минут топталась ногами. Экран треснул. Улыбка расплзлась по губам убийцы.

Напуганная кошка решила перебраться в наиболее подходящее место, туда, где её не достать даже шваброй с длинной ручкой — на шкаф, подальше к стене. Только выбралась из укрытия, как была схвачена неизвестным человеком. Но кошка не собиралась сдаваться, она когтями вонзилась в чужую руку.

Крик заполнил пространство. Кошка бросилась прочь.

«Живи, тварь, всё равно ты никому ничего не сможешь рассказать. Я в безопасности», — подумалось убийце.

На морозном воздухе и в тёплом транспорте, и даже, закрывшись в уютной комнате, убийцу не покидало ощущение кошачьего превосходства. Словно, кошка запланировала свои действия. Будто специально подстроила царапину. Ещё долго кошачий взгляд стоял перед взором, а в сознании слышался смех.

Глава 28

Александра солгала. Она понятия не имела, как обеспечить защиту Римской и Чуриной. Напела, будто есть свои люди, а их ведь не было. Да, среди её клиентов встречались и богатые, вроде Пересветова (подробнее читайте в рассказе «Всё дело в шпильке»). Такие миллионеры со связями повсюду. Именно о нём она подумала в первую очередь. Рискнула позвонить. Вениамин Дмитриевич ясно дал понять: он за всё благодарен, но помочь ничем не может. Во-первых, находится в Польше, в деловой поездке. Во-вторых, после трагедии, произошедшей с сыном, не намерен никоим образом связываться с женщинами. Доводы Селивёрстовой его не переубедили. И выходило, что у Александры людей-то подходящих и не было. Прочие богачи с успехом позабыли и о детективе, и о данном обещании помочь, если, вдруг, понадобится.

Обращаться к Рукавице категорически не хотелось. Да и не видела она смысла, имея столь скудные сведения. Что она, по сути, имела? Лишь намёки на опасность, на деле ничего реального, никаких фактических угроз. Сообщение с руной. Мало ли кто мог пошутить? Это вполне могла оказаться просто ошибка «контактёра» ... Могла... И, хотя она ни капли не сомневалась в том, что рисунок предназначался именно Чуриной, доказать этого не могла. Под Питтом мог скрываться обычный спамер.

Нет, ей необходимы были веские причины. Только на них Рукавица мог выделить человека.

Александра проверила страницу «актёра», его контакты. Не обнаружила ничего, хоть как-то объясняющего руну. Ни групп соответствующей тематики, ни фотографий в альбоме, ни музыки, ни видео. Неизвестный заполнил страницу пустыми образами: чужими фотографиями, крутыми тачками и оружием. Складывалось впечатление, будто здесь «живёт» или подросток, или крайне инфантильный мужчина. Или, и такой вариант Александре казался самым подходящим, страница была создана специально для запугивания Чуриной и Васильевой. Не исключено, что убитая тоже получала такое сообщение.

Она взяла телефон, желая расспросить Рукавицу по делу Ангелины и всё-таки просить с помощи. Толком не знала, с чего начать, но пребывала в решимости помочь рукодельницам. В последний момент ожило собственное эго. Это Рукавица должен был бежать к ней за

помощью, а не она!

Александра вздохнула, понимая, эмоции надо оставить, сейчас главное не совершить ошибку с маньяком. И решительно ввела номер начальника следственного отдела, надеясь убедить того рассказом о бывшем муже Снежаны.

— Селивёрстова... — прозвучало недовольно. — Я собирался тебя набрать...

Александра удивления не показала.

Рукавица продолжил:

— Подъезжай. Маньяк объявился.

— И вам нужна моя помощь? — не удержалась от самодовольной ухмылки.

— Обошлись бы и без твоей неугомонной задницы. Но он сам тебя требует.

Александра не стала дальше слушать. Положила трубку, собралась в считанные минуты и выскочила из квартиры.

Не дожидаясь расспросов и без каких-либо приветствий, Владимир Андреевич заявил:

— Похоже, тебе нашлась пара. Самоназванный гений зовёт такую же.

— Без иронии никак? — спросила, снимая заснеженное пальто.

— Ирония спасает от отчаяния, Селивёрстова. Смотри, — развернул экран ноутбука.

Уважаемые менты, пора знакомиться! Я ВРАЧ. Лечу женщин. Слишком много чёрных душ в нашем мире, и я тот, кто взял на себя смелость это исправить. Досадная мелочь заключается в том, что душу не излечить. Люди не меняются. Ни с годами, ни с деньгами. Единственный способ исправить их неправильность — отправить в АД, туда, где самые грешные осознают свои ошибки. Я надеюсь, моим женщинам это поможет, и там они многое поймут.

Васильева Ангелина была первой. Поверьте, она заслужила своё лечение. За ошибки надо платить. Нельзя пренебрегать любовью. Особенно моей. Это чревато удушьем.

Теперь настала очередь Власовой. Дорогая Селивёрстова, вы уже здесь? Читаете моё письмо? Уверен, что да. Куда же в борьбе с гением без гения? Вы ведь себя таковой считаете? Не сомневаюсь.

Власову ещё можно спасти. Догадаетесь, как зовут мою женщину, и сможете её предупредить. Даю вам полчаса. Отсчёт пошёл. Подсказка: Власова живёт в Питере.

Ваш ВРАЧ

P.S. А как вам моя руна?

Александра перевела безумный взгляд на Рукавицу:

— Надо найти Власову! Иначе...

Тот тяжело вздохнул:

— Не надо, Селивёрстова.

— Но... — начала она.

— Во-первых, Власовых в Питере до хрена. Во-вторых, мы не можем играть с преступником. Он этого и добивается, тебе ли не знать? А в-третьих, Власова уже мертва. Полчаса истекло за час до твоего приезда. Адрес, где найти труп, нам любезно сообщил сам ВРАЧ.

— Так что же вы не позвонили раньше?!

— А чем бы ты помогла? Ты экстрасенс, Селивёрстова? Или, быть может, знаешь, кто этот ВРАЧ?

— Я...

— Что я? — подскочил Рукавица и нервно зашагал вдоль окна. — Псих навязывает нам свою игру. Мы изначально были в проигрыше. Условия нереальные. Надо не в угадку с ним играть, а рыться, копать, анализировать кто и как узнал адрес моей электронки! И тебя я вызвал непросто так. Ты, Селивёрстова, должна помочь найти этого подонка, пока не случилось третьего лечения.

На последнем слове глаза Рукавицы зажглись таким гневом, что страшно стало даже Александре, хотя до этого она Рукавицу ничуть не боялась. В таком состоянии Владимир Андреевич был опасен. Таким он напоминал ей саму себя.

— Психопат решил, что можно вот так вот с нами обращаться. Да он нас, служителей закона, ни во что не ставит! И мы это стерпим! Щаз! — Владимир Андреевич подошёл вплотную к детективу и продолжил шёпотом. — Меня очень волнует то, с какой лёгкостью он узнал мою почту... Уверен, Селивёрстова, без крысы здесь не обошлось. Тебя я не люблю, но доверяю. Гольцева ещё проверяю. Он молодой, пришёл к нам недавно. Парень толковый. Мне он, признаюсь, нравится, но чёрт, — ударил рукой по столу, — кто скрывается под милым Андрюшей? Ты знаешь?

Она мотнула головой.

— И я не знаю. Так что пока он под вопросом.

Мобильник дребезжанием ворвался в мозг Рукавицы. Владимир Андреевич с нескрываемой злостью дёрнулся к телефону. Лицо выражало ненависть, будто несчастный гаджет был виновником всех несчастий. Слово, звонившим был тот самый ВРАЧ.

— Резников, порадууй, — взмолился Рукавица, меняя гнев на милость. — Скажи, что-нибудь хорошее. Например, что квартира пуста.

По тому, как вытягивалось лицо Владимира Андреевича, Александра поняла: новости плохие. А через десять минут они мчались на место преступления.

Глава 29

По дороге обсудили то, что удалось выяснить. Рукавица со своими ребятами зря время не терял.

Кратко, но толково побеседовали с бывшей женой Ареева. Маргарита убеждала, что Марк не умеет накладывать тон и более того, ненавидит шпугатурку на коже. По поводу психолога рассказала, что потери памяти у мужа не было. Призналась, солгала из-за обиды. Не поздравить родную дочь с Днём Ангела мог только мерзавец. И этот мерзавец заслуживал урока.

Друг детства, тот самый, что работал по приколу, вообще удивился вопросу. Салон красоты жил лишь в его сумасбродной юности, и он не сомневался, Ареев те времена также выбросил из головы.

Но всё это было незначительно и никак не снимало подозрений. Рукавица признался, Ареев ему не нравится. Однако, симпатии симпатиями, но имелись и другие кандидатуры. Например, Розгин Михаил Дмитриевич. Именно он посылал уничижительные сообщения на телефон Васильевой. Мобильный убитой стал доказательством его ненависти ко всей троице. В красках и многословно желал он смерти не только Ангелине, но и Виталине, Снежане.

Выяснили и почему его так скоро выпустили — положенных лет Розгин не отсидел. Помогло отличное поведение, как утверждал следователь по его делу, и таинственный спонсор, — как признался за немалую взятку охранник.

Оказалось, тюрьме оказывала поддержку некая женщина богатая и неуловимая.

Никаких финансовых следов не оставляла: работала исключительно с наличкой и через курьера. Всё, что было известно об этой женщине, так это её предусмотрительность. Курьеры каждый раз были разные, и... а это уже были подозрения самого Рукавицы, получали отличные деньги за молчание.

Розгину в тюрьме жилось хорошо. Его даже кормили лучше остальных. Выпустили, благодаря той же неизвестной. Женщину в данный момент искали. Бывшего заключённого тоже. Последний раз его видели у тюремных стен. Он сел в красный кроссовер фирмы «фольцваген».

На работу бывший зек не устраивался, квартиру или комнату не снимал. Как в воду канул. И тут было три варианта: либо он жил по чужим документам, либо его забрала к себе таинственная спонсорша, либо он спился и забомжевал. Последнюю версию в данный момент активно отработывали сотрудники полиции. А Рукавица, прошерстив биографию Розгина и его семьи, почти не сомневался, тот, в чьём роду имелись буйно помешанные, вполне мог оказаться причастен к появлению ВРАЧА. Вполне мог играть по собственным правилам. Например, в прятки.

Тату мастера Кравца Юрия Леонидовича опросили, проверили. Его показания совпали с данными, полученными от матери убитой. Алиби на время убийства у него так же было: его видели коллеги и наружная камера соседнего здания. Запасного выхода салон не имел. Отец Юрия, человек со связями, обещал оказывать всяческое содействие в поимке преступника. Знал, как сильно его сын любил Васильеву.

Наблюдение за квартирой ничего не принесло.

— Что-то вы долго с телефоном копались, — заметила Александра. Стоять в пробке на Петергофском в полной тишине, а молчали они уже полчаса, становилось невыносимо.

— Пароль длинный, — хмыкнул Владимир Андреевич, — семнадцать, ноль, восемь, два, ноль, шестнадцать.

— День смерти её отца.

— Ты так хорошо знала Васильеву?

— Я её изучала, — не стала врать детектив.

— Авария, что ли! — Рукавица ударил по рулю. Взглянул на Александру. — Сочувствую утрате.

— Она была мне никто. Я изучала её биографию, потому что хотела наладить отношения. У нас намечалась встреча выпускников. И я хотела хотя бы в этом году там присутствовать.

— Сильная Александра не могла совладать с чувствами?

— Не ёрничайте.

— Но и ты тогда, Саша, веди себя по-взрослому. Если говорят, не лезь на рожон, так не лезь.

— Вы вспомнили моё имя?

И один, и вторая улыбнулись.

Метель сбавила обороты, перейдя в мягкий снег.

— Честно говоря, Саша, меня смущают два факта, — признался Владимир Андреевич барабана пальцами по рулю. — Первый. ВРАЧ появился после задержания Ареева. Не связаны ли эти события? И ещё. Как маньяк узнал, что я покажу письмо тебе?

— На вашем телефоне прослушка, — уверенно заявила Александра.

— Нет её там, — помотал головой. — Я каждую неделю проверяю по своим каналам.

Слишком уж часто угрожают моей семье.

— Лизе?

— Ей. Каждый посаженный мерзавец считает своим долгом передать какую-нибудь мерзость или мне, или сразу ей. Поэтому её телефон тоже проверяется. И за домом постоянно следят. Но уже так, по старым знакомствам. Я уже не молод, Саша, и видел всякое. Хочешь быть хорошим следователем — защищай родных беспрестанно.

— Серьёзный подход.

— Вынужденный. Так что на телефоне точно нет прослушки. О том, что собираюсь тебе позвонить, я говорил только двум людям: Резникову и Гольцеву. Насчёт Вани я уверен, а Гольцев...

— Интуиция подсказывает, он хороший парень.

— Интуиция... — ухмыльнулся. — А куда девать факты, Саш?

— Нет. Не верю. Возможно, его телефон как раз и прослушивают.

Владимир Андреевич пожал плечами.

— Или... мой, — нахмурилась Александра. — Мне кажется это глупостью, но...

— Но ты, наконец, поняла, что можешь ошибаться.

Признавать его правоту желания не было. Селивёрстова промолчала. Она и так сделала то, что ей было не свойственно: предположила собственную оплошность.

— Ладно, без обид. Кто мог трогать твой телефон? — Рукавица повернулся вполоборота. — Кроме Вани.

— Он не трогает мой мобильник.

Владимир Андреевич ждал.

— Никто. Телефон всегда при мне. Гостей я не зову, клиентам в руки не даю.

— И никогда не оставляешь без присмотра?

— Сегодня, — призналась Александра, — на минуту, когда заваривала чай. Но было это в моём агентстве и в присутствии Чуриной. Ей это ни к чему, да и пребывала она в плачевном состоянии.

— А что она, вообще, у тебя делала?

— Пришла за помощью. Я, кстати, хотела с вами поговорить о ней и о Римской.

Рукавица перестал барабанить по рулю и вытянул шею, будто так мог увидеть, что происходит за вереницей машин.

— Чурина получила сообщение ВКонтакте, — произнесла Александра. — С руной Велеса.

— Думаешь, ВРАЧ подготавливает новую жертву?

— Не исключено. Интересно то, что Римская увлекается рунами, а её бывший муж об этом знал. Чурина предположила, что он в этом замешан.

Владимир Андреевич с облегчением завёл подостывший мотор. Пробка сдвинулась с места. Сказал, не поворачиваясь:

— Ты об этом хотела поговорить? О подозрениях Чуриной?

— Нет. Считаю, им с Римской нужна защита. Кто-то явно желает подругам зла. Им бы человека для охраны.

— Нагло, — цокнул языком Владимир Андреевич, — но не безосновательно. Посмотрим, что можно сделать. Людей не гарантирую. С количеством у нас напряжёнка, сама знаешь. Сначала поглядим, что там с убийством Власовой. О, всё-таки авария, «пежо» всмятку. А как тебе самой эта Чурина?

— Эмоционально нестабильная.

Рукавица вздохнул:

— А кто сейчас стабилен?

— Владимир Андреевич...

— Ещё кому-то охрана? — улыбнулся безрадостной улыбкой.

— У меня в последнее время клиентов почти нет. Не ваша ли работа?

Рукавица не стал отвечать, упрямо глядя вперёд.

В комнате стоял удушающий сладкий запах. Александра зажала нос. Рукавица бегло осмотрел место преступления.

В середине комнаты находился стол с белой скатертью, накрытый к романтическому ужину: те же Бастардо, Кишмиш, коробка шоколадных конфет в форме сердца, два набора посуды, два бокала. Один пустой, на другом след от губной помады по внешним признакам совпадающий с помадой на губах жертвы — красной. Рядом лист бумаги формата А4, а на нём сердце с отколотым краем и руна Велеса.

Жертву из вороха лилий, этим и объяснялся запах, откапывал Резников.

— Никаких следов удушья или других признаков насильственной смерти: поломанных ногтей, царапин, синяков, ссадин, — сообщил Павел, осматривая труп.

Александра обратила внимание на одежду: бежевый брючный костюм и туфли в тон. И то, и другое она видела на известной модели в одном из журналов.

— Тот же почерк, — сказала, указывая на «завязку».

Концы длинной вишневой материи обхватывали лодыжки поверх верёвки и поднимались вверх, с помощью портновских иголок перекрестьем крепились к талии, а затем, «обнимая» груди, соединялись, образуя сердце.

Волосы чёрными кудрями рассыпались по полу.

— Твою... — заткнул рот кулаком Рукавица, взглянув на покойную. — Вот теперь у нас проблемы. Зря маньяк выбрал её. Зря...

— Известная личность?

— Богатая, Саша, — ответил Рукавица. — Дочь известного мецената, сложного человека. Теперь, наверняка, ждёт Управление по особо важным.

Александра скривилась, как от зубной боли.

— Следов взлома нет, — заметил Резников. — Выброшенных фотографий, обуви тоже. Ни-че-го.

— Убили пару часов назад, — потянул затёкшую спину Павел.

А дальше, как не искали, так и не сумели обнаружить хоть какие-то улики. Не установили и причину смерти.

— Вскрытие покажет. Надо пообедать, — вздохнул Павел, подготавливая себя к трудному дню.

— Мобильник! — объявил Резников, выживая телефон из-под дивана. — Работает. Сейчас попробуем подобрать пароль.

Рукавица нервно закурил. Но к его удивлению, пароль оказался распространённым. У него самого когда-то стоял такой же.

— И ты... — прочёл Резников.

— Руны? — затыкнулся Владимир Андреевич.

— Одна. Такая же, как на листе.

Кошка жалобно мяукнула со шкафа. Резников первым приблизился к животному. Протянул обе руки, и к удивлению Александры, кошка спрыгнула к Ивану. Прижалась к вороту куртки цвета ночного неба, потёрлась.

— Чувствует хорошего человека, — улыбнулся Павел.

Александра тоже улыбнулась.

— Куда она теперь? — спросил Иван. — Пока то, пока сё...

Рукавица махнул рукой, свободной от сигареты:

— Бери. Только сильно не привязывайся, мало ли что. Власов животных не сильно любит, а насчёт его жены не уверен.

Иван кивнул. Кошка радостно мяукнула.

Рукавица открыл балкон, впуская струю снежного воздуха, избавился от сигареты, чертыхнулся и набрал номер Власова. Все, как по команде притихли.

— Лиль, я тебе шестьдесят косарей добавлял! Ты же знаешь, кошелёк не резиновый! Чего ещё? На кой тебе вообще столько барахла? На своего Саньку впечатление произвести! Так он не оценит! Не нашего круга! Или в долг ему хочешь взять? Нет, так не пойдёт... Всё, Лиль! Телефон отключаю!

И действительно отключил.

— Поговорили... — выдохнул Рукавица. — Придётся ехать в офис Власова. Этим займусь я. Остальные по местам.

— А кошку куда? — спросил Резников.

— Везёшь домой и пулей в лабораторию. Может, хоть на этот раз что-то полезное откопаешь.

Глава 30

В офисе Власова не было. Помощник, созвонившись с хозяином и получив добро, сообщил новый адрес. Путь лежал за город. Коттеджный посёлок «Жемчужина» не раз попадался на слух Рукавицы. Любили там отсиживаться богатенькие дети-наркоманы, попадавшие под разные статьи УК Российской Федерации. Посёлок жил собственной жизнью на деньги того же Власова, и всё происходящее за стенами уютных белых зданий, плотно закрывалось крышкой под названием «деньги и связи». А если дело приобретало совсем опасный поворот, и за дозу убивали кого-то серьёзного, тогда в «Жемчужину» приглашали своих — продажных следователей и прочих. Ни разу Владимиру Андреевичу не приходилось здесь бывать, да и не сильно хотелось. Но всё же, не без труда, попав по другую сторону ворот с вензелями, он против воли засмотрелся на дома. Каждый со своей индивидуальностью, каждый с богатым и заботливым хозяином.

Роскошь.

Именно это слово просачивалось сначала в сознание, а затем пробивалось и сквозь толщу снега, укрывшую коттеджные территории, словно богатым покрывалом. Даже зима воспринималась тут по-другому. Мягче и в тоже время опаснее.

«Лизе бы понравилось...» — невпопад подумал Рукавица, припоминая все жалобы супруги на очередной отпуск без него где-то в Крыму. Ей там нравилось, но мечтала она о другом. И снег любила. Не единожды упрашивала съездить куда-нибудь в горы, посидеть у камина в уютном домике с видом на безграничный заснеженный лес.

Всё это было здесь. Гора виднелась, наверняка, искусственная, но от того не ставшая менее привлекательной. Лес. Густой и зовущий. Романтичный даже. Рукавица с детства любил леса: бродить, рассматривать, изучать. Жена любви не разделяла. Ей больше

нравилось смотреть из окна. Петли меж деревьев её не привлекали.

Владимир Андреевич подавил вздох, и, встретившись взглядом с угрюмым охранником, направился к ближайшему, самому высокому из всех — четырёхэтажному дому. Охранник заметно напрягся. Увидев удостоверение, побледнел до полной идентичности с нетронутым лежащим снегом вдоль ворот. Личных. С золотой буквой «В» по центру.

«Безвкусица и понты...» — подумал Владимир Андреевич, пока ворота нехотя открывали мощённую гранитом дорожку, облепленную по обеим сторонам высокими фонарями с «головками» в форме тюльпанов.

«Боятся...» — решил Рукавица, приближаясь к входной двери — металлической с той же «В» по середине.

— О любых проблемах Лилии Георгиевны сообщите мне, — подскочила к Рукавице девушка в коротком фиолетовом платье. — Я доложу Георгию Николаевичу. Если дело можно замять сразу деньгами, скажите сколько, и вопрос решится тут же. — Девушка вытащила из сумочки, лежащей на диване, кошелёк и раскрыла его, готовая выдать любую сумму. — Георгий Николаевич не пожалеет для дочери никаких денег. Сумма. — Нарочито широко улыбнулась девушка.

— А вы кто? — задал резонный и довольно храбрый вопрос Владимир Андреевич.

— Лиза. Помощница.

— Лиза. Помощница. Мне необходимо переговорить с Власовым лично.

— Я же сказала, что...

— И я сказал. Лиза, сообщите Власову о моём желании.

— Хорошо...

Девушка направилась по лестнице. Рукавица следом. Из кабинета ощутимо тянуло прохладой. Лиза постучалась, кашлянула.

— Георгий Николаевич, вас тут... просят.

— Кто?

— Из полиции.

— Я же дал указания, Лизаветта!

— Простите, но...

— Я не уйду, Георгий, — подал голос Рукавица. — Мне необходимо с вами поговорить.

— У вас пять минут. Лизаветта, дверь.

Взгляд, мимика и жесты Георгия Власова не сулили приятного общения. Они сулили неприятности. Власов отошёл от окна. Звук, с которым он плюхнулся в удобное высокое кресло, обитое красной кожей, походил на выстрел.

— Потихе там! — гаркнул Власов, подсакивая к окну. — Расстрелялись тут... — Он закинул ногу на стол. — Чем могу? Если Лилька опять по глупости превысила скорость, вопрос решаемый. Если чего украла, скажите сколько. Или хотите получить за молчание? Так назовите сумму. Ни к чему тратить и моё, и ваше время. Знаю, дорога сюда неблизкая. А скоро опять завьюжит.

Выстрел повторился. Рукавица хмуро свёл брови.

— Всё норм, — вальяжно пояснил Власов. — Ребята тренируются. У нас скоро соревнование по стрельбе. Так что такое важное сделала Лилька, что вы не могли передать через мою помощницу? Говорите уже!

— Она умерла, — без эмоций произнёс Владимир Андреевич, наблюдая за реакцией родителя.

— Это шутка, да? — бледный Власов оттянул галстук, шатаясь поднялся и высунул голову в окно. — Доигралась... — сказал, спустя долгую минуту. — Доигралась, — повторил, дрожащими пальцами закрывая окно. — Как это произошло? Авария? Снова гнала по встречке? Кто-то ещё пострадал? Наверняка. Иначе зачем вы явились? Родители погибшего хотят возмещения ущерба? Мне оплатить больницу? Похороны?

— Присядьте, — предложил Рукавица, несколько удивлённый тому, что такой человек, как Власов задумался о возможных жертвах.

Наминая обивку всё ещё дрожащими руками, Власов спросил:

— Она хоть не мучилась? Умерла быстро?

— Не могу ответить на ваш вопрос. После вскрытия...

— После вскрытия? Её что, убили?

— Да.

— Как я Лизе сообщу?

— Вашей помощнице?

— Жене. Мы давно уже вместе не по любви, а из-за обязательств. Лизаветта напоминает жену в юности, поэтому я взял её помощницей. Я ведь очень любил Лизу. А как мы хотели ребёнка... Лилька была светом в жизни. Непослушной и вредной, гадиной полной, но как же мы её любили...

— Георгий Николаевич, мне необходимо задать вам пару вопросов об окружении дочери, завистниках, врагах, быть может. Ваша дочь часто попадала в неприятности. Расскажите, какие?

— Хорошо. Но сначала водки. Хорошей водки. — Власов закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

Глава 31

Александра предложила Бризу встретиться вечером, обсудить убийства. Поработать. Но друг сначала сослался на кошку — нового и требующего внимания члена семьи, затем что-то пробормотал об отце и болезни матери. Александра толком не поняла. Расспрашивать возможности не было. Резников сел в машину, не дав ей опомниться. Не предложив подвезти. Она бы, конечно, как всегда, отказалась. Ну и что? Само предложение каждый раз грело душу, вызывало улыбку и смущение. Пробуждало до сих пор так и непонятые эмоции, от которых хотелось сбежать. В которые хотелось укрыться, словно, в мягкий плед и спрятаться от пугающих дней, возраста.

Одиночества.

Нет, она не считала себя старой девой. Смешно. Не смешно станет в пятьдесят. Не царившие в душе уныние и пустота напрягали уже и её саму.

После Димы всё поменялось. Мир стал другим, чувства обострились. Эмоции прижатые камнем отчуждённости, безразличия и столь прекрасной свободы, понемногу, но всё же выбирались наружу.

Дима был перевёрнутой страницей, счастливой жизнью, что не случилась.

Бриз — уютным настоящим. Необходимым, почти, как воздух.

Она и не думала, что так сильно зависит от Вани, а сейчас, глядя на исчезающие огни фар, подмигивающие, словно, на прощание, резко осознала — его ей очень сильно не хватает. Очень.

Александре нравилось журить Бриза за невнимательность или поспешность в выводах. Сидеть рядом и немного философствовать, рассуждая о семьях жертв и самих преступниках.

Смотреть, как он немного боязливо реагирует на её внешний вид, будто Бриз боялся обидеть. Или, что вполне вероятно, боялся смутить.

Она не страшилась перед ним быть настоящей — носки не в счёт — встречала в домашнем костюме не первой свежести. Нередко растрёпанная и уставшая. Не боялась открыть пустой холодильник, чтобы убрать на полку принесённый им салат или торт. Не стеснялась признаться в нежелании общаться с родителями. С самыми, казалось бы, близкими людьми. Но в том-то и дело, что казалось. Родители всегда стояли на отшибе и наблюдали, усмехаясь за своей неповоротливой Сашей. За дочерью, не оправдавшей надежд.

В гнусном настроении детектив вошла в квартиру, сразу же почувствовав горечь одиночества. Никто не встречал, не интересовался, как дела. Никто не ждал её возвращения. Тяжесть лет мигом опустилась на плечи, придавив. Причинив боль.

Окинув безрадостным взглядом пустые комнаты, кухню, она прошла в ванную и долго-долго умывалась холодной водой, прогоняя эмоции, так и норотившие взять верх.

«Сильная женщина не плачет из-за пустяка», — убеждала себя Александра и набирала горсть воды в ладонь. Снова и снова.

Чайник на кухне без особого энтузиазма закипел. Александра машинально закинула щепотку цветов шиповника, щепотку бергамота, закрыла крышкой и отставила. Заварке требовалось настояться. А ей успокоиться. Внутри щемило, звало к нежности, заботе. К участию.

В комнате шла долгая борьба за цвет. Не понимая собственных эмоций, боязнь увязнуть в столь внезапной хандре, она никак не могла определиться с оттенком. С одной стороны, хотелось внутреннего тепла, и сочно-оранжевые или апельсиновые носочки были бы кстати. С другой, ей всю дорогу не давала покоя мысль о ВРАЧЕ. Об убийце, возмнившим себя гением. О его словах. О богачке Власовой, никак и ничем не схожей с Васильевой, разве что буквами в фамилиях. Об упомянутом Рукавицей Управлении. О Диме и сопутствующем чувстве утраты, ведь именно там они познакомились. Оттуда началось их противодействие, борьба. Любовь.

Любовь?

Так она думала до того памятного вечера на мосту. Но он расставил всё по местам. Он её бросил (подробнее читайте в книге «Полярные чувства»).

Воспоминания о Диме тянули в пучину непрошенных и лишних чувств. Ненужные мечты, пустые образы рождались в сознании и улетали прочь, гонимые её собственным нежеланием даже размышлять на тему того, что было бы, окажись они оба другими. Чуть более понимающими и принимающими. Чуть более родными, чем два похожих человека, ведущих расследование и обожающих загадки.

Иногда хотелось вернуться в прошлое и сказать ему о своих чувствах. Снова. Но сделать это не на мосту, когда и он, и она были на эмоциях и стояли, продуваемые ледяным ветром, читая в глазах другого лишь непонимание и боль. А дома в постели, в кафе за улыбками и тёплыми булочками. Ночью под покровом нежности и любви. В моменты не только физической близости.

В произошедшем она винила и себя. Не только Дима был виноват в разрыве. Им обоим не хватило такта, терпения. Не хватило любви. Наверно, любовь — это нечто большее, чем было у них. Иначе, почему он пропал? Почему хотя бы раз не позвонил? Почему она оставила попытки его найти? Почему?

На ногах оказались носки неприятного оттенка жжёного сахара.

Александра грустно улыбнулась и пошла пить чай, захватив любимый набор маркеров. Мысли о Диме становились невыносимыми.

Поверхность листа заполнялась бессмысленными символами. Александра вспомнила о Чуриной. Захотелось пообщаться с ней побольше, узнать лучше. Было в ней что-то, близкое детективу. И основывалась эта близость не только на восприятии цвета. Ей казалось, что между жертвами: настоящими — Ангелиной и Лилией, и возможными Витой и Снежаной должна быть какая-то общность. Мелкая деталь, ускользающая от взгляда. Но попытки найти хоть какое-то сходство, любой крючок проваливались, не имея и грамма успеха.

«Сейчас бы поговорить с Бризом. Он всегда говорит ерунду, но я, словно, просыпаюсь», — рассуждала она, выписывая имена старые и новые по делу Любовника, ставшего ВРАЧОМ.

Звонок телефона восприняла спокойно, уверенная в том, что это родители. Опять хотят вынести мозг, поругать, высказать недовольство. Потребовать ёлку с шарами на Новый год.

Пусть не в сам праздник, но они всё равно заедут и крайне огорчатся, увидев голую ель. Александра вообще собиралась обойтись искусственной. Особенно расстроится мама. Для неё Новый год был особенным праздником. Его она любила. И нередко Александре казалось, что мамина любовь к какой-то зимней дате намного сильнее и ярче, нежели к собственной дочери.

Экран удивил именем Гольцева. Детектив поздоровалась, гадая, что могло произойти.

— Александра, извините меня за беспокойство. Я тут проезжал мимо, по правде говоря, мне Резников сказал ваш адрес, и подумал, что было бы неплохо обсудить ВРАЧА. Понимаете, я копался в биографии Васильевой, только начальнику не говорите, он меня отстранил почему-то, и наткнулся на одну интересную вещь. Может...

— Обсудим на месте, — прервала его Александра. — Когда вас ждать?

— Через десять минут буду. Ничего?

— Жду.

В сердце поселилась ещё не бурная, но уже довольно звонкая радость. Ей хотелось обсудить свои мысли хоть с кем-то. Нет, было необходимо. Ложь. Не с кем-то. С тем, кто близок по духу, мировоззрению. С тем, к кому лежит душа. Андрей был как раз таким. И, несмотря на сомнения Рукавицы, Александра не испытывала тревоги. Интуиция молчала. То ли позабыв о подруге, то ли, доказывая глупость подозрений начальства. Хотя какое начальство? Она сотрудничала с Владимиром Андреевичем по собственному желанию. И без зарплаты.

Гольцев держал в руках тонкую чёрную папку. С локтя свешивался пакет из Ленты.

— Я слышал, вы редко готовите и подумал, что...

Александра невольно улыбнулась. Гольцев напоминал Бриза. Только помоложе и наивнее. Однако, второе могло быть и ошибкой. Ваня порой вёл себя, как несмышлёный подросток. А всё почему? Потому, что она сама вела себя училкой со стажем. Спрашивается, зачем?

— Я могу войти?

— Задумалась. Вы разговаривали с Резниковым?

— Недавно, — признался Гольцев. — Он просил извиниться за то, что сам не может приехать и просил меня...

— Так вы здесь по его просьбе.

— Изначально да, но потом я нашёл это, — поднял папку, — и решил поговорить с

вами.

— Почему со мной? — спросила, закрывая дверь.

— Потому что Владимир Андреевич не пожелал меня выслушать, а мне кажется найденное важным.

— Давайте на кухню. Тапок нет. Не люблю, — сказала сразу. — Рваные вонючие носки не смущают, так что...

— Я живу с мамой, — смутился Гольцев.

— Помню. На всякий случай предупредила. Был у меня однажды клиент, потерявший жену. Явился не в агентство, а прямо сюда, снял обувь, а там... — махнула рукой. — Не будем портить аппетит. В жизни с мамой есть свои плюсы, как видите.

— И что клиент? — Гольцев снял ботинки и аккуратно поставил их в углу.

— Сам был так растерян из-за своих же носков, так смущался, что в итоге пришлось клещами вытягивать из него суть проблемы. И такое бывает. Хотя, вроде взрослые люди должны уметь держать себя в руках.

— Это не просто. По себе знаю. На кухню?

— На кухню. Только телефон выключите.

— Зачем?

— Хотите разговора — делайте.

— Ладно. Мама знает, где я, а сестра только утром вернётся.

— Отлично. Что в пакете?

— Да так, — пожал плечами, — пара салатов и пирог с вишней. Я знаю, вы любите бисквитные торты, но в магазине были несвежие и все какие-то... Я решил, пирог будет меньшей из зол. В нём хотя бы химии по минимуму.

— Заботитесь о здоровье?

— Мама с сестрой приучили, — вздохнул Гольцев. — Две женщины в доме — это проигрыш личных позиций. Без вариантов.

Александра засмеялась. Гольцев нравился ей всё больше и больше.

Аппетитный крабовый был съеден моментально. Салат оказался не только вкусным, но и свежим. Второй — с курицей и ананасом оставался нетронутым. Гость и вовсе посматривал лишь на коробку с пирогом.

— Давайте напьемся чая и уже откроем папку, — предложила Александра. Любопытство любопытством, но голод никто не отменял, а она, когда пребывала в плачевном настроении, хотела есть.

— Хорошо. Только можно вас попросить?

— О серединке пирога? Нет. Извините. Это моя часть.

— Нет, — улыбнулся Гольцев. — Не обращайтесь ко мне на «вы». Мне как-то... неудобно.

— Обоюдная просьба. Я тоже не старушка. Переходим на «ты».

Затем был ароматный чай, заваренный до идеального вкуса, и сладкий воздушный пирог.

Отставив посуду, одновременно потянулись к папке, лежащей рядом, на подоконнике.

Глава 32

— Что здесь? — спросила, первой коснувшись обложки.

— Биография Васильевой и её семьи. Есть пара моментов, которые могут помочь выйти

на след маньяка.

— Да? Любопытно.

Александра изучала материалы, а Гольцев воодушевлённо вещал:

— Вы, ты знала, что Васильеву удочерили в возрасте трёх лет? Муж бросил её мать, и та спрыгнула с балкона. Она была ещё совсем молодой. Только закончила институт.

— Оправдываешь? — детектив подняла глаза на Гольцева.

— Не осуждаю. Беременность была по залёту. Отсутствие материнского инстинкта объяснимо.

— Оправдываешь.

— Хорошо. Оправдываю. Но для Ангелины так было лучше.

— Уверен?

— У меня сестра работает в больнице. Иногда от пациентов такого наслушается, что хочется в петлю лезть или дать запрещённый препарат страдальцу. Она держится. Ещё ни разу не пошла на поводу у своих чувств, потому что сильная и здравомыслящая. Но мы с ней часто обсуждаем её работу, и знаете... знаешь, иногда услышишь про какой-нибудь случай и понимаешь, лучше бы эта женщина на свет не появлялась. Или лучше бы её другим родителям отдали. Потому что хуже не любви в семье ничего быть не может. А ведь многим не везёт с этой любовью.

— И, если кому-то не повезло, нужно портить жизнь другим?

— Ангелине жизнь никто не портил. Её мать перед самоубийством позвонила двоюродной сестре и молила забрать дочь. У Светланы Ильиничны было бесплодие, а о детях она мечтала.

— Ты об этом здесь прочёл? — в голосе Александры звучало явное сомнение.

— Нет. Это мне сама Светлана Ильинична призналась, когда я ей звонил. Она ведь... совсем плоха. Врач говорит, если не случится чудо, ей не выкарабкаться. Семья была для неё всем. А без мужа и дочери жизнь потеряла всякий смысл. Знаешь, когда я за тёплой кофтой к ней домой ездил, в голову пришла одна мысль: а что, если Васильеву убили не из-за любви, а из-за её нехватки?

— Что ты имеешь в виду?

— Сердце там, сердце здесь. Даже коробка в форме сердца. Навязчиво как-то. Тебе так не кажется?

Под таким ракурсом она преступления ещё не рассматривала, но в словах Гольцева было зерно истины. Если подумать, то действительно, любви было слишком много. Настолько, словно ею прикрывались, будто ширмой.

— Твоё предположение надо проверить, — задумчиво сказала Александра, делая пометку неоновозелёным на бумаге. Листы всегда были под рукой.

— И об этом же я задумался, читая биографию, — продолжал Гольцев. Взгляни на то место, где говорится о благотворительном вечере, проводимом Власовым.

— Власовым?

— Именно. Оказывается, он знал Арееву. Жену задержанного.

Александра не скрывала изумления:

— Откуда ты всё это знаешь?

— Пересекался с Лилией Власовой. Хорошая была, хотя и на понтах.

— Подробнее.

— Познакомились на сайте. Какое-то время переписывались. Ей не хватало общения:

отец весь в делах, мать тоже занята. А Лиля иногда покуривала. Не сигареты, как ты понимаешь, и тогда её несло. Жизнь плохая, деньги зло, мужики только к отцу подбираются, а она никому не нужна. В общем, по сути, Лилия была несчастлива, как и Васильева. Ангелина же о том, что приёмная узнала, когда...

— Умер её отец, — догадалась Александра.

— Да. Так ты знакома с папкой?

— Нет. Я знакома с Васильевой. Мы учились в одном классе, но это неважно.

— Сочувствую.

— Не надо. Что там с Власовой?

Власов как-то устраивал благотворительный вечер, там была его дочь. Она пригласила свою знакомую, Арееву Маргариту. С Ареевой они пересекались на том же сайте знакомств.

— Подожди. Хочешь сказать, Лилия переписывалась с обоими полами?

— Нет. Власова приревновала к Рите своего парня Саньку Бурина. Прочла их переписку. Пригласила Арееву, чтобы...

— Показать, где чьё место.

— Скорее всего да. Но не менее важно здесь другое, — Гольцев сверкнул глазами, и детектив увидела в нём свою копию. — На вечер также были приглашены и три рукодельницы со своим эксклюзивом. Вещи только для богачей. Понимаешь, к чему я клоню?

— Там ВРАЧ присмотрел своих жертв? — Задумалась. — Надуманно выходит. Не знаю. Но информация, безусловно, любопытная. Только я тебе не верю, Андрей.

Лицо Гольцева выражало обиду:

— По-твоему, я притянул всё за уши?

— По-моему, этого нет в папке, — постучала указательным пальцем по обложке. Материалы закрылись с упоминанием рукодельниц, и взгляд Александры из одобрительного превратился в настороженный. Но увлечённый собственным рассказом, Гольцев не почувствовал надвигающейся грозы.

— Так, откуда информация, Андрей? — нахмурилась детектив.

— Из Управления. Власовыми занимался мой старший брат. Соколов Дмитрий. — Смущённо и виновато опустил глаза. Прошептал. — Прости.

Чередой частых ударов сотрясла сердце, непривычно громко отдаваясь в ушах. Мир закружил. Александра поняла, что ей не хватает воздуха.

— Тебе плохо? — Гольцев схватил её за руку. — Воды?

— Нет... — произнесла совсем тихо. Попыталась собрать себя, так внезапно расколовшуюся на сотни «почему» и «как», воедино. — Я в порядке. Но не понимаю, зачем ты лжёшь?

— Это правда. У нас с Димой разные отцы, но одна мать.

«А я даже этого не знала...» — с печалью подумала Александра, закрашивая в своей памяти неудачные отношения чёрным.

— Извини. Мы с ним не очень близки, но о вас он говорил.

Брови взметнулись вверх. Сердце ударило в грудь и зачастило-зачастило.

— Обо мне... и о нём? — уточнила, чувствуя, как вспотели ладони и стало горячо внутри.

— Злился тому, что вы не могли определиться.

— Детский сад какой-то, — прозвучало разочарованно. Она надеялась услышать совсем другое.

— Я не знаю, что между вами произошло, но...

— Но что?

— Он исчез и даже ни разу не позвонил, хотя раз в месяц мы созванивались просто чтобы узнать, что живы.

Александра с болью ухмыльнулась. Продолжать разговор о Диме совершенно не хотелось. Она и без того чувствовала себя виноватой.

— Он сам по себе, я знаю. У себя на уме. Скрытничает. Но всё равно волнуюсь. Не столько Дима ещё не пропадал.

— А на сколько пропадал? — спросила, прогоняя собственную тревогу. Самые страшные мысли уже подкрадывались к её: «У него всего лишь новая жизнь».

— На три-четыре месяца максимум. Когда случилась авария... после восстановления... физического... пропал на полгода. Но такое случилось лишь один раз. Так что...

— Поводы для волнения есть, — закончила Александра.

— В Управлении его тоже пытаются найти. Я разговаривал с его начальством и даже в кабинет Димы попросился, чтобы... найти что-нибудь. Понимаешь, я думал, а вдруг брат оставил что-то для меня? Какой-то намёк на то, где его искать?

— И?

— И ничего. Всё обыскал. Потом увидел фамилию Власов. Хоть Рукавица меня и отстранил, я решил посмотреть документы. Дальше позвонил Владимиру Андреевичу, потом Ване. И тебе. А Дима... Я думаю, он прячется под фальшивым паспортом.

Александра то ли вздрогнула, то ли вздохнула. Сама не поняла. Неужели их разрыв был настолько серьёзным? Неужели Дима... трус? Но кого он боится? Её? Или в его жизни есть секреты, от которых теперь приходится прятаться вот так? Прибегая к фальшивым документам? Да что, в конце концов, произошло тогда, после их ссоры?

— Он точно жив, — уверенно заявил Гольцев, возвращая Александру в реальность. — У нас был договор. Если ему будет угрожать смертельная опасность, он найдёт способ сообщить.

— Не глупи. Это бывает невозможно.

— Не в случае с братом, — помотал головой Гольцев. — Он человек слово. В лепёшку разобьётся, но выполнит обещание.

Александра ощутила, как слёзы начинают жечь глаза.

— А если он... — произнесла и поняла, что дальше говорить не в силах.

Гольцев побледнел.

— Нет. Дима жуткий эгоист, но он слишком любит себя, чтобы лишиться жизни.

Оба едва не потонули в чувствах и страхах. Чтобы хоть как-то разрядиться, спешно вернулись к расследованию.

— Итак, что у нас есть, — выдохнула Александра, пряча тяжёлые эмоции. — Власовым интересовалось само Управление. Дочь Власова приревновала своего парня к жене Ареева и пригласила ту на вечер, чтобы поставить на место. Ангелина, Снежана и Виталина тоже были приглашены. Кем?

— Власовым. Он лично подбирал тех, кто мог удовлетворить потребности высшего общества.

— Всё это странно.

— Да. Мне тоже так показалось. Я думаю, кто-то из женщин связан с Власовым.

Александра задумалась. На ум приходила лишь одна кандидатура.

— Васильева, — произнесли одновременно. И детектив вновь подумала о схожести Андрея с Бризом.

— Необходимо подробнее заняться биографией Ангелины. Побеседовать с её матерью, посекретничать. Сможешь?

— Да, но Владимир Андреевич...

— Забудь, что Рукавица твой начальник, — перебила его детектив. — Сейчас ты работаешь с другим начальством. Это дело касается меня напрямую, ведь маньяк просил моего участия. Если будут проблемы с Рукавицей, я улажу. Твоя задача выведать все секреты Васильевой. А я пока займусь парнем Власовой. ВРАЧом может оказаться любой мужчина.

Поднялись из-за стола.

— Я включу телефон. Мало ли маме чего понадобится.

— Когда выйдешь.

Гольцев сощурился:

— Что-то не так? Ты о чём-то умалчиваешь?

— На телефоне может быть прослушка.

Андрей округлил глаза, начал молча жестикулировать.

— Я тебе верю, Андрей, — спешно пояснила Александра. — Но информация просочилась преступнику, и мы не знаем, кто её слил.

— Вы думаете, это я?

— Нет. Но телефон бы надо проверить. Ты ни при чём. Мог и не знать.

Гольцев молчал.

— Ладно. Давай за работу.

Глава 33

Власов говорил тяжело, то и дело подбираясь к стакану. Рукавице пришлось отодвинуть спиртное. Пьяный Власов ничего бы сообщить не смог, а Владимир Андреевич пришёл за информацией.

Факты из Лилиной биографии, преподнесённые сухо и сдержанно, что в состоянии бизнесмена было неудивительно, никак не раскрыли ни личность маньяка, ни его мотивы. Не пролили и капли света на преступления.

Георгий Николаевич рассказал о зависимости дочери от легких наркотиков — ими и объяснялось наличие густо засаженной фонарями дорожки, ведущей к дому. Власовой младшей нередко мерещились в темноте монстры. По её же собственным признаниям, к ней тянуть свои высохшие руки с длинными когтями они переставали только при наличии света. Стоило монстру попасть хотя бы в тонкую полоску подсвеченного экрана мобильного, и они растворялись, словно, в дымке. Словно, Лиле всё это лишь померещилось.

Парень дочери, Александр Александрович Бурин, не нравился Власову по двум личным причинам. Во-первых, молодой человек был младше Лили на пять лет, и в этом Георгий Николаевич видел лишь прозрачный ответ на свой невысказанный вопрос. Зачем Бурина Лилия? Ясно. Ради денег. В симпатию он категорически не верил, ведь Бурин ни единым словом, жестом и уж тем более действием не пытался изменить отношение к себе Власова. Во-вторых, Бурин был совершенно неперспективным специалистом. В бизнесе не шарил, а

по собственной профессии инженера стоял далеко не на высшей ступени. Парень ни к чему не стремился, не ловил звёзд и, казалось бы, даже не мечтал о них. Вёл абсолютно скучную жизнь, способную привлечь разве что такую же серость.

— Грубо же вы о дочери, — заметил Рукавица, выслушав последнюю реплику Георгия Николаевича.

— Я совершенно не понимаю, что моя дочь в нём нашла. Никак, дело в наркотиках. Иного объяснения я не вижу.

— А в любовь не верите?

— Не смешите.

— Бурина, вы, наверняка, проверяли, — не спросил, утвердил Рукавица.

— Он чист, гарантирую, — с лёгкой досадой ответил Власов. — Хотел бы засадить, лишь бы к Лильке не лез, но... — развёл руками и вновь потянулся к водке. — Дай, а, будь человеком? Хреново мне. У тебя есть дети?

— Есть.

— Тогда представь, что твоего ребёнка не стало. Хорошо тебе?

Рукавица отдал водку. Власов жадно глотнул спиртного и швырнул стакан в стену. Осколки бесшумно рассыпались по ковру.

— Я хочу переговорить с вашей супругой.

— Зачем? — поднял полный боли взгляд Власов.

— Возможно, у Лили были секреты, которые она доверяла только женщине.

— Нет. Я категорически против. У Лизы сердце слабое. Нет. И о дочери я сообщу сам. Всего доброго.

— Последнее. Я вам сейчас назову фамилии, а вы скажите, знакомы ли они вам.

Бизнесмен вяло махнул рукой.

После оглашённого списка оказалось, что Власов знал всех трёх рукодельниц. И Ареева. Вернее, его жену.

Селивёрстова встретила с Александром Александровичем Буриным на его квартире. Парень убитой Власовой отдыхал после вечеринки. К сожалению, полезной информации он не сообщил. Да, у Лили имелись проблемы с наркотиками, да он хотел внедриться в её семью. Да, любил он её несильно.

— Зачем же вы её обманывали? — скрывая отвращение, спросила детектив.

— Богатая и глупая. Верила в любовь. А мне... мне же тоже хотелось нормально пожить. Не копейки считать, а вот так, как она. С деньгами и ни о чём не задумываться.

— А попробовать зарабатывать сами не пытались? — негатив всё же прорывался сквозь интонации. — Или сложности не по плечу? Вам бы чего попроще и побыстрее?

— А вы-то сами, — нагло уставился Бурин на Селивёрстову, — отказались от денег, если бы знали, что нужна самая малость — чуть-чуть поиграть в любовь?

У Александры от возмущения растерялись все слова. Она вскочила и, бросив, гневный взгляд на неприятного ей типа, произнесла:

— Если бы вы хоть раз поинтересовались чувствами Власовой, возможно, сейчас она была бы жива. А так, радуйтесь, играть в любовь больше нет надобности. Лиля сгниёт под землёй. Её труп будут обглаживать черви. Но вам, конечно, на это наплевать.

Бурин побледнел. Детектив резко развернулась и покинула квартиру, не дав ему опомниться.

Кошка смотрела по сторонам.

— Иди, — мягко сказал Иван.

Кошка нехотя прыгнула с рук, заглянула в гостиную. Её привлёк шум телевизора: передавали рекламу любимого корма Purina. Облизнулась, мякнула.

— Ты хочешь е-е-есть, — догадался Резников, на ходу стягивая куртку, и, бросая на кресло. На диване сидел безразличный отец. На появление питомца никак не отреагировал.

Через минуту в комнате появилась пластмассовая миска. Мама Вани обычно замешивала в ней тесто. Высокая и широкая посуда была неудобной для кошки, но ничего другого в доме не нашлось. Резников налил молока до краёв. Извинился:

— Прости, девочка. Колбаски нет. Попей молоко. Я сейчас сбегаю за кормом. Пап, проследишь?

— Чтобы она не подрала обои? — во взгляде и голосе появились хоть какие-то отголоски эмоций.

— Чёрт с ним с обоями. Чтобы она не грустила.

Какое-то время отец смотрел на сына. Молчал. Затем кивнул.

Резников вновь оделся, натягивая шапку, обернулся. Отец гладил кошку, а та мурчала, отодвигая лапкой миску подальше.

«В нашем доме появилась привереда», — улыбнулся мыслям Иван и захлопнул дверь.

По возвращении он застал прелестную картину. Увиденное остановило на пороге кухни. Отец держал кошку на руках и рассказывал:

— Без неё жизнь потеряла смысл. Ты, наверно, понимаешь. Раз Ванька тебя принёс, значит, больше тебя отдать некому. Печально... Чувствуешь печаль? Не отвечай. По глазам вижу. А моя жизнь, пусть, и не состоит из одной печали, но её присутствие я ощущаю постоянно. Тяжело так... существовать. Без любви. Мурка... Ты, конечно, не Мурка. Имя должно подходить человеку. И кошке тоже. Моя любимая женщина всегда это говорила. Она и Ваньке, сыну нашему, имя подбирала. Думаешь, мы назвали его сразу? Нет.

Ваня слышал горький смех.

— И даже не в родильном. Нас выписывали без имени, а уже потом дома, присматриваясь к сыну, моя любимая, глядя на его простенькое личико, взяла да заявила: «Он будет Ванечкой. Как в сказке». Я был против. У Вань обычно судьба так себе. Неплохая, но и непростая. Но моя любимая настояла, а через какое-то время я и сам понял, что это самое правильное имя. Наш Ванька он же... настоящий Ванька.

И снова смех. Тёплый. У Ивана защипало глаза. Как давно он не слышал этого смеха.

— Я назову тебя Герцогиней, но мы, конечно, посоветуемся с Ваней. А за миску я не сержусь. Так бы она лежала без дела. Кто в ней теперь бы стал тесто месить? Я не умею, — усмехнулся. — Ванька тоже. — А так пригодилась. Зря ты молочко не стала пить. Капризничаешь? Но я тебя, Герцогиня, понимаю. Чужой дом, чужие люди. Потеря любимых хозяев. Ты кого потеряла? Не смотри на меня так. Прости. Не будем. Хочешь на батарее посидеть? Там тепло.

Прозвучало утвердительное мяу. Резников готов был поспорить, что пушистая гостья понимала своего нового хозяина.

— Ну... давай, Герцогиня, перебирайся, а я свой телефон найду и Ване позвоню. Пусть ещё лоток захватит. Согласна?

— Уже, — улыбкой выдал себя Иван. — Купил. Пару игрушек захватил, когтеточку.

— Хорошо, что рядом с домом магазин для питомцев.

— Да, пап, — Иван прошёл на кухню, поставил на пол пакет с кормом, выгрузил на стол сладкое к чаю. Тут пряники с мятой.

— Как мама любила, — вздохнул отец.

— Да. Как мама...

Ели в тишине, бросая лишь взгляды друг на друга. В отцовских глазах Ваня читал благодарность. Кошка тоже посматривала на своих новых хозяев, решая, кто же из них главнее. Вопрос оказался непростым. В её прежней жизни всё было проще. Там её и любила только молодая хозяйка. А здесь... Кошка почувствовала что-то вроде счастья и тут же испытала стыд. В маленьком сердечке ещё был жив родной человеческий образ, и музыкой звучало собственное имя.

Мальдива...

Глава 34

Гольцев сидел дома, ел борщ. Мама поставила суп, выдала приборы и пошла отдыхать, а заодно посмотреть очередной выпуск новостей. Любила она знать, что творится в мире, а он не любил — ему хватало увиденного и услышанного на работе. Сестра ещё была в больнице. Её смена заканчивалась утром, когда Андрей выходил из дома.

Он долго елозил по тарелке ложкой, смотрел на мобильник, раздумывая над словами детектива. Прослушка? В это сложно было поверить, но, учитывая все события...

В голове калейдоскопом завертелись последние дни.

Работа, работа. Владимир Андреевич ещё не отстранил его от дела, и Андрей искал ниточки в деле маньяка по просьбе начальства и по собственной инициативе. На всякий случай, он встретился с отцом Юрия, Кравцом Леонидом Юрьевичем, не стал придумывать предлога и сказал правду. Леонид от разговора не отказался, только ничего полезного сообщить не смог. О страданиях сына знал, не приветствовал, но и в дела не вмешивался. Считал, взрослый мальчик уже должен сам набивать шишки и сам их лечить. Убийство Ангелины не повергло его в шок. Сказал, что такие, как Васильева, живут играючи и за это жестоко расплачиваются.

Алиби на момент преступления у Леонида Юрьевича было: всю неделю он отсутствовал в городе. Подтвердить могли партнёры по бизнесу и звонки на телефон сына. Проверенные.

Гольцев возвращался домой. Чувство, что Васильева не последняя жертва нечётким силуэтом теснилось в сознании. Да и разве могла ошибаться детектив Селивёрстова? Нет. В её интуицию он верил также сильно, как и Резников. С Иваном они всё чаще созванивались, болтали на чисто мужские темы. Говорили и о Селивёрстовой, но больше по делу: нынешнему и прошлым.

Резникову явно нравилось говорить о детективе, а Гольцеву слушать. Он признавался лишь сестре, и то в шутливой форме, но он восхищался Селивёрстовой. Не столько её умениями, широкими познаниями и стремлением докопаться до правды, несмотря на препятствия и серьёзный риск, сколько способностью держаться гордо, не взирая на тонны слухов и такое же количество враждебных взглядов.

Уважали Селивёрстову единицы, любили и того меньше. И тем не менее, она держалась. Она была сильной.

Он доставал ключи, раздумывая над тем, кем может стать следующая жертва. Рисовал в памяти улики и лицо Васильевой. К нему подошёл мужчина, стал терпеливо ждать, пока откроется подъездная дверь. В подъезд вошли вместе, сели в лифт. Вышли на одном этаже.

Андрей направился к своей квартире, мужчина начал рыться в карманах, замерев посреди площадки.

Мать и сестра всегда воспитывали Андрея вежливым. Объясняли, как важно помогать людям, как важно не оставаться равнодушным. Поэтому, он, не задумываясь, согласился помочь, стоило мужчине поднять голову и виновато объяснить, что забыл ключи от дома, попросить телефон, чтобы позвонить отцу. Мобильный тоже забыл, видимо, там же, где и ключи. А позвонить в квартиру не может — маму разбудит, а она болеет, ей сон нужен.

Андрей не стал вдаваться в детали, вникать, что за незнакомый сосед, махнул рукой, мол это не его дело. К тому же мама — это святое. В общем, протянул мобильный.

Всё та же вежливость не позволила вслушиваться в разговор. До Гольцева долетали слова: «Подожду, встречу, не холодно». Мужчина поблагодарил Андрея и вернулся к лифту. Гольцев зашёл в квартиру и сразу забыл о малозначимом событии.

Но это тогда ему казалось произошедшее пустяком. Даже не событием, а так, фрагментом, не требующим запоминания. Теперь же встреча с незнакомцем приобретала совсем иной характер. Теперь она не казалась случайной.

— Либо я становлюсь параноиком, — рассуждал он, всё также елозя по тарелке, — либо телефон слишком нагревается. Саша права, и я лопухнулся?

Верить не хотелось, но горячий корпус и торможение мобильного, изначально списанное на частое использование инетом, говорило само за себя. А, если и не говорило, то намекало на то, чтобы догадку проверить.

Гольцев отодвинул так и не съеденный борщ и направился в гостиную. Поднял трубку домашнего телефона. Мама заботливо убавила громкость. Андрей, не вдаваясь в детали, сообщил одному из бывших коллег брата о перегреве телефона, сделав удар на слове «перегрев».

Через пять минут Андрей уже покидал квартиру.

— Ты куда? Узнал, что-то про Диму?

— Нет. Он всё ещё командировке. Всё нормально. Очень занят, поэтому не звонит нам. Не волнуйся. Я скоро буду.

Мама словам Андрея не поверила, вытерла побежавшие слёзы, накапала валерьянки и легла на диван. По телевизору показывали очередного террориста — не славянской внешности и ни капли не похожего на Диму. Но материнское сердце всё равно заболело. Душа тревожилась.

Опасения подтвердились. Телефон прослушивался. О Диме никаких новостей. Исчез.

Гольцев заглянул к соседям по площадке под разными предлогами, пытаясь узнать, где кто болел в последние дни, у кого есть сын примерно его возраста.

У двух соседок дети оказались в младшей школе, в наличии других кровинушек обе сомневались. Одна из них, затаённо сверкнув глазками, предложила выпить чая. Совсем немолодой женщине хотелось посплетничать. Андрею пришлось разочаровать её отказом. У третьей болела мать, но детей в их доме никогда не было. Не было у соседки и братьев.

Андрей вернулся домой, укрыл уснувшую мать одеялом, выключил телевизор и сел за борщ. Поел, чтобы не огорчать маму, оставил записку на столе возле дивана, рядом с баночкой валерьянки:

«Борщ обалденный. Ты мой любимый повар».

А затем взял «очищенный» мобильный и позвонил Александре.

Глава 35

Листы множились, стопки росли. Слова превращались в символы, а имена окрашивались то одним, то другим оттенком. Обычно Александра выбирала цвета, основываясь на половой принадлежности указанного человека, но сейчас каждый нюанс палитры был шагом к разгадке. Пока ещё неуловимой неясной разгадке, но, однозначно, скрытой под ворохом информации.

Разобраться в водовороте событий и множества совпадений помогали как всегда любимая космическая кружка, наполненная ароматным чаем, и пачка с курабье. Последняя вот-вот должна была смениться упаковкой эклеров. Детектив ждала Гольцева, а тот пообещал завезти сладкое к чаю. Что именно покупать она сказала ему сама. И сейчас, закопавшись в бумагах, очень надеялась, что пирожные помогут собрать мысли воедино, потому что пока они разбегались, путались, кружились в странном танце и никак не желали связывать вместе ниточки дела о ВРАЧЕ.

Спасительный звонок домофона, грустная улыбка. Александра хотела бы работать с Бризом, но друг встретил её предложение невнятным «я сейчас не могу, прости». Гольцев же позвонил сам, сам же намекнул на встречу. Она обрадовалась.

— Привет. Взял разных, потому что с клубникой не было, — Андрей прошёл на кухню, поставил коробку на стол.

Александра взяла ножницы, разрежала ленту. Под крышкой прятались эклеры, точь-в-точь такие же, как ей когда-то привозил Дима. Отличались лишь упаковки.

Сердце тревожно сжалось. Лавина воспоминаний едва не снесла со скалы, на которой, несмотря на скользкую поверхность, всё ещё стояла детектив.

«Нельзя о нём думать. Не сейчас. — Отбрасывала она прочь кусочки той, счастливой жизни. — Уходи. Прочь!»

Тряхнула головой. Застыла в нерешительности.

«Я взял каждого вида по одному. Красный...» — сказал Дима.

«Малиновый».

«Красный, — упрямо повторил Соколов, — с клубничным джемом. Оранжевый с апельсиновым кремом. Белый с ванилью, коричневый с «Нутеллой».

«Я буду первый».

На этот раз эклера было три. Без клубничного. Александра потянулась к среднему, с ванилью.

— Ты не сказала, важно ли тебе, где брать пирожные, поэтому я поехал в любимую пекарню брата. Там лучшая выпечка, так что должно быть очень вкусно.

Гольцев улыбался широко и искренне, а Селивёрстова боролась с болью, лживо радуясь угощению. Как же не вовремя он вспомнил о пекарне. Как же она надеялась, что это лишь дурацкое совпадение.

Эклер лёг обратно в коробку.

— Не хочешь? Или ты из-за Димы? Прости. Я не подумал. Сейчас сбегая за чем-ни...

Остановила его движением руки.

— Я уже наелась печеньем.

— Честно?

Александра кивнула.

Он не поверил, но лезть в душу не стал.

— Я тоже на самом деле сыт. Давай к делу, — и снова улыбка. — Пирожные... в холодильник?

— На нижнюю полку. Когда соберёшься домой, заберёшь.

— Ладно. Мама обрадуется. Она любит сладкое. Хотя, какая женщина не любит? Сестра тоже обожает. Особенно всё шоколадное.

— Не доверяю людям, которые не любят сладости.

— Шутишь?

— Нисколько. Семьдесят процентов мужей или жён, ворочающих нос от шоколада, да, Андрей, и такие женщины встречаются, с удовольствием врут своим партнёрам годами, десятилетиями. И не только в мелочах, но и в чувствах.

Гольцев смотрел на детектива с недоверием. Об особенном процентном соотношении разных факторов он был наслышан. В статистику особо не верил в принципе, а какие бы то ни было параллели перестал проводить ещё в тринадцать лет, когда узнал, что его замечательная сестрёнка фанатеет от группы «Король и Шут». По его мнению, группы мрачной и даже депрессивной, мало подходящей такой милой и тонкой девушке.

Гольцев бросил взгляд на серьёзную Александру и, не желая спорить, перевёл тему. — Ого! Сколько записей! — Кивнул на стопки листов. — Удалось найти что-то новое?

— Нескончаемые вопросы.

— С правильного вопроса начинается ответ.

Селивёрстова взглянула на него с интересом.

— Не моя мысль. Брат как-то обронил. А я запомнил.

— Хорошая мысль.

— А что обозначают треугольники? — Андрей взял верхушку, повертел в руках. — Один большой плюс тринадцать маленьких. Какая-то формула?

— Нет. Разложила участников дела.

Гольцев изумлённо приподнял брови.

Александра взяла у него лист и начала разъяснение.

— Всё просто. Большой фиолетовый треугольник — это Снежана Римская. Она тем или иным образом взаимодействует с остальными героями. Возьмём...

— Ты, словно, историю рассказываешь, — позволил себе ухмылку Гольцев.

— Не перебивай. В некотором роде каждое расследование — это книга. В данном случае, уверена, сюжет распланированный и чётко выстроенный. Мы идём по страницам, довольно медленно, к сожалению, преследуя с убийцей одну и ту же цель — дойти до финала. Для нас — это разгадка его основного замысла, и, как следствие, поимка. Для него некая высшая идея, по-прежнему нам непонятная.

— Ясно. Но почему нельзя просто расписать по именам? К чему усложнять?

— К тому, что мне не удаётся найти взаимосвязь между действующими лицами. Я не понимаю, чего хочет ВРАЧ, и кто его следующая жертва. А она будет, не сомневайся.

— Значит, все эти треугольники нужны, чтобы взглянуть на дело иначе?

— Ты догадливый, — подбодрила кивком Александра. — Мне это нравится. Не придётся разжёвывать по сто раз.

«Возможно, я нашла нового помощника», — произнесла уже мысленно и сразу подумала о Бризе.

Его ей всё равно не хватало.

Гольцев вытащил из кармана рубашки маленький икеевский карандаш. — Можно? — Потянулся за чистым листом.

Александра кивнула. Парочка лежала на подоконнике. На всякий случай и для такой вот внезапной своей или чужой идеи. Последняя мигом приняла форму на бумаге.

— Художник я ужасный, — признался Андрей, — но неплохо владею цифрами. Предлагаю каждому... герою... дать своё число.

— Любопытно. Цифры я почти не использую.

— Это скорее лично моя теория, чем что-то действительно стоящее, но раз тебе нужен необычный подход, почему бы не попробовать.

Александра ждала продолжения.

Гольцев говорил воодушевлённо:

— Всю нашу жизнь, все действия можно разложить на числа, взяв за основу единицу. «1» — это ты. Задать конечное число — фаталь.

— Фаталь? — рассмеялась детектив.

Андрей смутился:

— Я в детстве так назвал эту конечную цифру, на которой заканчивается мой личный счёт. Вернее, назвала сестра, это она любительница всяких таких... названий. Она, вообще, любительница выдумывать или скорее коверкать слова.

— И так часто мелькает в наших разговорах, что пора бы уже с ней и познакомиться.

Гольцев покраснел, затараторил:

— Она очень занята, сильно устаёт и очень стеснительная. Она наслышана о вас, прости, что это я... Она наслышана о тебе и хочет познакомиться, но ей духу не хватит.

— Я в её глазах монстр? — усмехнулась Александра.

— Вы, ты в её глазах идеал, после нашей мамы, конечно. Она знает твои расследования. Она... следит за твоими успехами. Она немножко фанатеет. — Андрей окончательно впал в краску и опустил глаза.

Селивёрстова, не привыкшая к подобным признаниям, смутилась. Когда-то, ещё в детстве и долгие годы после, она мечтала, что кто-нибудь станет ею восхищаться, а сама она станет живой легендой. Но, по правде говоря, этот кто-то был конкретным человеком, точнее, людьми. И это были её родители. Для них она хотела стать легендой, особенной. Их восторг желала ощущать во взгляде, в словах и действиях. Но этого не случилось.

Столь сильная заинтересованность со стороны незнакомой девушки казалась странной и ничуть не радовала. Скорее, настораживала. Александра так и не стала самым крутым следователем или детективом, хотя, славой всё же обзавелась. Сомнительной. Так, откуда же взялась поклонница?

— Прости, ты сейчас не так подумаешь о сестре, — всполошился Андрей. — Она не безумная какая-нибудь. Ты для неё — современный пример Шерлока Холмса или парня из «Элементарно». Она вас ставит на одну ступень из-за любви к делу. Она ведь тоже обожает свою работу. Живёт ею. И поэтому ты ей близка. К тому же ты реальный человек, а не персонаж, она тебя уважает. А ещё ей нравятся твои взаимоотношения с цветом.

— А? — теперь детектив удивилась.

Гольцев не смел поднять глаз.

— Мы часто болтаем, и я ей рассказывал о тебе то, что слышал и то, что...

— Что?

— Что рассказывал Резников, — Андрей выдохнул. Сжал пальцы в замок.

Александра не знала, то ли радоваться, то ли злиться. По всему выходило, что Бризу она была до сих пор небезразлична, несмотря на его скрытность и даже некую отчуждённость. Но разве их встречи, беседы, обсуждения — не личное? Разве она не была с ним откровенна? И тут же поймала саму себя на вранье. Была откровенна, но далеко не всегда. А что он рассказывал о ней другим? Чем делился?

Захотелось срочно сменить сиреневые на серые носки, а лучше графитовые.

— Саш, — Андрей всё-таки поднял глаза, — Ваня ничего такого не рассказывал. Только о специфике вашей работы. Ты — главная, а он на подхвате. Ты раскрываешь дело, а он помогает по возможности. Ты учишь, он учится. Знаешь, он говорил, ты хороший учитель.

Селивёрстова вздохнула. Роль учителя — совсем не то, с чем можно поздравить.

— Саш. Ты на него сердишься? На сестру сердишься?

— На себя сержусь.

Гольцев захлопал ресницами, и Александра вновь подумала, как же сильно он похож на большого ребёнка. Как до боли напоминает Диму.

— На себя, Андрей. У нас труп не за горами, а мы болтаем. Так не работают специалисты, запомни.

— Запомню. Так ты... в норме?

— Я всегда в норме. Это тоже запомни.

— Ладно.

— Наивный.

— Почему?

— Потому, что веришь всему, что тебе говорят.

— Так ты злишься?

— Ты купился на незнакомого соседа. Из-за этого я злюсь. А мужские сплетни меня не волнуют. И интерес твоей сестры тоже. Но познакомиться с ней стоит.

— Не понимаю.

— Она много обо мне знает, и ВРАЧ, похоже, тоже.

Андрей побледнел:

— Не-е-т, Машка никак не может быть связана с маньяком. Это полный бред.

— Наконец-то познакомились. Маша, значит.

— Подожди, — вскочил Гольцев. — Ты же сейчас не серьёзно? Причём здесь моя сестра?

— Притом, что я проверяю всех, Андрей. И если Маше нечего скрывать, она обрадуется встрече, не так ли?

Неуверенно кивнул.

— Можешь прямо сейчас написать ей.

— Сейчас?

— Проблема?

— Нет. Конечно, нет. Я... я ей напишу прямо при тебе. Машка, она хорошая. Ты ошибаешься. Ты...

— Разочаровываю? — подсказала детектив. — Раздражаю подозрениями? Несу чушь?

Андрей не стал отвечать. Молча вытащил мобильный и набрал сестру.

Гольцев не сомневался в Маше.

Александра смотрела на Андрея и ловила себя на том, что сравнивает его с Димой.

И она злилась. Очень сильно злилась.

Она хотела бы сидеть рядом с Димой, обсуждать, спорить. Хотела бы любоваться им, а не его сводным братом.

— Маша не берёт. Но она сразу перезвонит или напишет, когда освободится. Зря ты о ней плохо. — Андрей отложил телефон.

— Ладно. Ждём. Вернёмся к работе? Или ты поедешь домой?

— А ты думаешь, я брошу дело из-за твоих подозрений?

— Я тебя не обидела?

Она видела, что обидела, но в его упрямстве и попытке быть сильнее, чем он есть, вновь улавливала схожесть с Димой. Чёртов Соколов... Он бы сейчас сказал гадость или раздул скандал, или сжал в объятьях до тошноты.

Она скучала.

— Мне неприятны твои выводы о сестре, — честно признался Гольцев. — Но ты скоро изменишь своё мнение. А маньяк не ждёт. Пробуем числа?

Андрей явно был не из робкого десятка, и ей это нравилось в людях, и в мужчинах, особенно. Это же ей нравилось в Диме.

Братья...

— Давай числа. Но сестре тоже достанется роль. Согласен?

— Хоть меня вписывай, — махнул рукой. — Мы оба ни причём.

Глава 36

Рукавица настоял на встрече с матерью Лилии, но не выяснил ничего стоящего. Та же информация, то же восприятие трагедии. Только, если Власов топил горе в стакане, его жена давила отчаяние сигаретами. Окурки за окурком. И ни единой слезы. Лишь дрожащие пальцы с идеальным маникюром — на ногти его Лиза приучила обращать внимание, а также тихий голос и потухший взгляд.

Сильная женщина держалась до последнего.

Но когда Рукавица упомянул Александра Бурина, её самообладание взорвалось тысячей матных слов, так не идущих женщине с холёной внешностью и сотнями тысяч долларов на банковском счёту.

— Это он виноват! Он её испортил! Он лишил жизни, света, ума! Она же ничего не видела рядом с ним! Совершенно ничего! Он на неё смотрел, как на расходный материал, а она... — Очередная затяжка. Долгая утомительная.

Рукавица вздохнул, придвинул кресло поближе. Коснулся руки, державшей сигарету. Этому трюку его тоже научила Лиза. Проявить понимание. Показать участие.

Холодная кожа.

Власова вздрогнула, отняла руку.

— Я не нуждаюсь в сочувствии, — солгала, поднимаясь из-за стола. Подошла к шкафу. Они находились в кабинете, в её загородном доме, расположенном в посёлке поскромнее и не с такой дурной славой.

Владимир Андреевич смотрел на Лизаветту Евгеньевну и ловил себя на мысли, что она ни капли не похожа на его Лизу. И тем не менее, женщину хотелось обнять. Утешить. Сбить маску сильной личности.

Увидеть мать, не скрывавшую горе.

Но он так её и не увидел.

Несколько минут жена Власова стояла у шкафа. Перебирала книги, переставляла. Какие-то отложила прямо на пол. Наклонилась, пошатнулась, выдавая трагедию. Мигом

взяла себя в руки, взяла ещё один том.

— Это Лиличкины книги, фэнтези, — произнесла, отвечая на незаданный вопрос. Не оборачиваясь. Натянутая, как струна. — Раздам их её подругам. Пусть, у них останется хоть что-то на память. Надеюсь, не выбросят. Они перестали общаться, как только Лиля встретила Бурина. Чтоб его разнесло на куски... Мразь.

Рукавица понял, что больше ему здесь нечего делать и тоже поднялся. Шагнул к двери.

— Подождите, — остановила жестом руки, не глядя. — Для вас у меня тоже кое-что есть. — Власова вытащила тонкую тетрадь. — Возьмите и уходите, пожалуйста. У меня скоро встреча.

— Могу узнать с кем? — взглянул на обложку с наклеенным мультяшным котёнком.

— С любовником. Вы же знаете, у нас с Георгием давно нет чувств. У него есть Лиза. Помощница. У меня Анатолий. Помощник.

— А здесь что?

— Лилин дневник. Надеюсь, она простит, что я взяла его без разрешения. Возможно, дневник поможет найти убийцу. А если нет, то его найдём мы.

— Это не лучший вариант.

— Всего доброго.

— Позвольте последний вопрос. Как давно вы с Анатолием?

— Два года. И не вздумайте меня осуждать. Георгий завёл другую гораздо раньше. Лилечке тогда едва исполнилось пятнадцать. Больше никаких вопросов. Уходите. — Власова принялась поправлять идеальный пучок платиновых волос.

Рукавица покинул кабинет.

К чтению приступил сразу, едва оказался в машине. За окнами валил густой снег, норовя сделать путь домой по-плохому незабываемым, а Владимир Андреевич медленно перелистывал страницы, всматривался в текст, изучал рисунки.

Ужасался.

На восемнадцати листах в клетку излагались все страхи, опасения, надежды Лили. Её тонкий мелкий почерк заполнял почти всё пространство, оставляя совсем немного места для картинок внизу страницы.

Сломанные человеческие фигуры, и человеческие ли, смотрели лицами без ртов. Смотрели провалами совершенно чёрных глаз. Фигуры были везде одинаковые. Менялись лишь позы: кто-то стоял, кто-то лежал, смотрел, шёл. Но каждая тянула скрюченные безобразные руки с торчащими костями в сторону одного и того же изображения — рыбы, повторяющейся картинке. Единственной большой, единственной, которую обтекал текст.

Некоторые слова рыба как будто выплёвывала: «детство», «соседка», «страх». Они же шли последней записью, а дальше последний лист. Чистый.

Зазвонил телефон. Это был судмедэксперт Павел.

— Владимир Андреевич, кое-что есть. Вскрытие показало яд.

— Какой? — закрыл тетрадь Рукавица.

— Цианид.

— Даже так? — потёр подбородок. — Очень интересно.

— Больше ничего. Смерть наступила из-за отравления. Яд был добавлен в вино.

— Спасибо, Паша, — Рукавица отключил вызов и начал спешно перелистывать страницы. Цианид встречался на одной из них. Совпадение? Он не верил в такие совпадения. С заметным волнением прочёл:

— Она сказала, я могу умереть от цианида. Мы были под кайфом. Мне и сейчас хорошо. Рукавица долго смотрел в совершенно белую даль. А затем набрал Селивёрстову.

Глава 37

Не сразу, но отвлечься от эмоций удалось. Приступили к работе. Действовали по схеме Гольцева. Числом «1» стала Снежана Римская, но по мере дальнейшего «цифрования» она получила всё же другой номер, а первой стала Ангелина Васильева. И это было правильно, ведь история маньяка, по сути, началась с неё. Только тогда они ещё не знали, что это маньяк. Но это никак не меняло сути. Ангелина была первой страницей в книге убийцы.

Дальше следовала Виталина Чурина — номер «2». Она нашла Васильеву. Номером «3» стал Марк Ареев — первый подозреваемый. Номером «4» Снежана Римская, подруга жертвы и его сожительница. Михаил Розгин, бывший муж Римской, тиран и бывший заключённый получил номер «5». Номером «6» стала Лилия Власова — неожиданная жертва. Бурин — парень Власовой, охотник за деньгами номером «7». Цифра «8» досталась Маргарите, жене Ареева. Некий Андре, писавший на сайте рукоделия всем трём женщинам, стал номером «9». Андрей из полиции, друг Виталины получил номер «10». Неизвестная, оказавшая помощь Розгину в тюрьме, была уже «11»-ой. Лжесосед Гольцева — «12»-ым. Маша Гольцева — «13»-ой. ВРАЧ — «14»-ым. Последнее число «15» осталось с прочерком и жирным знаком вопроса.

Непродолжительные раздумья привели Гольцева к мысли, что чисел может стать намного больше, на что Селивёрстова заявила: их задача не допустить этого самого разрастания. И для этого она готова была принести обоим по кружке чая и опустошить все запасы сладкого. К эклерам по-прежнему не притрагивалась, и Гольцев испытывал явное чувство вины.

— Тебе некомфортно, — заметила детектив, проводя параллели между цифрами. Ангелина, номер «1» встречалась сразу с семью числами: подругами, «2», «4», мужчиной Снежаны — «3», Розгиным — «5», Власовой — «6» и «9» — Андре с сайта. Получилась какая-то нелепая снежинка.

— Тебе интуиция подсказала насчёт моего волнения? — уточнил Андрей, проводя линии от первого подозреваемого, Ареева.

— Ты трясёшь коленом и всё время на меня посматриваешь. Думал, из-за длинных волос не вижу? Многие так считают. Но они ширма лишь для вас, не для меня. — Сказала и сама удивилась тому, как легко в этом призналась. Даже с Бризом не была столь откровенна, пряталась за холодностью, сосредоточенностью.

Профессионализмом, граничащим с занудством. Сама понимала.

О Диме и говорить не стоило. С ним её самообладание терпело полный крах, от чего скрытность лишь расширялась, усугубляя и без того непростое восприятие её, как женщины.

Как ЕГО женщины.

И вспомнились ссоры, ласки, нежность и придирки, холод в глазах и пламя в душе.

Нет, размышлять о нём, о них, о своих ошибках она не могла даже сейчас. С его братом оказалось намного проще. Может, в силу его возраста? Хотя, шесть лет не разница. Скорее, в силу его наивности и простоты.

Гольцев, буквально, затягивал в эту свою простоту. С ним было легко и свободно.

Александра давно подобного не ощущала.

Дима... Почему у них всё было так сложно? Почему они друг друга не понимали?

— ... согласна?

Оказывается, она выпала из реальности.

— Что?

— Говорю, ты наблюдательна, как и говорил Резников. И ещё, что даже с числами совершенно неясно, как они все связаны с ВРАЧОМ. Как он выбирает жертв? Ты согласна?

— Да, — вновь сосредоточилась на деле. — И думаю, пора внести ещё пару чисел. На пустое число «15» пишем мать Виталины, на «16»-ое человека в чёрных ботинках, «17» становится пустышкой.

— И что это нам даёт? — нахмурился Гольцев.

— Пока ничего. Но, исходя из опыта, предположу, что связь между жертвами может крыться где-то в прошлом. Банально, знаю. Но жизнь, вообще, банальна. Не находишь?

— Банально и по этой причине ответ ты можешь поискать в собственной памяти.

— Андрей, меня довольно часто не понимают, но сейчас я не понимаю тебя.

Гольцев взял чистый лист и вписал всего два имени: Ангелины и самой Селивёрстовой.

— Случайность или нет в том, что первая жертва с тобой знакома?

— Кто-то со мной играет? Да, обыграть маньяка с изопрёрненным интеллектом моя давняя мечта, но даже, если ВРАЧ изначально бросил вызов мне, то при чём здесь Власова? Усложнить?

Он задумался.

— Сбить с толка.

Александра взяла в руки свои записи, внимательно изучила выбранные цвета, оттенки и ответила, рассматривая грязно-болотный треугольник:

— А меня волнует Андре, любитель вязания. Посуди сам. Он знал Снежану, Виталину Ангелину. Его зовут Андре, а знакомого Чуриной из полиции Андрей. Снежана говорила, что Виталина не называла Андрея Андре, но это не снимает моих подозрений. Не может ли это быть один и тот же человек? И тот же лжесосед, к примеру?

— Версия.

Рингтон ворвался в размышления, и детектив взглянула на экран. Включила громкую связь.

Владимир Андреевич сообщил результаты вскрытия, рассказал о дневнике Лилии и прочёл всего одну запись. Ту самую, где некто пророчил смерть от цианида. Александра поведала ему свои мысли.

Прощались на том, что человек Рукавицы вплотную займётся сайтом рукоделия и выяснит всё об Андре, тогда, как Селивёрстова должна была проанализировать дневник.

— Я не почерковед, — напомнила она Рукавице. — Поручите это специалисту.

— Кирилл Андреевич займётся оригиналом. Селивёрстова, не принимай меня за кретина. А тебе я вышлю копии. Посмотри своим взглядом.

— Намеряете на мою интуицию?

— Одна голова — хорошо, а дальше сама знаешь. Первые страницы я уже отослал. Остальные, когда вырuchu из чёртовой пробки. Всё, отбой. Мне в зад чуть не въехал пикап. Ненавижу метель. — С этим он отключился.

Глава 38

Убийце совершенно не нравилось происходящее — пропала информация из первых рук. Слежку за тупым Гольцевым сняли, а, значит, пора было внедряться в саму систему. Без

посредников. Лично.

Риск? Ещё какой. Но страшнее было оказаться пойманным до того, как блондинка получит сполна.

Декорации почти готовы, звукоизоляция поставлена. Сама блондинка ни о чём не подозревала.

Отвезти её в нужное место не составляло труда уже сейчас, но убийце не хотелось торопиться. Почему? Понимания не было. Всё чаще красивое лицо вставало перед глазами, всё чаще в сердце пробуждалось что-то неправильное, когда в фантазиях ОНА умирала. В страхе, одиночестве.

Удивленье.

Возможно, просыпалась совесть, возможно, иные чувства. Рассуждения на этот счёт убийцей прогонялись и, буквально, силой притягивались обратно воспоминания из детства, юности.

И тот холодный зимний день, положивший начало этой истории.

История. Именно это слово всё чаще проявлялось на задворках сознания. И голос убийцы, другой голос убеждал остановиться, оставить прошлое в прошлом, а чужие ошибки чужим сердцам.

Возвращение в квартиру принесло раздражение, апатию, усталость. Звонивший человек по-прежнему высвечивался на экране. Минуту назад он сообщил свежие новости и вновь захотел встретиться. Соглашался на любое время, любой день... И тем самым выводил из себя.

Линзы утонули в мусорном ведре, — они как-то забылись. Остальное в мусорке у дома.

Ноги сами понесли в комнату. Телефон, поставленный на беззвучный режим, спрятался за нерабочим монитором, купленным, когда план ещё не был оформлен до конца. До знакомства с надоевшим помощником.

Монитор был хламом.

Телефон тоже. Покупался самый дешёвый. Функции две: звонить и отсылать СМС. Для картинок в Сети имелся тот самый помощник.

Тот, кто одурел до чёртиков.

Горячая батарея, холодные пальцы. Нервы.

Взгляд в окно на проклятый снег. Как назло метель.

Убийце было противно даже смотреть на белое вокруг, не то, что жить этим днём, хотя начиналось всё довольно неплохо. Но сообщение помощника уничтожило крупницы радости. Рассеяло ощущение удачной игры. Ещё и это чувство в груди. Ужасное чувство. Ненависть теплее и легче.

Осознание, как всё исправить, пришло мгновенно, стоило метели лишь чуть-чуть утихнуть. Спасти от ощущения краха всего того, что планировалось на протяжении долгих лет, мог лишь один человек. Выдуманный. ВРАЧ.

Выбрать следующую жертву было просто: они все были здесь, в голове. Оставалось только определиться с очерёдностью. Память подбрасывала дрова в печь ненависти, перебирая фрагменты детства.

Наконец, выбор был сделан.

В убийце почти не осталось сомнений: с новой жертвой затихнет и непривычное чувство. Всё вернется к тому, с чего началось.

К жажде мщения.

Снежана приучила себя спать чутко — жизнь с НИМ обязывала. Но тревоги и волнения легко отвоевали своё, и какими бы страшными не были сны, вынырнуть из них не получалось. Открыла глаза, лишь когда кто-то ладонью провёл по щеке.

Вита.

— Просыпайся. Сон — хорошо. Но, думаю, пора и подкрепиться. А, может, прогуляемся? Снег перестал. Можем пройтись по парку.

— Не хочу, — тихо произнесла Снежана.

— Не вечно же трястись в страхе из-за Миши? Тьфу ты. Прости. Не будем про этого таракана. Давай просто поедим. Хочешь, закажем что-то? Пиццу, например? Суши?

— Я что-то не голодна, спасибо.

Вита нахмурилась:

— А ну, бросай хандру! Сейчас же вставай и на кухню! Будем заедать твоё плохое настроение свежей выпечкой с лимоном! И не смотри на меня так удивлённо. Нет, я не пекла, сбегала в пекарню. Её всё в очереди расхваливали, так что давай. — Развернулась, уходя, и бросила через плечо. — И оденься нарядно. Ничего не может больше поднять настроение, чем красивое платье!

— Вит, я же...

— Ты же всё оставила дома, знаю. Надень моё.

Виталина вышла из комнаты, а Снежана медленно выбралась из-под одеяла, открыла дверцу шкафа, устало посмотрела в зеркало на своё измождённое лицо. Нервы никого не красили, а её и вовсе уродовали. Впавшие глаза, синяки, бледность кожи.

— Ви-и-ит!

Подруга мигом оказалась за спиной

— Бери любое, — потянулась рукой к вешалкам, бросила взгляд через зеркало на Снежану. — Чего кислишься? Сейчас что-нибудь подберём.

— Спасибо. Я сама. У тебя тональник есть?

— Естественно. Сейчас принесу. Если нужна помощь с макияжем, позови, и я...

Снежана тронула её за плечо.

— Спасибо.

— Жди.

Виталина принесла целый косметический набор, намекнула, что поднять настроение может и косметика. Напомнила: красота спасает не только мир, но и настроение. Снежана улыбнулась. Вяло. И, оставшись одна, начала не спеша перебирать одежду.

Маленькая Снежа любила всё яркое, особенно, голубое и сиреневое. Повзрослевшая Снежана предпочитала тона те же, но приглушённые, и к ним ещё добавилась любовь к изумрудному.

Женщина, любившая Мишу, одевалась как можно незаметнее, лишь бы ненароком не обидеть, не оскорбить, не вызвать подозрений.

Та, что сейчас стояла у зеркала, хотела забыться. Просто стать другой. Такой, как Вита.

Глаз зацепился за малиновое платье. Оно было мягким, из плюша. Не слишком длинным и не слишком коротким. И подошло по фигуре. Хотя, Снежане всегда казалось, она будет покрупнее Виты.

Но прелестное платье всё равно было чужое.

Из макияжа тональник и тушь. Накрашенные ресницы хоть как-то прятали тревогу. По

крайней мере ей очень хотелось в это верить.

Кухня встретила кружащей у плиты подругой и запахом лимона. Тарелка с яичницей, сырный бутерброд, чай.

— Налетай. Поешь, потом пирожок. Отказ не принимается. Ещё в обморок свалишься из-за этого таракана. Кстати, — Вита плюхнулась на соседний стул, — я могу съездить к тебе, забрать вещи, если тебе прямо так не нравится ходить в моём.

Снежана, машинально поправляя платье, благодарно кивнула.

— А, вообще, зря, Снежанка. Это тебе идёт, а у меня их полно. Могли бы сыграть в сестёр, — засмеялась.

Снежане показалось, будто смех вышел нервным, но она тут же отогнала глупую мысль, а подруга уже щебетала дальше, только без прежней радости.

— Вит, что-то случилось?

— Детектив не звонит. К нам до сих пор никого не приставили, а я волнуюсь. Нет! — поспешно начала объяснять, тебя никто не тронет! Просто... мало ли что взбредёт в голову твоему бывшему. Ладно. Таракан с ним. У меня есть предложение: если завтра детектив не позвонит, поедем ко мне на дачу. Согласна?

— Даже не знаю. Я...

— Ты, ты. И я. Там хорошо. Дом большой тёплый. Есть камин и удобное кресло. Вай-фай ловит, так что заказы не потеряешь. Да и хоть развеемся немного.

Снежана решила, что смена обстановки может пойти на пользу. Сколько времени она никуда не выбиралась? Из-за Миши, из-за нервов. Даже во время счастливых месяцев, проведённых с Марком, они так и не покидали пределы города. А ведь ей всегда хотелось куда-нибудь к заснеженному лесу, в одинокий домик. Куда-то, где можно мечтать и не бояться. И просто жить.

Городская суэта проела сердце, пустила корни в душу, и всё же иногда её бывало слишком много. Как сейчас.

— Ты кивнула? — Виталина искренне радовалась. — Отлично! Тогда точно возьму вещички из твоей квартиры. Поедем на недельку. Если понравится, останемся подольше.

Ели, болтая. Предвкушая поездку. С каждым вдохновенным рассказом подруги Снежана сильнее загоралась идеей. Когда посуда была вымыта, а стол убран, она уже рисовала в фантазии дачный дом. По словам Виты он походил на девчачий рай, только без всяких розовых рюш и плюшевых медведей.

Медведь...

В память гвоздём вонзилось воспоминание о том, как муж уничтожал любимую игрушку. Подарок мамы.

«Ты взрослая, Снежа, — плевался ядом, хватаясь за ножницы, — какие игрушки? Лежал на антресоли, пусть там и лежит».

«Но я просто разбирала вещи и...»

«И посадила его на диван? Не будь дурой! Ты выросла. И я тебе это докажу».

— Снежанка? — Виталина трясла за плечо. — Ау? Опять подумала о муже?

Она кивнула.

— Выброси из памяти. Было и прошло. Всё, успокойся.

— Он... изрезал ножницами моего Венечку... потому что... потому что...

— Кретин, потому что! Как ты с ним жила три года?!

— Я его...

— Любовь — боль и обман. Запомни.

Виталина шмякнула чистой сковородкой по столешнице и вышла из кухни. Снежана поплелась следом.

Глава 39

Александра просматривала дневник, чувствуя нарастающую тревогу. Здесь, именно здесь, среди бесчисленных повторений одних и тех же слов, безумных образов и страшной правды крылась личность маньяка. Того, кто отлично изучил жизнь Лилии, второй жертвы. Была ли с ним знакома сама Лиля? Вероятно. Совпадение с ядом звучало слишком глупо. Нет, в такие совпадения детектив не верила. Но кто же эта таинственная ОНА? Знакома ли убийцы? Помощница? И как её найти?

Дима бы придумал.

Очередной взгляд на Андрея. Гольцев выглядел сосредоточенным. Он тоже изучал записи. Они разделили сведения пополам. Первую изучала Александра, вторую он. Таким образом ей досталась юность Власовой, ему — последние годы перед смертью.

Метод разделения часто использовался с Бризом. Была попытка с Димой. Но Соколов, противный, невозможный Соколов вечно мерялся интеллектом, из-за чего работать вместе удавалось с трудом.

Сейчас всё шло гладко. Идеально.

Гольцев даже не противился её предложению и с готовностью приступил к выполнению. Его задача состояла в том, чтобы найти какие-то изменения, нестыковки, зацепки. Всё, что могло вывести на след незнакомки. Всё, что могло помочь, если не вычислить маньяка, то хотя бы его понять.

Не став одним целым с преступником, ничего не получится, — так любила повторять Александра. Бриз, услышав фразу, пожимал плечами, считая многое из сказанного подругой домыслами. Она это знала. Дима... Дима ухмылялся. В его глазах стояли смешинки. Он отпускал глупые шуточки и смотрел, как она что-то пишет, рисует, чертит. И обязательно сопровождал каждое её предположение какой-то своей идиотской гипотезой. Ему нравилось ставить её на место. Ей нравилось ставить его. В итоге, к общему так и не приходили. Лишь бумагу марали.

Но Гольцев из всей тройцы был самым странным. Глядя на то, как, повторяя её цветовую схему, тот делает пометки, она всерьёз обеспокоилась: не передалась ли ему фанатичность сестры? И где, собственно, Маша?

И как же он не похож и пугающе схож с Димой...

— Саша! — взбудораженный Гольцев вскочил с места, едва не задев пустую чашку. На плите оживал старый чайник. — Я нашёл! Нашёл! Я знаю, кто такой ВРАЧ! Это Андре!

Александра вырвала у него распечатки и принялась жадно впитывать информацию. Власова не упоминала имён, однако, чётко сообщала: с ним она познакомилась на сайте рукоделия. И он подарил ей цветы.

В день смерти.

Бурин в жизни Лиле ничего не дарил, кроме пустых обещаний. И никогда не сидел на "Мире"

Мог ли это быть кто-то другой, кроме Андре? Мог. Но слишком часто этот тип мелькал в истории.

Она уже набирала Рукавицу, когда Гольцев неожиданно побледневший протянул тихо пиликнувший сообщением телефон.

«И ты...» — значилось на экране.

Слова пугали до дрожи, зловещими буквами светили будто с потустороннего мира. Звали туда. За собой.

И переслала их Маша.

— Это... — одними губами произнёс Гольцев.

Александра смотрела на телефон и напряжённо молчала.

Помощник перечитал сообщение и принялся за поиски руны. Никакой связи между символами не было. По крайней мере он не улавливал, хотя связь, возможно, и имелась. Непонятная для него.

Жена... противная в своей заботе, любезная до невозможности и любящая до омерзения, как всегда, стояла у плиты. Готовила очередной шедевр.

Ему осточертели её шедевры. Но развестись он не мог. Она ждала ребёнка. Она его прощала. Она позволяла ему спать с кем угодно, потому что по её же словам, так легче сохранить семью.

Семью.

У них не было семьи.

Они и женились-то по глупости. По юности. На спор.

Теперь он расплачивался. Она его полюбила, а он её нет. С годами ничего не пришло, не вспыхнуло, не заискрило. В душе расширялась бездна под названием неприязнь.

Измены — это всё, что помогало ему не убить её, не убить себя или просто не сбежать к чёртовой матери. Исчезнуть. Раствориться в громадинах Питера.

Руну он нашёл. Отправил по тому же номеру. Следом набрал ещё один. Знал, тот не ответит. ОНА никогда не отвечала. Только звонила. Всегда сама. Всегда с одними и теми же словами. ОНА даже в сообщениях соблюдала грань, а ему так хотелось через неё перешагнуть. Упасть в бездну ЕЁ глаз. И стать счастливым.

Любовь к НЕЙ помогала больше измен. Чувство делало его сильным и на всё способным. Всего одна встреча год назад, и он заболел.

Кажется, именно это называли любовью.

Ради этого чувства он готов был пойти на что угодно. Так что сообщения в Сети и на телефон были мелочами. Он мог сделать гораздо больше.

Например, убить.

Но ОНА не просила.

Помощник вошёл на кухню и по привычке чмокнул жену в щёку. Она улыбнулась и сразу прижалась к нему всем телом. Всем своим объёмным животом.

— Наша девочка уже проголодалась. А ты? Я приготовила овощи по новому рецепту. Но без перца. Будешь?

— Буду.

В это же самое время шаги убийцы нервной дробью стучали по вычищенному от снега асфальту, эхом рождались от стен, разносились по переулку. Выбранная жертва испортила все планы! Она оказалась в больнице с аппендицитом! Какая глупость, нелепость! Какая подлость мира по отношению к убийце! Разве за все эти годы в просьбах было так много?

Улыбка блондинки сводила с ума и не давала возможность вернуться домой с пустыми руками. Нет. Сегодня кто-то умрёт. Сердце перестанет хандрить, ненависть разгорится с прежней силой. С новой силой. Блондинка за всё ответит.

Маша Гольцева была выбрана не случайно. По иронии судьбы она очень была похожа на жертву. Главное, чтобы брата, её палочку-выручалочку, что-то задержало.

Или кто-то.

Глава 40

Боль, страх. Редкий смех.

В такой атмосфере привыкла находиться Маша. Среди больничных коек, молящих взглядов, презрения, ненависти.

Благодарности.

Медиков не любили многие. На Машину смену обязательно приходилась старушка, ругающая и всю медицину, и обязательно президента, который лично должен был отвечать за каждую больницу.

Со стопроцентной гарантией приходилось выслушивать причитания какой-нибудь богатой дамочки, попавшей сюда, в обычную палату, по случайности, естественно, а если точнее, то из-за непредвиденного микроинсульта или ещё какой подобной гадости.

К ней прибегали скопом богатые члены семьи, обычно мужа, любовники и начинали хамить, караулить главврача, орать, что вокруг произвол, но они этого так не оставят и, в исключительном порядке, безусловно, требовать, лучшего ухода, чем для других. Иного питания.

Личной медсестры. И такое случалось.

Раз тридцать за смену Маше приходилось выслушивать о том, какие плохие здесь работники, плохая она сама или, напротив, слишком хорошая для подобного учреждения. Видеть в глазах мольбу, а в руках конверты потолще, потоньше. Реже, деньги, протянутые прямо так, открыто и без страха. Но... с заметным упрёком. Как будто Маша сама просила.

Взятки она не брала и ругаться из-за этого перестала. Первое время мягко журила стариков; громко возмущалась, стоя с прямой спиной перед сверстниками и людьми за сорок.

По непонятной причине среди них зачастую и встречались недовольные всем и всеми.

Недовольные жизнью в целом.

По привычке, словно, выработанной с годами, они маячили в коридоре или столбами замирали прямо у сестринской с искривлёнными лицами, кривыми улыбками и поджатыми губами.

Маша многих эмоций навиделась, пока работала в больнице. Хороших, тёплых было мало. Но она ни за что на свете не променяла бы это место. Своё место.

Сегодня, как и всегда, она навещала одинокого старика. Он лежал и смотрел в окно, разговаривая со снегом. Все процедуры были сделаны, и Маша могла спокойно поехать домой, ведь сменявшая её Люся уже переодевалась в халат и готовилась принять пост, но Гольцева, так уж повелось за полторы недели, никогда не уходила, не попрощавшись с Иннокентием Валентиновичем.

Они успели подружиться за время его лечения. Он, как хороший дедушка, рассказывал ей о послевоенных годах, наполненных радостью и счастьем. Чувством чего-то невероятно прекрасного. Она, будто, отзывчивая внучка, внимательно слушала, задавала вопросы и подавала стакан, когда старческий голос надрывался от кашля.

Он лежал в одиночной палате.

Богатый и всеми забытый.

Его навестила молодая жена. Один раз. Привезла таблетки, что он пил дома, тёплый свитер, шерстяные носки и что-то ещё по мелочи. А затем объяснила Маше, потому что врача ей было ждать некогда, что едет к сестре. Та выходит замуж, она пропустить такое событие не может, а за Иннокешей проследят врачи. Это их работа.

Если бы Маша работала первый год, то многое бы сказала этой жёнушке. Не словами — конфликты способны лишить работы — глазами, жестами. Красноречивым молчанием. Но смысл во всём этом? Ей нужен был хороший настрой, позитив. Силы для смены. Поэтому она ограничилась полным игнорированием женщины и сразу принялась хлопотать вокруг больного.

С того раза жена больше не появлялась. А старик, словно, позабыв о молодой супруге, стал всё реже упоминать её в разговорах, хотя поначалу то и дело сравнивал Машино умение слушать и полное безразличие Аси.

В этот раз «дед и внучка» проговорили дольше обычного, будто предчувствовали что-то. Маша набралась смелости и задала мучивший вопрос. Ответ не удивил — огорчил. Иннокентий Валентинович женился на Асе не по любви, а из-за страха одиночества. Знал, ей нужны его деньги, квартира в центре.

Не винил.

Зачем ему на старости лет бумажки и красивый вид? Иннокентий нуждался в другом — во внимании и хотя бы иллюзорном ощущении того, что он не один.

Родители умерли, жена ушла на тот свет, детей не было. Родственники имелись, но звонки и редкие встречи совсем не утешали. Старческая душа хотела жизни, радости, участия. Хотела почувствовать снова, какого это быть нужным.

С Асей они познакомились в поликлинике. Он мучался кашлем, она выходила из кабинета врача с рецептом для отца. Это она потом ему рассказала.

Он увидел в ней покойную жену. Молодую, с волосами непривычно тёмного цвета и слишком злым лицом, не свойственным молодости. Сказал правду, она рассмеялась. Он скрылся за дверью, где снова пришлось делать вид, будто старость его волнует меньше кашля. Вновь встретились уже на улице. Она курила. Он путался в шарфе. Жена связала. Шарф был очень длинный.

«Я Ася», — представилась она, хотя он не ожидал. А дальше начала рассказывать о болезни отца.

Жить начали сразу, как только её отец умер. Случилось это скоро. Ася говорила, что предчувствует его смерть. Не хотела оставаться одна в квартире. Боялась одиночества. Он тоже боялся. Так и сошлись.

В конце своей исповеди старик тяжело вздохнул, затем обратил Машино внимание на окно. Снег падал мягко и ненавязчиво. Как-то по-доброму.

Маша с минуту сидела в молчании, позволяя мыслям собраться, а тишине окутать и себя, и собеседника, но потом не удержалась. Ей и в голову не приходило, как такой хороший человек мог выбрать Асю, женщину, совсем не вызывавшую и толики симпатии.

Иннокентий Валентинович ответил сразу. Тихо и убедительно.

— Машенька, вы когда-нибудь просыпались посреди ночи не из-за кошмарного сна или болей в спине, хотя, какие у вас могут быть боли... А из-за того, что почувствовали одиночество? Открыли глаза, погрузились в темную ночь, потянулись рукой к настольной

лампе, включили и осознали, что на кровати одни. В комнате одни. В мире одни. Утро не встретит вас родным голосом, не согреет совместным чаем, не станет раздражать слишком громким звуком телевизора или настойчивым звонком сотового телефона. Знаете, Машенька, моей Галочке часто звонили. Подруги, бывшие коллеги.

— Но...

— Машенька, утро закончится, и день не принесёт ничего нового. Никто не разделит прогулку до магазина, не будет ругать из-за забытой шапки. Никто не встретит дома и не спросит, как ты. Пройдёт день, наступит вечер. Одна тарелка, одна чашка, тихий телевизор, раздражающий своими плохими новостями, но хоть как-то скрашивающий время, и очередная ночь. Со снами или без, с болями в суставах и без них, но с не прекращаемым чувством одиночества. И так день за днём, неделя за неделей, год за годом.

— Но...

— Машенька, мы с Асей не любим друг друга, но это она позвонила в скорую, когда мне стало плохо.

— И не поехала в больницу!

— Она не любит больницы. Но на следующий день приехала и привезла мне свитер. Я часто мёрзну, Машенька.

— Но...

— Ася поила меня чаем, когда я снова подхватил грипп. Она повязывала мне шарф. С ней, Машенька, я перестал просыпаться по ночам, потому что знал, в соседней комнате шумит телевизор.

Маша опустила голову. Навернулись слёзы. Жалость. Это всё, что сейчас было в сердце.

— Не грусти, Машенька. Ты хорошая девушка. А я прожил хорошую жизнь с Галочкой. Спасибо тебе за заботу. И за то, что не ленишься меня навещать. Мне немного осталось.

— Не говорите глупости! — вскочила Маша, зло стирая слёзы. В лице Иннокентия Валентиновича она увидела собственные страхи. Она тоже боялась одиночества. Боялась, что мама умрёт, а брат женится и съедет с квартиры.

Маша ещё не встретила мужчину и думала, что вряд ли встретит. А просыпаться, чувствуя, что ты одна — это очень страшно.

— Старики умирают, — вновь закашлял Иннокентий Валентинович, — с этим ничего не поделаешь. Я только за тебя волнуюсь. Тебя с работы встретят?

— Нет, я сама доеду. Не хочу отвлекать брата. Да я и не маленькая.

— Будь осторожна. Время всё-таки непростое.

— Обычное время, — вздохнула Маша. — А вы бы лучше собаку завели. Или кошку. Или попугая.

— Попугаев я люблю. Ну... иди, а то метель усилится. Дороги не разберёшь.

Они попрощались. Почти по родному. Маша обещала в следующий раз угостить его пирогами, мама печёт. Он улыбнулся и попросил быть осторожной.

Сообщение лёгкой тревогой коснулось кармана, а затем и сердца. Неясное предчувствие засело в сердце, пока Маша махала рукой старику, пока шла в сестринскую, прощалась с Люсей, снимала халат.

Больница выпустила в холодные сумерки. Зимой они наступали раньше. Маша вспомнила про телефон и взглянула на экран. Непонятное послание встревожило. Она почти не говорила с братом о его работе, но знала, убийца, какой-то псих, присылал жертвам сообщения.

До остановки идти расхотелось. Снег мёл несильно, однако, что-то тянуло сесть на такси.

Маша решила, что может разок себе это позволить и стала притопывать от холода в ожидании машины.

Второе сообщение превратило нервы в тугие струны. По наитию, без особой мысли, Маша переслала первое сообщение брату. Собралась отправить второе, но тут подъехало такси. Она убрала телефон и спряталась в салоне. Мороз окреп.

Звучала приятная мелодия. Что-то из лирики семидесятых. И Маша немного расслабилась. Она закрыла глаза, думая о старичке. Представляя, как они вместе с мамой пекут пирог, чтобы потом порадовать Андрюшу и Иннокентия Валентиновича.

У дома тревога вновь напомнила о себе, но Маша отмахнулась от неё так же, как от сигаретного дыма. Водитель закурил, стоило машине остановиться.

Маша поблагодарила за поездку и вышла из такси. Ключ, домофон. Запах кофе из первой квартиры.

Кто-то окликнул.

Маша обернулась.

Такси скрылось за поворотом. Фигура приблизилась.

По плану убийцы все они должны были умереть соответствующим образом, но неправильная жертва требовала неправильного выхода гнева. Изначальная идея — убить посредством отравления, как в прошлый раз, но в иных декорациях, претерпевала вынужденные изменения. Так в ближайшем магазине за наличные был куплен самый простой платок из шифона. Долгие раздумья привели к тёмно-красному — цвету, идентичному платью жертвы на концерте.

Концерт...

Именно так называли выпускной экзамен.

Экзамен, окончившийся провалом.

Неприятные воспоминания, причиной которых стала и жертва, смыло из памяти сначала горячим кофе, взятым в пекарне неподалёку, а затем и сладостным предвкушением встречи с Гольцевой.

Маша...

Жалости она не вызывала, презрения, досады, ненависти тоже. Но затушить пламя доброты, так невовремя прорывающееся изнутри, стояло сейчас первоочередной задачей. С ним, ненужным чувством, столь близким на пути к сожалению, блондинка так и останется безнаказанной. Допустить такое? Нет. Сердце убийцы слишком долго терпело, выжидало. Надеялось на справедливость.

Нет. Убийству быть.

Маша приехала на такси. Она шла домой и ни о чём не подозревала. Не чувствовала надвигающейся опасности. И это раззадоривало убийцу. К тому же брат помешать не мог. Помощник. Звонок. Всё шло, как надо.

Шаг. Ещё один.

Снег. Несильный, но достаточный для того, чтобы в вечерние часы приближаться силуэтом. Нечётким, размытым. Опасным — если бы Маша умела читать мысли. Не сулящим ничего плохого — для простого человека, каким Гольцева и являлась.

Да. Она была простая. Обыкновенная. Непримечательная.

А жертва простой не была. Всегда блистала среди парней, подобно Ангелине и родилась в семье успешных предпринимателей, как Лиля.

Маша остановилась у двери подъезда.

Но зато у неё был тот же разрез глаз, цвет волос. Фигура.

Пора.

— Мария? Простите. Вы меня помните?

Гольцев не стал слушать ни Александру, ни Владимира Андреевича и сразу выскочил из квартиры. Он мчался по ступеням, не в силах ждать лифт; едва не поскользнулся, подбегая к машине. С трудом и тревогой, молотом бьющей в грудь, выехал со двора и рванул по заснеженной улице, лавируя в транспортном потоке, моля об одном: только бы успеть. Только бы спасти Машу.

Мобильный вновь ожил. Быстрый взгляд на экран. Звонила мама. Секунда раздумий. Андрей нажал громкую связь и чуть не врезался в «Пежо». Чудом увернулся. Кто виноват: он, думающий лишь о Маше, или водитель, проехавший под запрещённым знаком, значения не имело. В эту минуту важно было одно — успеть. И не сорваться. Не заставить маму волноваться. Не дать ей повода сходить с ума. Довольно его собственного безумия. Того, что сейчас царило внутри и страхом съедало все чувства, хватило бы и на двоих.

— Да, мам? Я за рулём. Что-то срочное?

— Срочное, Андрюшенька. Мне только что звонил мужчина. Он говорил... Андрюшенька, он говорил о Диме...

Гольцев резко дал по тормозам, и вновь едва не случилась авария. Спасло то ли счастье, то ли везение. Светофор засветил запрещённым светом, и, переведя дух от лихой езды, Андрей замер на месте. Спросил:

— Мама, кто звонил? Он представился? Что конкретно сказал?

— Ничего особенного. Что знает Диму и видел его. Он обещал подъехать и всё рассказать.

— Мама, не будь душой! Никому не верь!

— Да как же... Ты что не понимаешь, как это важно? Речь ведь о твоём брате!

— Мама, не открывай!

— Да, я не дура! Мы встречаемся в кафе!

Машина сзади просигналила. Андрей вжал педаль газа.

— Я понимаю, ты обижаешься на брата. Но это неправильно. Он такой, и всё. Он не изменится. Я поэтому и позвонила, чтобы предупредить. Я уйду.

— Мама!

— Мы будем в кафе «Алегро». У музыкальной школы. Не волнуйся.

— Мама!

Телефон пугающе замолк. Андрей хотел завывать от отчаяния. Школа располагалась по пути домой. В двух остановках.

Маша... Мама...

Больно билось в рёбра.

А снег продолжал спокойно падать.

Выбор. Пока Андрей судорожно принимал решение за кем ехать: сразу домой к сестре или в кафе к маме, Маша разговаривала с убийцей. Диалог длился недолго, но и за это время

некая неправильность происходящего почувствовалась Гольцевой. Да, случилось, что пациенты выражали ей благодарность за стенами больницы, но делали это на улице, у входа или звонком по телефону, когда она, уставшая измотанная ложилась на диван и включала канал с мультиками. Так она отдыхала. Звонок поднимал настроение, возвращал силы и каждый раз подтверждал: она на своём месте. Всё не зря.

Что-то фальшивое прослеживалось в словах и движениях человека напротив. И Маша думала: надо уйти. Сказать: «Не за что. Берегите здоровье». Повернуться к подъездной двери и исчезнуть в недрах, пропахших кофе и уютном родного дома. Надо. Но Маша стояла и продолжала слушать. Вспоминать.

Не удавалось.

Голос, лицо казались чужими. И тоже какими-то неправильными.словно в одном человеке жило две личности, однако, ни одна из них не нравилась Гольцевой.

— Я вас задерживаю. Простите. Вы, наверно, устали после смены и спешите домой, а тут я.

Маша выдохнула с облегчением, даже не скрывая этого. Вот и всё. Сейчас они расстанутся.

— А я вообще-то к сестре. Она тоже здесь живёт.

Смех.

— Ну, пойдёмте?

Улыбка в губах, но не в глазах. Хотя, в такую погоду сложно было утверждать с полной уверенностью — видимость была та ещё. Снег опускался прямо перед лицом. Ветер кружил Машинными волосами, ухудшая обзор.

Всего доля секунды понадобилась Гольцевой, чтобы себя успокоить. От такого человека не стоит ждать опасности. Ощущения внутри глупые. Похоже она слишком увлеклась карьерой Селивёрстовой, чересчур прониклась атмосферой напряжения и страха.

Выбор сделан. В подъезд вошли вместе.

В руках убийцы уже был платок, в мыслях Маши — вкусный обед и заботливые лица мамы и брата. Из квартиры, соседней с «кофейной», вышла женщина лет пятидесяти. На поводке она держала собаку. Мелкую и дрожащую. Противную.

Но больше всего отторжение вызывала не внешность зверька, а взгляд. Если бы убийце кто-то задал вопрос: что в глазах животного, то ответ, полный уверенности, прозвучал бы один. Собака знает.

Пот стёк по спине. Зажатый в руке платок, вновь скрылся в кармане.

Маша сделала шаг к лифту, убийца тоже. Отвратительный зверь, скалясь и рыча, покинул подъезд под громкие жалобы своей хозяйки на холодный вечер.

Выдох. От сердца убийцы отлегло. Лифт. Запоздалая мысль: как душить платком, если на шее шарф? Успокоение. Маша начала расстёгивать пуховик, оголять шею.

Удача улыбалась. Время на другой способ было. В конце концов, можно убить, зажав и рот, и нос или разбить голову о зеркало. Благо, оно висело в лифте.

Но сил на другой план не было.

Платок стремительным рывком обернулся вокруг Машинной шеи.

«Маша не глупая. Не зря фанатеет от детективов и знает наизусть все реплики из сериала «Шерлок». Она, наверняка, уже дома. И вот-вот позвонит узнать, где мама», — так уверял себя Андрей, бросая безнадёжные взгляды на мобильный. Снова и снова. Сестра не

звонила.

Кафе «Алегро» светило гирляндами. Подготовка к Новому году. Гольцев подумал о ёлке, о том, что до они её до сих пор не поставили, хотя из года в год, и это уже была традиция, наряжали зелёную в начале декабря, таким образом, приближая праздник.

И он, и Маша в детстве верили, что это подскажет деду Морозу, кому следует первому нести подарки. Выросли. Верить перестали. Но делать именно так привыкли.

Маму он увидел сразу. Она сидела за столиком, недалеко от входа. Одна. Стучала рукой по столешнице. Нервничала.

Спокойствие не приходило. Андрей приблизился к маме. Удивил её. Прочёл в глазах немой вопрос, а затем:

— Андрюшенька, ты оставил Машеньку обедать в одиночестве? Нехорошо.

— Никто не придёт. Поехали домой.

Уверенность в собственных словах звучала тревожной музыкой. Предчувствием неотвратимой беды.

— Я подожду. Человек мог задержаться. Какая погода... А ты давай езжай к сестре.

Андрей подхватил маму под локоть.

— Зря потратишь время. Поехали.

— Нет, Андрюшенька. Я хочу знать, что скажет этот человек про Димочку. Вдруг...

— Тебя обманули! — гаркнул Гольцев, не в силах сдержать свой страх. — Никто не придёт. Нам надо домой!

— Что ты такое...

— Мама, поверь мне! Дело не в Диме!

— Отпусти меня и не кричи. Ты всегда ему чуть-чуть завидовал, а теперь он пропал и... у меня дурное предчувствие. Я хочу услышать этого человека.

— Нет времени! — выкрикнул и сразу почувствовал: то, что секунду назад было лишь страхом превратилось в сбывшийся кошмар. Но терять надежду не хотелось.

Крепче схватил маму, наклонился и прошептал:

— Пожалуйста, поехали. Я пробью номер звонившего. Сам встречусь. А сейчас нам надо идти.

— Честно?

— Да.

— Но ты что-то скрываешь. Что-то с Машенькой?

— Нет.

Почувствовал себя мерзавцем, сжал в кулак свободную руку.

— А почему тогда...

— День сложный. Я просто не хочу, чтобы Маша обедала одна.

Улыбнулся. Криво.

Мать поднялась.

— Обязательно узнай номер, сыночек. Обещай.

— Обещаю.

Он попросил её подождать в машине, наврал про сюрприз. Мать не поверила. Но Андрею было уже всё равно. Ноги неслись в подъезд, сердце рвалось из груди, перед глазами всплывали жуткие картины.

Лифт сбоку пугал открытым зевом

Ещё не видя Машу, он уже знал, что не успел. Знал, что они больше никогда не повесят

игрушки на ёлку вместе. Не поругаются, накрывая праздничный стол.

Знал, что опоздал.

Маша была там. Лежала на полу.

Андрей закрыл рот руками, упал на колени и завыл.

Глава 41

Злость. Она свинцом разливалась по воздуху. Она заполнила помещение без остатка.

Чёртов психопат снова убил. И на этот раз не просто женщину, а сестру Гольцева. Иными словами, мерзавец отвоёвывал всё большие территории. Смерть милой Маши была равносильна брошенной перчатке, вызову. Плевку.

Убийца словно бы смеялся: я здесь, я рядом, я неуловим. Оставьте женщин мне. У вас нет шансов.

И Владимиру Андреевичу оставалось лишь надеяться на то, что, как и все психи, этот ублюдок, возомнивший себя непризнанным гением, проколется сам. Ошибётся. Допустит оплошность. Оступится. Потеряет контроль.

И тогда он поймает гниду. И сделает всё возможное, чтобы тот не просто сидел, а молил о смерти, потому что жизнь за решёткой станет для него сущим кошмаром. Пленом. Душным и таким же вонючим, как и его злодеяния.

Адом, поднявшимся из-под земли.

Звонок разорвался гранатой и не предвещал ничего хорошего. Голос был твёрд и звучал с ядовитой заботой. Рукавице велели сделать всё возможное, но найти подонка. Если надо — положить прилюдно. Просьба из Управления по особо важным. А там церемониться не станут. Предупредили: на кону карьера. И не только Рукавицы.

Власовых он не винил. Они требовали правосудия. Жаждали мести. И у них были на то все основания. Были и возможности.

Положил трубку, тяжело затахнул. Какое-то время смотрел в окно.

Снег. Много снега.

«Что б тебя завалило...» — зло подумал Владимир Андреевич. Потушил только начатую сигарету и вышел за дверь.

Злость продолжала накапливаться и в бывшем кабинете Селивёрстовой. Только здесь детектив согласилась работать. Некогда родные стены и даже стол — тот же — помогали собраться, подпитывали злость. А та бурлила, кипела и выплёскивалась на бумагу. Листы заполнялись символами, знаками, цветами, словно полотно художника широкими мазками.

Александра израсходовала уже стопку, а идей, как вычислить маньяка по-прежнему не было.

Ниточки обрывались одна за другой, а, между тем, узор сплетался диковинный даже для её интеллекта.

Слишком много лиц. Слишком много событий.

Избыток чувств.

Маша умерла. Павел сказал, что Андрей опоздал совсем на чуть-чуть. Андрей не смог сдержать эмоции и врезал невинному эксперту: «Ты хочешь сказать, что я был в шаге от этой суки?! В шаге, твою мать!»

Шаг или два. Значения не имело. Гольцева мертва, а маньяк слишком хитёр, чтобы попасться. Он всё рассчитал. Продумал на несколько ходов вперёд.

Александра пребывала в бешенстве.

Но, если бы дело заключалось исключительно в убийствах, она бы справилась. Давно приучила себя отрезать ненужные эмоции и видеть лишь работу. Очередное расследование, очередной труп, очередной псих. Раз за разом она закаляла свою психику. Обманывала сердце, будто ей всё равно на жертв, их близких и родных. На тех, кто ещё умрёт. Не в этот раз, так в другой.

Зло неистребимо. Оно было, есть и будет. Однако, с этим Александра свыклась и успешно боролась с психами так, как могла.

Но ВРАЧ переплюнул всех. Его наглость, казалось, не знает пределов. Убив Машу, он решил не останавливаться: прислал письмо с именем следующей жертвы на новую почту Рукавицы. На личную. Значит, прослушка есть где-то ещё? Написал, как её спасти. Она знала, способ безнадёжный. Пустой способ, как в случае с Власовой. Но сотрудники Рукавицы всё же пытались.

И вот через час должна решиться судьба Юлии.

Исходя из прошлого опыта, решили, что ВРАЧ, дав подсказку лишь о том, в каком районе проживает жертва, имеет ввиду дочь бизнесмена Пилютина. Девушка отказалась от денег родителей после того, как ей запретили заниматься любимой живописью и съехала в район пятиэтажек. Район — близнец родного Сашиного.

С мигалками ринулись к дому Пилютиной. Рукавица надеялся спугнуть убийцу. О том, чтобы поймать, пока не мыслил. Слишком размытым было дело. Куда ни шагни, одни вопросы, подозрения. Сплошная неразбериха.

Александра мало верила в удачу полицейских. ВРАЧ так легко не попадётся. Жертва будет. Вопрос в том, сколько в его планах ещё несчастных женщин и как его остановить.

Она не знала.

Но гораздо больше этого факта выводило из равновесия другое. Упоминание самой Александры и Димы.

Псих знал.

Но откуда?

На листе появился один большой знак вопроса. На интуитивном уровне он приобрёл цвет домашнего костюма Виталины. Красного. Чистого. Без оттенков.

Александра записала:

«Виталина... Станет ли она следующей жертвой, ведь именно ей ВРАЧ прислал сообщение незадолго до того, как сообщить имя следующей жертвы? Ответ надо искать в жизни Чуриной? Или всё же в вещах Маши?»

И что означает фраза: «Дмитрий будет?». Убийца хочет запутать? Намекает? Предупреждает? Хочет поговорить?»

Вопросы. Они множились и множились. Из головы не выходила Гольцева.

«Не родная, как и Андрей, сестра Димы. Не родная... И всё же? Есть ли взаимосвязь? Маша не знала ни одну из рукодельниц, не знала Власову, но... отцом Власовой занимался Дима, а Маша сестра... Бред. Я заикливаюсь на Соколове. Хватит. Дьявольская муть!»

Опустила голову на стол.

— Вижу, дело идёт, — съязвил вошедший в кабинет Рукавица. Кивнул на беспорядок. Стол был завален разноцветными листами. Разобраться в водовороте слов и цвета могла только Александра.

Она нехотя подняла голову. Кисло парировала:

— Вижу, вы поймали ВРАЧА. Где он, в допросной? Или уже в тюрьме?

Владимир Андреевич опустил на стул рядом.

— Мы его должны поймать. Без шуток. Я зол не меньше тебя, но давай держать себя в руках. Что-нибудь удалось понять?

— Кроме того, что он дерзкий, кровожадный и умный?

— Саша...

Она вздохнула:

— Нет. Что по уликам?

Подумала о Бризе. Это он, заменяя Гольцева, должен был наряду с другими обследовать квартиру убитой. Как он? Давно не звонил.

— Камеры нет. Дом старый. Опрос соседей ничего не дал. За час в лифте поднялось предостаточно народа. Вечер. Все едут с работы. Естественно, никого подозрительного. Соседка, собачница видела Гольцеву, но ничего вразумительного сказать не смогла. Её псина была не в духе, рычала весь вечер. В общем, она тоже была не в духе, и даже не поздоровалась, хотя с Машей общалась. Точнее будет сказать, пользовалась её услугами в качестве медсестры. Следов уйма, криминалисты в лаборатории и твой Резников тоже.

— Не мой.

— Саш, о ваших отношениях все знают. Можешь не притворяться. И о том, как он вечно сливает тебе инфу, я в курсе.

Она молчала.

Рукавица откинулся на спинку, какое-то время блуждал взглядом по осыпающейся штукатурке. Кабинету требовался ремонт. Всему зданию требовался. Посмотрел на детектива, понизил голос:

— Спасибо, что приехала. Я слышал, что тебе неуютно работать вне дома. Но ты мне нужна. Начальство рычит, Власовы требуют выдать убийцу, а я в тупике.

Она хмыкнула. Не удержалась.

Он сделал вид, будто не заметил:

— Никто не ожидал смерти Маши. А я ведь её знал...

— Откуда? Гольцев новичок.

— В первый день его провожала сестра, — мягко улыбнулся, — очень милая девушка. Надеюсь, Гольцев справится.

— Он не выглядит слабым. — Александра мысленно сравнила его с Димой.

— Не выглядит. Но Маша была сильнее.

Она не знала Машу, но очень хотела взглянуть на её вещи. Иногда личные предметы говорят о человеке гораздо больше, чем самый содержательный разговор.

Перед глазами всплыли часы Виталины, носки Снежаны, галстук Димы и куртка Бриза.

— Хреновые у нас дела... — протянул Рукавица, осматривая её записи. Жертв всё больше и подозреваемых немало.

— У меня на примете Андре.

— Да. И мой человек должен вот-вот подъехать вместе с этим гражданином. Но улики косвенные, так что... К тому же не стоит забывать про бывшего мужа Римской.

— Которого до сих пор не найти, — добавила Александра. — И это странно.

— Сдох в канаве. Как вариант.

— Или он нужен убийце. Как вариант.

Запиликал телефон. Рукавица ответил. Привезли Андре. Владимир Андреевич и Селивёрстова обменялись взглядами, и, не сговариваясь, двинулись в сторону допросной,

теша себя иллюзией, что поймали того.

Глава 42

Удача не может улыбаться постоянно. И убийце пришлось это признать. Слишком легко и гладко всё шло. Поэтому поимка Андре не удивила. А его поймали, нет сомнений. Иного объяснения, почему тот молчит просто-напросто нет. Он всегда отвечал на звонок. Всегда. Он зависел от убийцы, а, значит, вывод верен. В противном случае, он лгал, а ложь не принималась сердцем с детства. С того момента, как открылась жестокая правда. И если Андре обманывал, это обидно. По-человечески.

Проверить догадку.

Быстрый вызов единственного номера, и мелодичный голос, надрываясь, сообщил о полицейском визите. Беременная даже не поинтересовалась именем звонившего.

Что ж... Беспечность убийце на руку.

Лёгкая тревога. Раз Андре взяли, он где-то прокололся. Не сдаст ли?

Внутри боролись сомнения. Сдаст, если лгал. Будет нем, если говорил правду. Но не стоит забывать: полиция умеет убеждать. Вывод? Любой вариант требует действий, нуждается в игре ВРАЧА. И главное, в запугивании блондинки.

В руке шуршали пакеты. Звуки не раздражали. Напротив — ободряли убийцу.

Подъезд, лифт, дверь, ключ. Дом. Улыбка. Усталость.

И обед. Сытный. Необходимый.

Снежана вязала, стараясь унять волнение. Виталины всё не было и не было. Телефон не доступен. Села зарядка? Она не хотела думать о плохом, но вдруг Миша подкараулил подругу и...

Снежана потрясла головой, отгоняя панику. Нет. Всё хорошо. Всё должно быть хорошо. Завтра они уедут на дачу, и там она обо всём забудет. Никакого бывшего мужа, терзающих воспоминаний; неизвестности с Марком. Всепоглощающего страха.

На столе рядом с мотком синих ниток стояла кружка чая. Снежана отхлебнула обжигающей жидкости и сделала очередную петлю. Это снова была повязка на волосы. На этот раз Снежана выбрала простейшую схему — не на продажу. Ту, по которой можно вязать, не глядя, по памяти, интуитивно. И не думать.

Ни о чём не думать.

Время шло, Виталина не возвращалась. Мысли кружили вороньём и, словно по картине Хичкока, клевали упрёками. Одежда ей понадобилась... К чёрту эту одежду! Обошлась бы как-нибудь. Не на месяц же едут! А теперь Вита может оказаться в опасности. Если уже не отказалась...

Мысли терзали. Даже сердце побаливало. Нервы тревожной мелодией звучали в ушах, напоминая о всевозможных триллерах. Раньше она их любила. До того, как познакомилась с Мишей. Хотя, и в их совместной жизни они один раз смотрели «Основной инстинкт». Это было незадолго до свадьбы, до того, как началась кошмарная жизнь.

Взгляд на часы. Они по-прежнему висели неровно, с едва заметным наклоном вправо. Если не присматриваться, не заметишь. Но Снежане было нечем себя занять, и пока Вита ездила к ней на квартиру, она всё время поглядывала на циферблат. Пыталась припомнить, что именно произошло с часами, раз Вита ими так дорожит и не разрешает даже прикасаться. Часы — это память о маме? Какое-то особое воспоминание из детства?

Поворот ключа, и, громко приветствуя, в комнату заглянула Виталина.

— Не скучаешь? Молодец, Снежанка, так держать. А я, чёртовы тараканы, замоталась с этим снегом. Навалило, невозможно про...

Снежана обняла подругу, не дав возможность закончить фразу.

— Опять волновалась? В порядке я. Миша меня не трогал.

Снежана отскочила.

— Он приходил?

— Он сидел в твоей квартире, — ухмыльнулась Вита. — Таракан напыщенный.

— Вита... — Снежана побледнела.

— Да, взломал замок и сидел, как ни в чём не бывало. Пил.

Снежану затрясло.

— Шутка. — Подмигнула подруга. — Не было никакого Миши. Успокойся. Связываться с ментами он не станет. Наверняка, смиритесь с тем, что тебя не вернуть. И сопьётся от досады.

Снежану всё ещё трясло.

— Жизнь продолжается, Снежанка. Разбирай пакеты, и пойдём за стол. Я по пути рулет прихватила. Сладкое для бодрости духа необходимо.

Подруга принялась хлопотать по кухне, а Снежана, обняв себя за плечи, какое-то время стояла возле пакетов, не решаясь дотронуться до собственной одежды. Затем обернулась на весёлую Виту и вместе с вещами направилась в комнату.

Серый.

Здесь его было так много. Виталина предпочитала броские цвета, интересные модели. Свитеры и те покупала с узорами. Выискивала на сайтах и не жалела денег. А для Снежаны чем проще и незаметнее, тем лучше.

Ещё одна «мышь» легла на кровать.

Никакого разнообразия, индивидуальности.

Депрессия.

Первый пакет был разобран, и Снежана приступила ко второму. Среди скучного показался кусочек яркого. Он, подобно, островку в бушующем море влёт за собой, притягивал взгляд. Снежана вытащила изумрудную кофту. Она о ней успела позабыть.

Пуговицы отсутствовали, потому что Миша их оторвал, но когда-то эта кофта была любимой. Именно её надела Снежана в тот день, когда познакомилась с мужем. И, глядя, на вязаную ромашку посередине, тот сказал, что она достойна лучшего букета.

Неужели он мог это сказать, а потом вести себя, как, как...

Слёзы обиды, боли, разочарования выбирались наружу. Упрямое мотание головой. Кофта полетела в сторону. Снежана зарычала. Приглушённо. С надвигающимся отчаянием сжала голову, качнулась вперёд-назад. Подошла к окну и принялась отчаянно смотреть на снег. Заметать всё чёрное белым.

Глава 43

Обычно Александра стояла за стеклом и наблюдала за происходящим со стороны. В силу взаимовыгодных отношений, как это случалось в первые месяцы работы с Рукавицей, и не без уважения к её профессиональным навыкам, это Владимир Андреевич признал уже позднее, Селивёрстову допускали смотреть на то, как допрашивают задержанных. Но сегодня ей улыбалось присутствовать по другую сторону стекла, сидеть в одном помещении с возможным ВРАЧОМ и рассматривать каждую чёрточку его недовольства на лице, каждую морщинку, вызванную тревогой.

У неё была возможность считывать его эмоции открыто, вблизи. Снимать пробу цвета с раскрашенного листа, если говорить о её методе работы. И детектив едва скрывала своё довольство, наблюдая за Андре. За загнанным зверем, который вот-вот и сдастся в руки охотника. Охотников было двое. Рукавица тоже изучал задержанного. И то, что видели эти двое нравилось им всё больше и больше.

Внешность Андре подтверждала паспортный возраст. Сорок. Время, когда ты или уже понял себя и принял, живёшь полноценной жизнью и доволен тем, как всё сложилось, или, до сих пор находишься в поисках и уже на грани между «я неудачник», «не всё потеряно». Судя по тому, как бегали глаза мужчины, то спускаясь, то поднимаясь к скромному декольте Александры, данный представитель, возможно, и нашёл себя, но точно не остановился в определённых поисках.

Андре цеплялся взглядом за грудь Селивёрстовой, и она решила воспользоваться этим для своего первого вопроса. Рукавица свои уже задал. Сходу спросил, скольких женщин убил Андре и дальше. По делу ВРАЧА. Андре сузил глаза, но ни на один из вопросов не ответил. Рукавица ждал. Изучал.

Александра не хотела действовать в лоб и принялась за другую тактику. Задала невинный вопрос:

— Кого ждёте? Мальчика, девочку?

Стряхнула грязь с груди. Несуществующую грязь.

Зачарованный формами Андре ответил машинально:

— Девочку.

Александра едва заметно улыбнулась. Когда Андре забирали, жена рыдала, укоряя закон в несправедливости перед нерождённым сыном.

«Вы же не оставите Петеньку без папочки?» — хваталась она за руку мужа.

Муж оттолкнул страдальицу и позволил себя увести.

Александра считала, на то есть две причины. Первая: он знал, что его арестуют и подготовился. Вторая — своим задержанием он помогал настоящему убийце, давал время на побег или шанс затаиться. А, значит, не собирался ничего рассказывать. Такой вариант совершенно не нравился детективу, но она не могла позволить себе быть настолько наивной, чтобы верить в поимку ВРАЧА. Нет. Игра ещё не закончилась. И пока она имеет хоть малейшие сомнения, стоит быть готовой ко всему.

— И как назовёте? — продолжала свою игру детектив.

— Не решили ещё.

— Но уже думали? Мои родители долго выбирали имя. Хотите помощи? Буду произносить имена, а вы скажите, какие вам нравятся.

— Селивёрстова... — одёрнул Рукавица.

— Имя — это важно, — повернулась к нему. Надеюсь, он поймёт.

И он понял.

— Имя определяет судьбу, — начала безбожно лгать детектив, хотя в подобное не верила. — Например, моё, Александра, защитница. Я защищаю людей от несправедливости, и, если вы не виновны, то я и ваша защитница. Вы бы хотели иметь такую защитницу? — Перегнулась через стол.

Андре нехотя оторвал взгляд от груди. Провёл по губам, взглядом облизал их. Кивнул.

«Извращенец», — подумала Селивёрстова, радуясь такой удаче. Извращенцев легко сбить с толку.

— Тогда предлагаю начать с начала. Никаких угроз.

Рукавица хмыкнул.

— Никаких разговоров о смерти. Поговорим немного о вашей семье. Жена, наверняка, беспокоится из-за того, что вы здесь. А на каком она сроке?

— Не помню. Рожать скоро.

— Вы, наверно, очень ждёте свою доченьку.

Промолчал. Вновь закрылся.

— Но вернёмся к именам. Быть может, Ангелина?

Никаких эмоций.

— Родится зимой. Подойдёт что-то снежное. Снежана? Как вам?

Поморщился. Имя явно пришлось не по вкусу.

— Лилия?

Нет эмоций.

— Мария?

Ничего.

Виталина?

Метнулся взглядом к двери и сразу:

— У нас мальчик! И как я мог перепутать... — улыбнулся. Криво и неискренне.

Выдавая настоящие эмоции.

— На нервах, видимо. — Понимающе произнесла детектив. — А мальчика назвать можно Михаилом. Как вам?

Пустое лицо.

— Марк?

Снова взял себя в руки.

— А может вы предпочитаете необычные? ВРАЧ, однозначно, привлечёт внимание к малышу. Как думаете?

— Плохая мысль, — окончательно успокоился Андре.

— Вы правы. Имя должно вызывать эмоции. Как Виталина.

И снова лицо на долю секунды изменилось.

— Виталик?

Ухмылка скользнула по лицу всего на мгновение, но этого ничтожного времени хватило, чтобы детектив сделала свои выводы.

— Конечно вы с ВРАЧОМ оказались намного умнее полиции.

— Селивёрстова! — Рукавица кольнул её сначала интонацией, а затем и взглядом.

— В убийствах замешана женщина. Я понимаю, кто это, — продолжила Александра, — не понимаю другого. Почему вы её защищаете? Чурина вам что-то обещала?

— Чурина? Вы ошибаетесь. — Теперь ухмылка явно сияла на губах. Глаза отчётливо смеялись.

Александра мысленно пыталась разобраться в происходящем. Андре её путает, или она действительно ошиблась? Но, если это не Чурина, как объяснить его реакцию?

— Вы думаете, что всё знаете, но ошибаетесь. Вы ни черта не знаете. Пока я сижу здесь, ОНА выполняет свой план.

— Вы подтверждаете, что это она.

— Она. Но сколько таких «она» может быть, а, детектив? ОНА и до вас доберётся, не волнуйтесь. Планам свойственно меняться в угоду высшей цели.

— Высшая цель — это убийство? Хорошо же понятие морали у НЕЁ. А где же совесть, сочувствие, в конце концов?

— Справедливость — это главное. Убитые стоили того, чтобы... — замолчал.

— Чтобы... — Селивёрстова поднялась с места и грозно нависла над Андре. — Чтобы что? Не усугубляйте своё положение. Начали говорить, говорите.

— Зачем? — в его позе, мимике появилась наглость. Словно, до этого была игра в забитого зверя.

Александра с ужасом осознавала: она ошибалась всё это время. И не только в личности убийцы, но и в том, что Андре расколется. Нет. Чурина его слишком сильно держала. Но чем?

— Значит, вы не собираетесь облегчать собственную участь, — сделала вывод Александра, присаживаясь обратно. — Что ж. Ваш выбор, ваше право. Сын придётся расти без отца, но он не станет первым ребёнком из неполной семьи. Подумаешь, одним больше, другим меньше. Верно?

— Верно. Жена родит, и мы разведёмся. Я уеду. Вместе с НЕЙ. ОНА обещала.

— Любовь. Странно слышать это от человека, лишившего жизни четырёх женщин.

— Я их не убивал. Моя задача — высылать картинки и мешать вам, тараканам.

— Тараканы. Любимое выражение Чуриной. Да у вас полная идилия! Одно слово на двоих!

— Мы всю жизнь искали друг друга и будем вместе.

— В тюрьме.

— На свободе. Ловите вашу Чурину. А мы с НЕЙ уедем. А кто вы: тараканы, муравьи неважно. Вы насекомые.

— У нас есть твоё признание, подонок, — вставил Рукавица. — И за смерть Маши ты ответишь по полной.

Андре молчал. Самодовольно. Нагло.

— Андрей Владимирович, выйдем, — попросила детектив.

Рукавица поднялся.

Александра, обернувшись у двери, бросила задержанному:

— Андре, пока нас не будет, подумайте, что вам дороже: срок за организацию преступлений, взлом компьютерной системы плюс, конечно, помощь полиции и в итоге светлое будущее с НЕЙ после досрочного освобождения? Мы поможем. Или приговор за пять убийств, совершённых лично вами, а также попытку убить меня, известного детектива, никаких поблажек и письмо, где вы разрываете связь с вашей любимой?

— Я никого не убивал, и ты мне на хрен не сдалась!

— И тем не менее, вы пытались меня убить. Или... — она широко улыбнулась, — не пытались? Выбор за вами.

Дверь захлопнулась. Андре ещё что-то кричал, но его полностью игнорировали.

— Ты что задумала? — хмурился Рукавица. В допросной бесновался Андре. — У нас есть все основания задержать Чурину и посадить их обоих!

— У нас нет признания. Он сказал, что не знает Чурину и разрешил её поймать. А ОНА — это кто угодно, любая женщина.

— Но её выражение?

— Тараканы? Не доказательство. Я понимаю, как вы хотите упрятать мерзавца за решётку, но вы также, как и я прекрасно понимаете, сейчас задержать Андре мы можем

только на тех же условиях, что и Ареева.

— Селивёрстова, мы надавим и докажем, что...

— Не докажем, если Андре запоёт другую песню. А он это сделает. Роль за ролью. Ожидать можно чего угодно. Мы его придавим, но другим способом. Он должен сам всё рассказать. Должен испугаться. Понять, что у него есть будущее с НЕЙ только в том случае, если он нам поможет.

— Ничего не понимаю. Так кто же эта ОНА?

— Продуманная дрянь, способная на всё. Я позвоню Чуриной, поболтаю. А вы возвращайтесь в допросную и убедите его в том, что без содействия ему кранты. И да, скажите, что за НЕЙ уже выехали. Пусть понервничает.

— За Чуриной?

— За НЕЙ. Поиграем на его поле. Никаких имён, фамилий. Только местоимения. Только мнимая уверенность. Сможете?

— Саша, ты забываешься.

Она улыбнулась.

Глава 44

В который раз Вита поднимала настроение Снежане. План шёл как по маслу: подруга нервничала, комплексовала. Страдала. Её разум податливой губкой впитывал все слова, что вылетали из уст Виталины.

Лживые слова.

И снова Снежана верила. Наивно обнимала, благодарила. Вела себя, как тряпка. Как та, что не заслуживала жизни.

С детства Виталина Чурина ненавидела, презирала, считала недостойными существования слабых людей. И сама таковой никогда не была. Да, узнав правду, она дала слабину, но быстро нашла выход, как справиться с обуревающей злостью. Всё оказалось просто. Пришлось убить обычную кошку.

Это была первая, но не последняя смерть.

Зверя утопила в колодце на участке своих же соседей, пока дочь хозяев бегала домой за куклой.

Виталина любила играть в кукол.

Поначалу. Но потом гораздо приятнее оказалось кромсать ножницами их одежду, уродовать иглой тела и лица. С каждой маленькой дырочкой выходили эмоции. Те, что портили настроение, рушили душевное спокойствие. Мешали улыбаться. Искренне и беззаботно.

Правда искренность она растеряла давно, ещё в кукольный период и до своего первого убийства. А виновата во всём была мама. Это она душила своей любовью, заботой, опекой. Не давала Вите делать то, что ей нравилось. И деньги здесь не помогали, хотя малышке Чуриной любые прихоти подносили на блюдечке.

Но они не понимали главного.

Родители ЕЁ не понимали.

Снежана давно поела и теперь вязала. Виталина смотрела в спину подруге, сверлила взглядом и представляла, как чёрная кровь вытекает из тела блондинки.

Чёрная, потому что и жизнь Снежаны, и её сердце были темнее самой мрачной ночи.

Да у неё просто не было сердца!

Играть становилось всё труднее и труднее. Вита вспоминала игры в кукол. В эту минуту ей казалось, будто они обе тупоголовые Барби, а их судьбами играют другие.

Нет. Не другие. Другой. Дьявол.

Он подарил миру Снежану. Он испортил счастье Виты.

По просьбе Снежаны, Виталина включила музыку, в сотый раз будто случайно обронив фразу о бывшем муже.

«Он не тронет, не волнуйся, он не опасен».

Слова почти не имели смысла. Миша действительно был не опасен. Однако, произнесённое исцеляло саму Чурину, убеждая в правильности событий. Она не должна слушать никакой другой голос, кроме ярости. Совесть? Уничтожить бы её. Замуровать. Испепелить.

Жаль, убить чувство сложнее. Проще избавиться от человека.

Перед глазами встала Маша Гольцева. Слишком обычная и слишком похожая на Юлю. На всё ещё живую соперницу.

Вита сказала Снежане, что хочет отдохнуть, и ушла в комнату.

Запертая на ключ и полная тайн спальня родителей.

Так думали Снежана, Ангелина, Миша, Марк.

Все.

Даже детектив.

Но на часы та обратила внимание.

Звонок. Селивёрстова.

Короткий разговор. Чурина боялась выдать эмоции. Соврала про лифт. Схватила за голову. Бросила взгляд в окно.

Падал ненавистный снег.

Вспышкой сверкнуло осознание: ночью... кто-то... умрёт.

Глава 45

Андре всё не кололся, Александра не возвращалась. И Рукавица, не привыкший действовать по женской указке и чьей-либо ещё, в конце концов наплевал на едва ли не указание Селивёрстовой и стал давить по-своему. По-мужски. Так, как привык это делать.

— Ты понимаешь, что Чурину уже везут сюда, и совсем скоро она сдаст тебя с потрохами? — орал он на задержанного, не испытывая и толики уверенности в том, что убийца Чурина. Слишком это выглядело невероятно. Он встречал немало женщин психопаток. Видел среди слабого пола по истине страшных монстров, но всё равно с трудом верил в вину Чуриной. Он видел её, и она выглядела вполне нормальной. Неужели он ошибся? Они все ошиблись и всё это время искали не того? Однако, для Андре Владимир Андреевич должен был строить из себя всезнайку. Дышать самоуверенностью и наглостью. Должен был играть свою роль для того, чтобы сам Андре из роли вышел.

Пока игра шла впустую.

— Думаешь, она влюблена в тебя настолько, что предпочтёт свою свободу высоким отношениям? — продолжал он нагнетать. — Любовь до гроба? Судьба, а всё прочее не важно? Ты настолько наивен? Или туп?

Методы Рукавицы были грубы и вряд ли соответствовали правилам обучения профессии, но его это мало волновало. Он не желал слышать об очередном трупе. А ещё больше не желал видеть насмешливые взгляды коллег, получать разнос от начальства.

Чувствовать себя идиотом.

Чего-чего, а этого он стерпеть не смог бы.

Слишком был честолюбив. Слишком хорошо знал, как его неудачи ранят Лизу, давно мечтающую о совершенно другой, более уважаемой жизни.

Нет, он не мог опростоволоситься.

— Что молчишь? Не хочешь её выдавать? Ждёшь, когда Чурина свяжет тебя по рукам и ногам? Сейчас ещё есть возможность сбавить срок, но когда она подпишет признание...

— Какая на хрен Чурина? — сорвался Андре. — Не знаю никакой Чуриной! Она не Чурина, она...

— Кто? — заорал Рукавица, нависая над задержанным. — Кто, мать твою? Говори, паскуда! Хватит смертей!

Андре плотно сомкнул губы, скрестил руки. Отвернулся.

— Не желаешь говорить? — на глазах свирепел Владимир Андреевич. Перед глазами воскресло милое личико Маши Гольцевой. Он видел её лишь однажды, но запомнил. Они с братом были похожи. Они оба, словно, не принадлежали этому миру.

Такая ассоциация возникала при взгляде на этих людей.

И Маша теперь действительно не принадлежала этому миру.

Владимир Андреевич готов был лично переломать кости Андре.

Он облокотился на спинку стула, закурил, с ленцой выпуская дым.

Андре едва заметно вдохнул смолу.

— Хочешь?

Ответом послужила недовольная мина.

— На. Покури. В тюрьме подобной роскоши не будет. Для тебя. Уж я-то сделаю всё возможное, чтобы лишить тебя этой возможности. Хотя, другие курить будут. Но не ты. Если, конечно, ты не расскажешь всё, что я хочу.

— Да пошёл ты...

— Я пойду, а ты подумай, как долго без помощи с моей стороны протянешь здоровым. Ноги, руки и другие части тела отрывают только так, стоит кому-нибудь важному отдать приказ. А приказывать там любят. Умников полно. Жестоких умников не счесть. Подумай. На что ты себя обрекаешь. А когда узнают, скольких детей ты убил...

— Что?! Каких детей? Вы охренели? Я никого не убивал! — глаза налились алым.

Рукавица поймал волну гнева: и его, и собственного, и собирался плыть до конца.

— Маленьких. Ты пойдёшь, как убийца, расчленитель. Как тебе такой расклад?

— Вы не имеете права! Вы, твари, не можете мне ничего пришить! Она меня вытащит, а потом я потрахаюсь вдоволь с вашей шатеночкой, ясно! Я тоже многое могу! Я докажу, что она сама полезла ко мне в штаны, я...

— Подожди секунду, — широко улыбнулся Рукавица, доставая молчащий телефон. — Её доставили.

Андре побелел. Глаза потухли.

Владимир Андреевич демонстративно прислонился к двери, ответил в трубку:

— Да, скажи ей, что Андре плевать хотел на её чувства и согласился всё рассказать.

— Нет! — бешено не закричал, заверещал Андре. — Я люблю тебя, не верь им!

— Плачет? Замечательно. Пускай подписывает, и мы подумаем о смягчении срока.

— Сука! Тварь! Мразь! — надрывался Андре, захлёбываясь злостью и слюнями. — Вы не имеете права! Я знаю, я знаю!

Рукавица бросил мнимому собеседнику: «Подожди» и повернулся к задержанному.

— Всё кончено. Её уже не спасти. А ты ещё можешь пойти по... не такой тяжёлой статье.

Говори. Это лучшее, что можно сделать в данной ситуации. И да, я позволю вам увидеться и так и быть признаюсь в своём обмане. В чувствах ты выйдешь сухим.

Андре молча взирал на мобильный, нервируя и выводя из терпения.

Рукавица не мог терпеть подвешенного состояния и вернулся к «разговору».

— Готова сдать? Злитесь на него? Как соучастники? Почему бы и нет? Нам какое дело?

— Хорошо, хорошо! — сорвался на тонкую ноту Андре. — Я всё расскажу! Я жить хочу!

Я свободы хочу!

— А как же любовь? — участливо поинтересовался Рукавица.

— На хуй эту любовь. Она меня предала. Все бабы одинаковы. Только трахать их можно. Для другого не нужны.

Андре закрыл глаза, сжал кулаки.

Владимир Андреевич вздохнул с облегчением. Мнимым.

Его игра не прошла зря. Но столько грязи из собственного рта он давно не выпускал. Не нравилось ему лгать, играть на чувствах. Ставить эмоциональные опыты.

Но видеть мёртвыми несчастных женщин, вроде Маши Гольцевой нравилось ещё меньше. Доигрывая роль, он «сбросил» вызов, а затем снова включил диктофон.

— Давай, Андре, начинай.

Андре выдавил что-то нечленораздельное. А следующие полчаса говорил приглушённо, не скрывая боли, неприязни. Надежды.

Он надеялся на помощь следователя, но тот обломал его, как только получил нужную информацию.

Прежде всего Александра вернулась в кабинет. Допросная подождёт, мысли нет. Она почти не сомневалась, Рукавица справится с задачей. Андре расколется, возможно, не сразу и скорее всего под натиском, но он сдаст настоящего убийцу. Или... настоящую, если предположить, что это Чурина. С одной стороны, слишком многое было странно. С другой, слишком многое вставало на свои места, если рассматривать такую версию. К тому же Виталина во время короткого разговора с Александрой нервничала, а интуиция детектива в ту же самую минуту оглушительно кричала.

«Виталина, здравствуйте. Скажите, а как правильно звучит ваша фамилия? Чурина или быть может по-другому?»

«Я... не понимаю, о чём вы, детектив. Я Чурина».

«Или стали ею».

«Ч-что?»

«Не берите в голову. Это так, размышления. Андре передаёт вам привет».

«Не-не знаю никакого Андре. Извините, лифт пришёл. Мне пора».

И теперь Александра должна была разобраться. Расставить всё по полочкам, найти каждому факту свою нишу. Только так она могла добраться до истины.

Взяла цветные ручки и стопку листов.

Поскольку после Андре вопросов стало лишь больше, правда и догадки посыпались как из рога изобилия, детектив решила перепроверить информацию о задержанном, попутно записывая имена всех участников событий. Созвонилась с одним из бывших коллег, запросила доступ в главный компьютер. Получила отказ. Но за помощь в старом деле, которое едва не повисло, ей всё же достали нужную информацию.

Всё подтвердилось. Андре оказался отменным программистом, в чьём деле не раз и не два мелькали взломы очень серьёзных организаций. Однако, его деятельность этим начиналась и тем же заканчивалась, никак не объясняя чистку биографии Чуриной.

Селивёрстова аккуратно и задумчиво вывела коричневым цветом:

Кто же тогда её подчистил? И чистил ли?

Вспышка.

Андрей! Снежана говорила о некоем друге из полиции, не об Андре! Точно! Почему бы в деле не фигурировать ещё одному участнику?

Улыбнулась, чувствуя прилив сил, энергии. Предвкушая разгадку.

Виталина не призналась в убийствах, но её реакция, неоднозначная, на фамилию явственно показала нервозность. Возможно, была и другая причина. Возможно...

Я должна разобраться. Мне следует вернуться в начало. К смерти Ангелины.

Сердце неприятно сжалось от чувства сожаления. Какой бы стервой ни была одноклассница, она не заслуживала смерти.

Итак, Чурина нашла Ангелину. Надо узнать не видели ли её до этого соседи. Она же дала первой показания. Не удивилась новости о татуировке, но не сразу вспомнила о тату мастере. Решила сделать его козлом отпущения потом?

Играла.

Она же рассказала о психопате Мише. Дала наводку? Сообщила о присланной ей руне. Была ли руна?

Александра взяла чёрную ручку — цвет, который сейчас ассоциировался с манипуляцией. Написала.

Чурина предположила о существовании маньяка. Предположила ли? Или ввела в заблуждение, понимая, как легко поверить в такую версию? И версия-то подходила. Ужин, свечи, коробка в форме сердца. Сплошная романтика... И руны, такой обязательный атрибут любого маньяка. Метка, присущая мужскому полу. Реже, женскому.

Перечитала, не веря своим же записям.

Неужели, всё было подстроено? Кто ты, Чурина? Ты совсем не проста и далеко не столь безобидна, как я думала. В этом похоже и заключалась моя главная ошибка.

Детектив ненавидела ошибаться. В её практике такое случалось не часто, и поэтому чувство, полыхнувшее в груди, показалось чужим, неправильным. Но именно оно помогло держать себя в руках и действовать.

Новый лист.

Если это она, я должна всё понять. Лишь так я смогу спасти следующую жертву.

Главную.

У психов всегда есть главная жертва.

И всё же? Виталина умело вела меня по нужному ей сценарию, или это игра Андре, или Андрея, а Чурина жертва? Хотелось бы так считать, всё-таки Виталина...

Приходилось признать, что Чурина вызывала противоречивые и странные эмоции, однако среди них были и те, что вызывали симпатию. Они ведь были так похожи. Обе по-особому воспринимали цвет. Нестандартно мыслили. Обе...

Играли по-крупному.

Только сейчас Александра осознала, насколько изощрённей ум Чуриной, или кем она там является, если догадка верна.

Стало неприятно.

Пальцы схватились за ручку цвета крови. Большие буквы разместились ровно по середине листа:

ВИТАЛИНА РЕШИЛА ПОКАЗАТЬ СВОЁ ПРЕВОСХОДСТВО, НО НЕ ТУ ВЗЯЛ СОПЕРНИЦЫ. Я УМНЕЕ.

У детектива было право так думать, и лист продолжил заполняться новыми предположениями.

Андре не отверг имени Виталина, но противился звучанию фамилии. Не подсказка ли это о том, что я на верном пути? Могла ли Чурина сменить фамилию? Её биография проверялась, но... Андре программист, Андрей полицейский. Вместе они могли «написать правильную» биографию и вбить в нужную базу. И тогда, тогда...

Последними словами, соединившими дугой имя «Виталина» и свежее «ВРАЧ», стали следующие:

Виталина первой упомянула о маньяке, а тот подписался заглавными буквами. Что, если это не прозвище, не имя, а сокращение от...

От чего?

И снова вспышка.

От настоящего имени Виталины.

Александра бросилась за телефон. Ей ответили. Не сразу. Ожидание жалило змеёй и вызывало болезненные воспоминания. Селивёрстова обратилась в Управление по особо важным делам. Не хотела. Не собиралась. Избегала до последнего. Но всё-таки набрала хорошо известный номер.

Дима... Почему ВРАЧ упомянул его? Неужели, исчезновение как-то связано с Чуриной?

Она заставила себя не думать о плохом, исключить все мысли о любимом мужчине. Сосредоточиться.

Наградой стало везение. Впервые за время расследования ей повезло. Полицейского Андрея уже нашли. Это никак не было связано с Чуриной. Он попался на другом деле которым занималось управление. Повезло и в другом: он согласился сотрудничать и сообщить контакты всех работодателей. Их оказалось немало.

Александра не желала делить будущую славу с управленцами, тем более что там над ней многие посмеивались после злополучного дела с «Собирателем» и, кроме того, считали виновной в уходе Соколова, и поэтому ни словом не обмолвилась о Чуриной. Сослалась на Власовых. Будто они её наняли покопаться в деле. Наврала с три короба. Конечно, в Управлении проверят, но с этим она разберётся.

Потом.

Главное: раскусить Виталину. Или подтвердить её непричастность.

Вскоре чистая биография Чуриной оказалась у детектива. Информации было предостаточно, хотя и оставались пробелы, неясности. Вопросы.

Например, кто следующая жертва, и куда пропала мать Виталины. Но то, что сейчас выходило, однозначно, больше напоминало правду.

— Ловкий ход, — хмыкнула Александра, закрывая документы, переданные почтой. — Я ведь даже не рассматривала женщину как потенциального убийцу. Дура. Не занялась психопаткой вплотную, — сокрушалась, набирая скорость по коридору. — Скольких смертей мы бы избежали? Поверила. Считала жертвой. Почему? Потому что...

Ответ озвучивать не стала. Он встал комом поперёк горла. Не Чурина, вернее, Чирина

оказалась гением. Она, Селивёрстова, оказалась слишком наивной. Невероятно, но факт. Её облапошила какая-то богатая психичка.

Селивёрстова ворвалась в допросную, не замечая потускневшего Андре и недовольного Рукавицу.

— Я знаю, кто такая Чурина!

— У нас труп.

Произнесли одновременно.

— Юлии Пилютиной?

— Проскуровой, — невесело ответил Рукавица. — А следующей будет Римская.

— Что?

— Я здесь всё написал, — отодвинул лист Андре.

— Потом объясню, — Рукавица взял листок, пробежался глазами. Потянул за собой Александру.

— Надо её предупредить! Что-то сделать!

Дверь закрылась.

— Успокойся, Саш. Я уже выслал наряд к дому Чуриной.

— Чирина! Она Чирина!

— Мы возьмём эту дрянь, не волнуйся, — прошипел Рукавица

— Я предупрежу Римскую.

— Осторожно. Дрянь чертовски умна. Римская не должна себя выдать. Наша убийца совершенная психопатка.

Глава 46

Вита нервничала. И это мягко сказано. Всё её естество тряслось от страха. Она была уверена, что ничем не выдала себя детективу, но всё равно вспоминала диалог с содроганием. Что, если она прокололась? Что, если прокололся Андре?

Час она сидела в комнате. Час выслушивала просьбы Снежаны поговорить. Сотню раз объясняла, что ей нужно побыть наедине с воспоминаниями. Отчасти говорила правду. Она действительно вспоминала, но ни родителей, ни детство. Своё желание отомстить, расквитаться со Снежаной. И почему-то глаза кошки из квартиры Власовой, морду псины из дома Гольцевых.

Животные точно предчувствовали. Нет. Они знали.

И эта мысль больше остальных не давала покоя. Как будто звери могли как-то её выдать. Будто, были способны помешать её планам.

Но сидеть вечно и переживать, запершись в комнате, Виталина не могла. Прикрывая истинные эмоции мнимыми переживаниями и, уже придумав отличную легенду, Чирина вышла из укрытия.

Снежана потянулась обниматься, и сердце Виты вновь дрогнуло. Вынуждая себя вспомнить «зачем» и «почему», она отодвинула подругу и через силу улыбнулась.

— Что-то мне беспокойно, Снежанка. Знаешь, детектив так и не позвонила, а Миша... Да, он боится полиции и, наверняка, не опасен, но у меня какое-то нехорошее предчувствие. А, вдруг, он всё же решится?

— Ч-что ты такое гово...

— Я сама трусиха, но чёртов таракан не выходит из головы! Понимаешь? К тому же... я не хотела тебя расстраивать, но сегодня мне на телефон пришло сообщение с угрозой.

Снежана прикрыла рот ладонью.

— Меня просили оставить тебя в покое, иначе... — Вита сглотнула.

— Что же... как же... Виточка... — Снежана вновь обняла Чирину. — Это всё из-за меня. Ты здесь ни при чём. Я не хочу, чтобы ты пострадала. Я... я лучше уеду. Одна.

— Нет! — сжала её ледяные дрожащие руки Виталина, — я не оставлю тебя одну! Ты мне как сестра, слышишь? Мне страшно здесь, в этой квартире, ведь он о ней знает, но это пройдёт. Прости. Я тебя напугала. Мы что-нибудь придумаем. — Опустила глаза, шмыгнула носом.

— Если дело в квартире, то давай уедем на дачу прямо сейчас! О ней он не знает, раз я не знала. Давай?

«Сработало», — мысленно хлопала в ладоши Вита. Улыбнулась. Подняла глаза.

— Ты так хочешь?

— Да.

— Хорошо. Я вызову такси, только...

— Что?

— Я не хочу ехать в страхе. Может, мы изменим внешность?

Снежана удивилась. Промолчала.

Виталина спешно принялась врать, зная, что её слова уже никто не проверит.

— Ангелу нравилось играть роли с мужчинами. Ты же знаешь, она была безбашенной.

Снежана кивнула. Ангелина действительно была немножко сумасшедшей.

— У неё была пара париков, и я их забрала после... — сделала паузу, — чтобы менты ничего такого не заподозрили. Они могли подумать совсем не то и пристать к её маме с ненужными вопросами, а тревожить Светлану Ильиничну из-за этого... В общем, я спрятала парики.

На самом деле Светлана Ильинична ей нравилась. Чем-то напоминала мать. Ту Убитую. А парики носила не Ангел, а сама Чирина, но об этом, конечно, Снежана, знать не должна была.

Пока.

— Спрятала? Но... — Снежана задумалась. О подобном она не предполагала и чуть-чуть тревожилась. Ей не нравилось то, что подруга скрыла парики от полиции.

— Да, я сделала неправильно, каюсь, — в миг подхватила Виталина, словно, прочитав Снежану. — Но, тараканы вездесущие, я хотела как лучше! Я за тебя волнуюсь, Снежанка! Ты передумала ехать? Ладно. Я... — и быстро пошла к той самой комнате. К своему царству.

Снежана испытывала неловкость. Подруга старается ради неё. Старалась ради Ангела... А она ведёт себя неблагодарно. Так неправильно.

— Вит, не обижайся! Я... я просто растерялась.

Чирина обернулась.

— Едем?

— Едем.

— Это правильное решение. Нам обеим там будет лучше.

Александра передумала звонить. Рукавица прав. Римской нельзя сообщать правду. Она перепугается и точно себя выдаст, и тогда они уже точно не смогут её спасти.

Не успеют.

Банально, но это правда.

Быстро прокрутив в голове недавний разговор с убийцей, Александра поймала себя на

новой пугающей мысли: что, если Чирина тоже догадалась? Вдруг, она уже покидает город?

Своими опасениями она хотела поделиться с Владимиром Андреевичем, но в этом отпала необходимость. Он оказался дальновиднее: все посты города уже ловили автомобиль Чириной, тот самый красный кроссовер фирмы «Фольцваген», забравший из тюрьмы Розгина.

Ниточки понемногу сплетались в узор.

Селивёрстова рассматривала все ходы, предполагая худшее: они могли взять такси, уехать на попутке. В конце концов, не исключено, что есть ещё один сообщник: Чирина довольно ловко собирала вокруг себя мужчин. И к тому же она могла поменять внешность, заставить тоже сделать Снежану. Мнимая и доверчивая Римская повелась бы на любую уловку. А, значит, ей всё же стоило знать об опасности.

Сама детектив позвонить не могла. Это точно выбило бы женщину из равновесия. Выдало. Поставило под смертельную опасность, если они, конечно, не опоздали.

Но никто не мешал обратиться к кому-то ещё. Например, к тому, кем Снежану дорожила не меньше подруги Чириной. К тому, кто способен был на неё повлиять. Или — Селивёрстова схватила телефон — хотя бы внести сумятицу в планы убийцы.

А время неслось. Неумолимо. Неизбежно.

Рукавица, не скрывая нервозности, раздражения и злости, дополнял указания, сообщая, что Чирина и Римская могут выглядеть совсем по-другому, а Селивёрстова слушала гудки.

Снова.

И снова.

Свободу Марк не ощущал. Он и во времени совсем потерялся. Сколько пробыл там, в угрюмых стенах, не зная, выпустят или нет — не знал. Съёмная квартира, где он жил до знакомства со Снежинкой, — оставил помещение, на всякий случай — встретила холодом и безразличием. Возвращаться на квартиру к любимой боялся. О бывшей жене даже не думал.

Может, и прошло совсем немного времени, однако, одиночество он вкусил в полной мере. Понял, как не хватает человеческого тепла. Женской любви. Её любви. Не жены, нет. Снежинки. Его милой запуганной девочки с кучей комплексов и тараканов.

Было желание сразу же позвонить, прокричать о чувствах, броситься к ней, заключить в объятия и не выпускать. Защитить от всех тревог и опасностей. Показать, что рядом с ним ей нечего бояться.

Марк не сомневался: психа, что убил Ангелину, поймали. Если всё же нет, идут по следу, и Снежинке не о чем беспокоиться. Верил и в то, что Михаил, этот подонок, причастен он к произошедшему или нет, подох в одном из вонючих переулков.

Но Марк не был уверен, что любимая простит. Ещё меньше — в том, что захочет быть с ним, и эти мысли каждый раз останавливали его, когда пальцы поглаживали фото Снежинки, собираясь нажать вызов.

Трус, — ругал он себя, понимая, как бывшая жена права. Он слаб, а женщины любят сильных мужчин.

Наверно, Снежинка его не простит.

Он вспоминал все дни, проведённые с любимой. Короткие ночи в постели с Ангелиной.

И ненавидел себя за то, что позволил Ангелу сломать его счастье.

Позволил он. Она не была виновата. Наконец, он это осознал.

Женщины вились вокруг него, а он хотел лишь одну.

Незнакомый номер на экране. Сердце Марка ухнуло вниз. Страх и радость сплелись тугим комом. А, вдруг, это его Снежинка? Но почему номер незнакомый?

В голове молниеносно пронеслись все самые жуткие страхи, испытанные за последнее время. Он вспомнил перепуганные глаза Снежинки, её руку с зажатым цветочным горшком. Живо представил, как тот попадает не в стену, а в его голову. Следом увидел бледную дрожащую Снежинку. Она плакала, запираясь в комнате. А в ванне, за шторками с бегемотами лежала мёртвая Ангелина.

О дочери подумал в последнюю очередь. И за это возненавидел себя ещё больше. Ведь могли звонить из больницы. Вдруг, болезнь вернулась, а везение... закончилось?

Телефон замолчал и снова ударил любимым до этой секунды роком. Сейчас мелодия отчего-то пугала.

Трус, — с отвращением подумал Марк и всё-таки взял мобильный.

— Ареев! Марк!

Голос был смутно знакомым.

— Это Селивёрстова. Александра Селивёрстова. Детектив.

Он испытал отвращение. Ему совсем не понравилось то, как следак говорил с ним на допросе. Марк решил, что все такие же и собрался отключить связь. Уж за это-то посадить не могли.

— Марк, Снежана в опасности! — закричали в трубку.

Он вмиг забыл о своём отношении к полиции и прошептал — голос внезапно охрип.

— Что с ней?

— Нет времени объяснять. Заставь её встретиться. Убеди, что тебе... не знаю... нужно что-то передать, показать. Что угодно. Придумай! Главное, чтобы ты знал, где она. И знала я.

— Хорошо. Но она навряд ли захочет меня...

Экран поблек. Марк погрузился в тишину. Осознание того, что Снежинка в беде, пришло запоздало, но попало сразу под дых, лишив возможности дышать.

Пальцы нервно коснулись фото, спустились к «трубке».

Его Снежинка в опасности. Он не мог сейчас быть трусом.

Виталина чувствовала нарастающую панику. Всё, слишком всё шло хорошо. Либо она гений, либо её планы скоро нарушат. Умна ли Селивёрстова? Судя по информации от её людей — да. Но и столь же самонадеянна.

Держать себя в руках. Не поддаваться. Успокоиться.

Слова, произносимые лишь в мыслях, не помогали.

Снежану она отправила в комнату собирать вещи. Ободрила, поиграла в заботливую подружку, наврала, будто есть время, а его не было. Сама заперлась в комнате, полезла в тайник, достала всё необходимое, вынесла в гостиную, тщательно заперла дверь в своё царство. Вцепилась в телефон.

Тревога не отпускала. Виталина решила сменить внешность прямо в машине. Опасалась, что с минуты на минуту сюда нагрянут. Вроде поводов так думать не было и всё же... Она не могла рисковать.

Договорившись обо всём с помощником — хорошо иметь несколько верных людей, — направилась к Снежане. Попросила взять остатки еды в дорогу: она вроде как забыла, а путь не из близких.

Снежана вышла из комнаты, Вита сразу потянулась к мобильнику. Не своему,

«подружкиному». Выключила. На всякий случай. А затем убрала в сумочку. На собственном высветилось сообщение: «За поворотом». Чирина улыбнулась.

— Такси приехало! Идём!

Вот теперь стало спокойнее.

Намного.

Упаковывая сдобу, Снежана начала нервничать. Подруга сказала, дорога дальняя. Нехорошо. Снежана крикнула про что-нибудь мятное и, получив ответ, полезла в шкафчик. В пути её могло укачать. Когда они с будущим мужем ездили на дачу к его родителям, её так шпормило, что потом пришлось оплачивать чистку салона в такси. Подобного конфуза повторять не хотелось. Добрая Вита разрешила взять не пару леденцов, а всю упаковку. Снежана испытывала неловкость, но рисковать не решилась.

— Готова? — спросила Вита, стоя в проходе. — Машина уже подъехала.

— Сейчас, только мобильный возьму. Ты его не видела? Я на кровати оставляла. Вроде.

— Не видела. Давай искать. Только быстро.

Две пары рук зашарили под подушкой, на полках.

— Посмотри в своей сумке, — предложила Вита, свою прижимая к груди.

Снежана пожалала плечами, так и не обнаружив пропажу.

— Ничего не понимаю. Я же его здесь оставляла. Куда он подевался?

— Я тоже часто теряю. Положу в одно место, а думаю, что в другое. Наверняка, ты его закинула в одежду и забыла. На месте найдём. Пошли.

Снежана засунула руку в пакет. Чирина гаркнула:

— Да что ты прицепилась к этому чёртовому таракану? Мы же опоздаем!

— Опоздаем? Нас кто-то ждёт на даче? — Снежана остановилась и смотрела прямо в глаза Виталине.

— Да я про пробку. Никто не ждёт, — мигом нашлась Чирина. — Близится вечер. Поздно выйдем и только к ночи приедем. Ехать далеко, забыла?

— Но я должна найти телефон, — Снежана вновь опустилась на колени.

— Хорошо, — плохо скрывая нервы, брякнула Чирина. — Давай так, я поищу, а ты начинай одеваться. Договорились?

— Ладно... — неуверенно произнесла Снежана. — А может...

— У меня счастливая рука, — улыбнулась Виталина. — Отнеси пакет и одевайся. А я сейчас всё найду.

Снежана только успела натянуть правый сапог, как подруга радостно сообщила:

— Нашла! Ну ты, Снежанка, и растяпа. Завернула мобильник в свитер. Наверно, думала о чём-то другом, да?

Снежана улыбнулась и ничего не ответила. Она действительно думала совсем не о вещах — о Мише и светлых днях, проведённых вместе; о ночах, пропитанных слезами и непониманием: куда ушла любовь? Где тот мужчина, с которым она была счастлива?

В бывшем муже как будто уживались сразу два человека.

— Всё, не волнуйся, Снежанка. Выходим.

Автомобиль ждал не у подъезда, а через два дома.

— А почему он так далеко припарковался? — смутное беспокойство покусывало сердце.

— А-а-а водитель там высаживал клиента и предложил нам подойти. Погода хорошая. Я

подумала, а почему бы и нет? К тому же бабки ругаются, когда у моего подъезда видят такси. Выслушивать их бубнёж перед дорогой нет никакого желания. Нам ведь какая разница, где сесть в такси, правда?

Снежана кивнула. Вита как обычно права. Погода приятная. Не метель, а мягкий снежок. И совсем не холодно.

— Потеплело, — заметила она, вслед за Чириной прибавляя шаг.

— Да, хорошо. Но давай побыстрее. Погода погодой, а пробки никто не отменял.

Сели в машину. Водитель тронулся. Чирина открыла пакет.

— А теперь пора перевоплощений.

— Спасибо, — прошептала Снежана. — Ты столько для меня делаешь.

— Пустяки, Снежанка. Любая на моём месте поступала бы также.

Глава 47

Александра с Рукавицей неотрывно следили за экранами телефонов, ожидая новостей с постов ГАИ. Но, как назло, стояла гнетущая тишина, не предвещающая ничего хорошего. Когда оба начали отчаиваться, в кабинет ворвался Анюхин. Несмотря на значительный возраст, он был полон сил и бодр. Плюхнул на столешницу папку с документами и зачастил.

— Я столько лет изучаю почерки, но с таким сталкиваюсь впервые. Удивительная работа, молодёжь, удивительная! Вы только посмотрите какие знаки, петли. Вы помните мои уроки? Почерк — это отражение...

— Пожалуйста, без лекций, Кирилл Андреевич, — скривился Рукавица. — Я вас очень уважаю, но хотелось бы побыстрее к истине. Вы что-то обнаружили?

— О, да! Целое открытие! На этом свете ещё есть те, кто способен меня удивлять. Сашенька, — улыбнулся детективу, — ты меня удивляешь каждый раз.

— Кирилл Андреевич, — напомнил о срочности Рукавица.

— Да-да, конечно. Прошу прощения. Я весь в эмоциях. Итак, товарищи, дневник Власовой, действительно принадлежит Власовой, но отнюдь не все записи в нём сделаны жертвой. — Почерковед гордо вздёрнул подбородок, довольный произведённой реакцией.

Присутствующие обменивались удивлёнными взглядами.

— Кирилл Андреевич, если вы решили пошутить, то невовремя, — заметила Александра, припоминая, как старичок устраивал ей проверки на первых порах работы в полиции.

— Никаких шуток. Различия весьма и весьма тонкие. Заметить их очень и очень непросто, но от глаза специалиста подобное не скрыть. Некто из всех сил пытался скопировать почерк Власовой, однако, собственную индивидуальность никуда не убрать. Особенно это заметно в последних записях. Неизвестный, начиная с середины дневника, словно, расслабился к концу. Возможно, торопился. Не знаю. Но факт остаётся фактом: он себя выдал!

Анюхин опустил на вовремя пододвинутый ему Рукавицей стул. И вновь все замолчали, переваривая услышанное.

— Зачем? — только и молвил Рукавица, доставая сигарету. Задумчиво подошёл к окну, приоткрыл. Дымное колечко полетело в небо, но его безжалостно схватили клочья снега, поглощая, поглощая. Метель вновь усилилась. Рукавица подумал, что непогода может сыграть им на руку. Приободрился.

— Полагаю, кто-то хотел, чтобы Власову считали нездоровой, — предположил Анюхин.

— И этот кто-то был близок с Власовой, — подхватила детектив. — Чирина?

— И на кой ей это надо?

Александра пожала плечами.

— Сашенька, на этот раз ты ошибаешься, — виновато улыбнулся Анюхин. — Почерк, однозначно, принадлежит не женщине. Писал мужчина.

— Кирилл Андреевич, не томите. Хоть какие-то подсказки есть, хоть что-то? — недокуренная сигарета полетела вниз.

— Конечно, есть. Не подсказки, а полный портрет. И с этим мужчиной мы уже сталкивались, правда по мелким делам. Мошенничество, в основном. Этот субъект пользуется женским расположением для того, чтобы поправить собственное финансовое положение. Он...

— Бурин! — выкрикнули Рукавица и Селивёрстова одновременно.

— Бурин? — детектив засомневалась. — Разве парня своей дочери Власов не проверял?

— Проверял, — нахмурился Рукавица. — Проверял...

Телефоны ожили синхронно, и так же синхронно посыпались неприятные новости. Машина Чириной не покидала пределы Питера. Более того, её не поймал ни один пост ГАИ. Кроссовер стал невидимкой. Женщины, похожей на Чирину, так же никто не видел.

— Вот чёрт, неужели упустим? — пропустил пару крепких словечек Рукавица и вновь потянулся за сигаретой.

— Ну уж нет, Владимир Андреевич. Я прямо сейчас поеду к Власовым и всё выясню. Пусть подключают своих к расследованию. Они всё равно хотели.

— Саша, это неправильно. Мы не можем допускать заинтересованных лиц...

— А допустить смерть Римской можем? — грозно перебила детектив, чувствуя необъяснимую жажду мщения. Хотя почему необъяснимую? Она волновалась не столько за Снежану, сколько за Ангелину. Та, кого она всем сердцем ненавидела внезапно стало той, кого она так отчаянно жалела. — Дрянь должна ответить за свои убийства, — уже тише продолжила Александра. — Не знаю, как вы, а я не остановлюсь. Если боитесь бумажной волокиты или проблем сверху, я всё сделаю сама. Как частный детектив.

— Хорошо. Возможно пора признать, одни мы не справимся. Но тогда я сообщу всё и Управлению.

Александра до боли сжала пальцы. Но промолчала.

— Будь осторожна, Саша. Мы до сих пор не знаем, сколько помощников у Чириной и где они.

— Поеду я.

Все трое резко повернулись к двери. В проходе стоял Гольцев. От прежнего парня с задорным блеском в глазах и мягкими, располагающими чертами лица не осталось и следа. Перед ними стоял другой человек. Бескомпромиссный. Жёсткий.

Незнакомый.

— С Власовым должен говорить тот, кого он ещё не видел и о ком не слышал — раз. Тот, кто сможет вызвать доверие — два. Я хочу это сделать — три.

Никто не знал, что сказать. Появление Гольцева стало полной неожиданностью.

Последний пост дал отчёт: никого, похожего на Чирину или Римскую не обнаружили.

Рукавица матернулся. Громко. С чувством.

— Я согласна, — это сказала Александра. — Я поеду вместе с ним.

— Не надо. Я сам.

— Надо. Я лучше читаю лица.

— Хорошо, езжайте, — вздохнул Рукавица. — Я свяжусь с Управлением.

Анюхин поднялся:

— А я вас провожу, молодые люди, заодно расскажу немного о личности этого Бурина.

Ничего нового он не сообщил. Факты, факты, известные и ранее на момент, когда Бурин впервые попал под прицел полиции. Но тогда, два года назад, Александра даже не могла предположить, что столь простая, хотя и скользкая личность, промышляющая обманом богатых наследниц, окажется в эпицентре такого страшного дела. Дела, связанного с чередой убийств. Она и к его «шалостям» не относилась серьёзно. Ни в её интересах заниматься такой мелочью, а теперь...

Тяжёлый вздох вырвался из груди. К сожалению, Бурина она даже не заподозрила. Более того, не вспомнила, услышав фамилию.

Позор.

Анюхин, будто прочитав её мысли, мягко коснулся руки и заметил:

— Сашенька, всего предугадать невозможно. Я вот тоже не сразу распознал почерк, а сколько проработал. Так что... не бери в голову. Сейчас главное найти эту Чирину, верно?

Она кивнула.

Гольцев на протяжении всей дороги молчал. Не обронил ни слова и у собственной машины. Селивёрстова тоже замолчала, едва распрощавшись с Анюхиным. Она не стала высказывать претензий по поводу транспорта, хотя все знали, как она любила общественный и постаралась не замечать фотографии Димы. Та висела на месте принятой елочки-ароматизатора.

Неожиданно.

Подло.

Сердце разрывалось на части от тревоги, от чувств.

— Брат всегда рядом, помогает. Когда я на него смотрю, верю в себя. — Это были единственные слова, сказанные Гольцевым.

Тишина не раздражала. Если не смотреть на снимок Димы, то Александру и вовсе положение устраивало. Она могла спокойно обдумать сложившиеся обстоятельства. Разложить данные по полочкам. Без бумаги. Мысленно.

Гольцева тоже устраивала компания. От Резникова он знал, как нелегко бывает с детективом, но ему повезло. Сейчас всё шло хорошо.

Хорошо.

Слово, ставшее абсолютно чужеродным. Сгинувшее на обочину жизни после смерти сестрёнки.

Направлялись в офис, но позвонивший Рукавица сообщил, что Власов в своём коттедже. Держали путь туда.

Встали в пробку прямо на выезде из города. Оба не удивились. Разозлились. Мысль в голове звучала одна и та же: «Чирина должна ответить. Должна. Я всё для этого сделаю».

Гольцев нервно забарабанил пальцами по рулю. Александра не знала, стоит ли что-то говорить — утешать и подбадривать никогда не умела — и принялась складывать факты.

Снова.

Но всё равно мало, что понимала. Как Чирина связана с Римской? Зачем притворялась другой? Есть ли взаимосвязь между жертвами? Почему Бурин так поступил с Власовой? Знал ли отец, что его дочь не так безумна, как кажется?

Последний вопрос вызывал гамму эмоций. Верить в то, что сам Власов был причастен, не хотелось. Слишком жутко в этом случае оборачивалось дело. Но как тогда объяснить факт подставного дневника? Как отец, весь из себя крутой, мог допустить подобное?

Стояли намертво.

Гольцев особо сильно ударил по рулю. Толкнул рукой фотографию. Та, раскачиваясь, попала на глаза детективу. Александра не сумела сдержаться и взглянула на снимок. Смутное неясное предчувствие забралось в душу и стало наворачивать круги, вызывая тошноту.

— Я боюсь за него, — тихо признался Гольцев. — Где он, почему не даёт о себе знать? — опустил голову. — Я не могу потерять ещё и брата.

— Не потеряешь, — сказать-то сказала, чтобы хоть как-то разорвать опутывающие нити безысходности, но уверенности в произнесённом не чувствовала

Снежана в пути уснула. Спала некрепко. Это был скорее не сон, а какой-то провал в туманность. Она видела себя в квартире Нины. Тёти нигде не было, зато единственный аквариум размножился и тенями пугал из всех углов, из каждого помещения. Каким-то образом он повис прямо в спальне, над кроватью. По словам пожарников, именно в этой комнате и началось возпламенение. Нина спала, когда жгучие языки извивались вокруг.

Говорят, спасти её не было никакой возможности. Всё произошло слишком быстро. Огонь распространялся с бешеной скоростью, ловко и хищно пожирая занавески, мебель. И тётю. Единственного человека, оставшегося после родителей.

В аквариуме плавали гуппи. Снежана приблизилась, протянула руку, прижала пальцы к стеклу, и аквариум внезапно взорвался. Вода шумно заливала всё кругом, при этом не заглушая голоса извне. Снежана различила Виту и, наверно, водителя. Они говорили о рыбах.

Резко открыла глаза, вырываясь из мучительного сновидения. Подруга молчала. Салон убаюкивал музыкой из динамиков. Звучало что-то французское. Никаких рыб. Послышалось?

Чирина была как на иголках. Пробки раздражали всегда, а сейчас особенно. Ей хотелось поскорее покинуть Питер, войти в дом, закрыть дверь.

Выдохнуть.

Снежана спала, хмуря брови. Видимо, ей снилось что-то неприятное. Чирина решила, что там за «подругой» носится бывший муж. Надеялась, что с ножом. Улыбнулась, решив сразу после пробуждения, напугать её ещё больше, напомнив о Михаиле, и впервые подумала: избавилась от него преждевременно. Испытала досаду. Ведь можно было помучить Снежану вдоволь, а уже потом избавиться от обоих.

Новый план: обставить всё, как убийство во время семейной ссоры пришёл запоздало.

«Нет. Буду придерживаться задуманного ранее, — сказала себе Чирина. — Не зря же я столько лет всё придумывала?»

Взгляд на Снежану. Лёгкий укол то ли совести, то ли какого-то другого чувства. Чирина хмуро отвернулась к окну. Она вспоминала тот самый день. Гнев забурлил с новой силой.

По радио запел юный Киркоров. При словах «рыбка моя» Виталину передёрнуло.

— Всё хорошо? — поинтересовался водитель, поймав её недовольный взгляд в зеркале.

— Нет, — прошипела Чирина, — нехорошо. Переключи, к тараканам, это старьё. Ты же знаешь, я ненавижу рыб.

— Рыбы всего лишь рыбы, а это обычная песня. Не стоит...

— Не стоит мне объяснять про рыб! — слегка повысила голос Чирина. — Я не хочу иметь ничего общего с рыбами, ясно?

— У тебя что-то произошло из-за рыб?

— Меньше знаешь, дольше живёшь. Переключи и помалкивай.

Водитель замолчал.

Голос, поющий на французском, вернул Чириной самообладание.

Когда пробка рассосалась, нервы Гольцева были уже на пределе. Воображение рисовало мёртвую Римскую, побег Чириной и собственное лицо, обезображенное злобой. Андрей потряс головой, прогоняя удручающие мысли. Прогоняя неуверенность и страх.

Бросил взгляд на брата и едва не попал в аварию. Какой-то лихач на такси подрезал его и унёсся прочь.

— Что б ты разбился... — не подумав, бросил Гольцев и вжал педаль газа. Он обогнал незнакомца. Потребность восстановить справедливость хотя бы здесь выиграла с удвоенным рвением. Андрей поравнялся с такси как раз в тот момент, когда Снежане стало жарко, и она на мгновение, приспустила парик, только Гольцев в этот момент смотрел на дорогу, а Селивёрстова в противоположное окно.

Глава 48

Плана не было. Андрей с Александрой решили действовать по обстановке, но всё же договорились: он идёт говорить к Власову, она пытается разговорить помощницу Лизу — о той сообщил Рукавица.

Однако, всё пошло не так. Не успели они войти в дом, как услышали выстрел. Александра без оружия, по привычке рванула наверх. Гольцев бросился следом. Помощница, открывшая дверь, только жалась к стене и молчаливо вращала глазами.

В ужасе.

— Говори, паскуда! — орал Власов. — Говори, тварь!

Ни о чём не думая, Селивёрстова пнула дверь ногой.

Пуля пролетела в сантиметре от её лица.

— Дура! — гаркнул Власов уже детективу. — Я мог тебя застрелить, идиотка!

— Не застрелил, — Александра мысленно собирала себя по кусочкам. Сердце скакало бешеной лошастью. Но она должна была держать лицо.

С которым секунду назад едва не попрощалась.

— Скажите! Уберите его! Успокойте! — не кричал — верещал Бурин, привязанный к креслу.

Несмотря на роскошную обивку, в которой тот буквально утопал, комфорта Бурин явно не испытывал. Из разодранной рубашки цвета сливы виднелась тёмно-красная полоса. Детектив бегло окинула взглядом помещение и наткнулась на ремень, висящий с правого подлокотника дивана. А затем увидела и пулю, застрявшую в полу, в сантиметре от кресла с Буриным.

— Что, вообще, за... Вы, вообще, кто? — спросил Власов, опуская пистолет.

— Детектив, спасите от произвола! — выл Бурин, за что получил удар по щеке.

— Заткнись, козлина! Тебе слова не давали! — Власов взглянул на Александру и её спутника. — Детективы, значит? Оба? Надеюсь, от Управления?

— Нет, — решила быть честной Александра, не зная, чего ожидать от бизнесмена.

— Спасите! Я её не убивал! Спасите!

— Заткнись!

— Я всё расскажу! Правда! Честно! — Бурин плакал.

— Твоё признание мою дочь не вернёт!

— Но может помочь спасти другую женщину, — осторожно заметила Александра.

— Мне плевать.

Пистолет взметнулся в сторону Бурина.

— Не-ет! Прошу! Я жить хочу! Это Чирина! Это она всё придумала! Я всего лишь выполнял приказ! Она знала, что Лиля ведёт дневник! Она хотела свести её с ума, а когда не получилось, нашла меня!

— Где? — спросила детектив.

— В Сети. На форуме.

Власов тяжело дышал, но сдерживал гнев.

Пока.

Опустил пистолет. В глазах прочитывалась не только ярость, но и удивление.

— Дальше, — с молчаливого согласия бизнесмена велела Селивёрстова.

Бурин посмотрел на Власова, сглотнул.

— О-она... приказала внести нужные записи. Она думала, вы с женой сами упечёте Лилю в психушку, ведь Лиле реально было хреново! Это был её изначальный план, она всё для этого сделала! Но вы были так заняты своей личной жизнью...

Очередной удар оборвал пламенную речь.

— Ты, скотина, не имеешь ни малейшего права даже заикаться о моей семье.

Бурин сплюнул кровь.

— Вы не имеете права! Я человек... — и снова слёзы.

— Рассказывай, и лучше сейчас, пока детективы здесь. Или тебе больше нравятся мои методы? — положил пистолет на стол, взялся за ремень. Хлестнул по спинке кресла.

Бурин начал молиться.

— Го-во-ри.

Смертельную угрозу в голосе Власова почувствовала даже Александра.

— Я выполнял её приказ, просто выполнял приказ. Она сказала, ей надо отплатить Лиле за унижения. Я был против! Но она держала меня за яйца! Она знала про Ингу!

— Это ещё кто? — Власов поглаживал ремень.

— Девчонка, которая умерла из-за меня. Случайно!

— Это как?

Александра незаметно включила запись диктофона. Гольцев продолжал молчать. Его кулаки были крепко сжаты.

— Я обокрал её, а она... В общем, узнала, полезла драться, и я её... того. Чирина об этом знала!

— И у неё были доказательства? — уточнила детектив.

— Не знаю.

— Так тебя взяли на понт? — усмехнулся Власов.

Бурин не ответил.

— Мне же ничего такого не надо было делать! Просто влюбить Лилю, немного покарябать в дневнике и всё!

— И всё?! — рассвирепел на глазах Власов. — Из-за тебя убили мою дочь!

Ремень ударил по колену. Бурин взвыл.

— Довольно, — попросила детектив. — Пусть сначала расскажет всё, что знает.

— Хрен с ним, — махнул ремнём Власов, — но потом я с ним разберусь. И плевать, что со мной станет.

Обречённость и невыносимая тоска проникли в сердце Александры. Но она сказала лишь одно:

— Подумайте о жене. Она потеряла дочь.

Власов ничего не ответил.

Александра шагнула к пленнику.

— Бурин, обещаю, что из комнаты ты выйдешь живым, если ответишь на все вопросы.

— Обещаете?

— Обещаю.

Бурин всё рассказал: и о том, как полицейский, Андрей, подчистил биографию, и о том, как человек Чириной с ним связался на форуме, дал поручение. В подробностях поведал о знакомстве с самой Виталиной. Сначала она проверяла его, а, убедившись в надёжности, рассказала детали плана. Бурину было велено заниматься Лилей. О других жертвах он и не знал. Не знал он и причины жгучей ненависти.

— Никаких намёков? — не верила детектив.

— Знаю, что они с Лилей знакомы с детства.

— И это всё?

Он кивнул.

— А где Чирина живёт, знаешь?

— Нет. Но знаю, что её родители жили здесь. В «Жемчужине».

Александра набрала Рукавицу, быстро передала информацию. Повернулась к Власову:

— Вы владеете этими землями, значит, знаете жителей. Помогите, выяснить, где Чирина.

— Хорошо. Пойдёмте вниз. Там мой второй кабинет.

— Я развяжу Бурина! — словно ожил Гольцев, наблюдая за тем, как выходят Власов и Селивёрстова. — Идите.

Только войдя во второй кабинет, Александра поняла, зачем он нужен в принципе. Это была не комната, а хранилище компромата. Среди папок с именами она увидела и несколько знакомых. Разные дела. Разные статьи.

— Иногда мы с Управлением помогаем друг другу, — пояснил Власов, плотно закрывая дверь. — Но вы ничего не видели.

Она кивнула.

Пальцы бизнесмена быстро забили вопрос в нетбук. Через пару минут Власов выдал:

— Нашёл.

И тут прозвучал выстрел.

— Андрей... — выдохнула Селивёрстова и бросилась обратно.

Александра успела привыкнуть к парню. Он ей нравился. И представить, что его больше нет, она не могла.

Ворвалась в кабинет и застыла. Мертвец лежал на полу с удивлёнными широко распахнутыми глазами. Но это был не Андрей.

Вбежал Власов и заставил прийти в себя обоих.

— Бурина здесь не было. Труп уберут мои ребята. Уходите.

Александра первой развернулась к двери, потянула Андрея.

Власов ухватил того за руку, тихо произнёс:

— Спасибо.

Гольцев не проронил ни слова.

Помощница Лиза всё также жалась к стене. Она опасливо проводила взглядом незнакомцев и только тогда позвала:

— Го-гоша! Ты в порядке?

— Запри дверь и больше никого не впускай! Предупреди охрану!

— Хо-хорошо.

На свежем воздухе до Гольцева дошло, что только что произошло. Он медленно осел на вычищенную от снега дорожку и закрыл лицо руками. Александре было искренне жаль Андрея, но какие слова подобрать? Она легонько провела по его спине, почувствовав неловкость, а затем сказала:

— Я ничего не видела.

— Да...

— Никто. Ничего. Не видел.

А сейчас нам пора идти. Чирина в этом посёлке.

Андрей посмотрел на Александру. В глазах стояли слёзы.

— Я убийца... — прошептал, скребя ногтями по дорожке. — Я... убийца...

А в это время у соседнего дома остановилось такси.

Глава 49

Две старушки вошли в дом. Дверь закрылась на два замка: верхний и нижний. Об этих предосторожностях Виталина помнила с детства. Мать всегда заботилась о безопасности.

Чирина прошла внутрь, не снимая образа. Вдохнула запах дома. Здесь всё пахло по-старому, так, как она запомнила. И с одной стороны, это было хорошо, а с другой, вызывало в сердце чувства, от которых Чирина столько лет пыталась избавиться. Она поджала губы, сдвинула брови и обернулась к Снежане. Причина всех страданий аккуратно стягивала парик, неловко осматриваясь по сторонам.

Снежана испытывала страх, и тот был вполне объяснимый. В машине Вита упомянула о Мише. Сказала, что ничего не стоит бояться и всё же начала подозревать, что как-то обмолвилась в разговоре о даче. Так и не смогла вспомнить.

Снежана понимала, глупо высматривать бывшего мужа и опасаться теней в углах, но ничего не могла с собой поделать.

Ощущая настрой «подруги», Чирина заметила:

— Если ты переживаешь из-за Миши, не стоит. Не стал же он призраком и не спрятался под шкафом?

— Нет.

— И замки целы. Не бойся. Хотя, конечно, он мог пройти через заднюю дверь. Там замок легко вскрывается.

Снежана обхватила себя руками.

— Этот чёртов таракан на всё способен. Пойду проверю.

— Я с тобой! — вызвалась Снежана.

— Зачем? Осваивайся, располагайся. Сходи на второй этаж, займи комнату.

Снежана не двигалась с места.

— Всё будет в порядке, Снежанка. Я быстро. Одна нога здесь, другая там, — и ушла, оставив «подругу» одну.

Снежана испытывала дискомфорт в незнакомом доме, в одиночестве. С собственными страхами, съедающими душу. И всё же, если представить, что никаких опасностей нет, ей здесь вполне могло понравиться.

Красивая мебель в тёмно-зелёных тонах, незажжённый камин с искусственным цветочным украшением над ним. Рисунки, сделанные акварелью.

Обрамлённые простыми деревянными рамами, они изображали морскую тематику: корабли, приливы, закаты на пирсе, причалы с лодками. Снежана подошла к ближней и принялась рассматривать.

— Всё нормально! Я поставлю чайник! — крикнула Чирина.

— Хорошо!

Снежана немного успокоилась, взяла свои вещи, понесла наверх. А Чирина поставила чайник и полезла в холодильник. К их приезду должны были закупить продукты. Полки радовали изобилием. Что-что, а вкусно поесть она любила. Порадовалась, заметив яблочный сок, идентичный тому, разлитому с тапками-бульдогами. Его тоже можно будет использовать.

Снежана поднялась по лестнице, заглянула в первую комнату, поставила сумку, пакет. Огляделась.

Чирина достала магазинный пирог с мясом, завёрнутый в фольгу, улыбнулась, выкладывая его на широкую чистую тарелку. Помощники должны были прибраться, и они прекрасно с этим справились. Кухня блестела, посуда скорее всего была новой, потому что в последний раз, когда она здесь была, незадолго до убийства Ангелины, она на нервах разбила около десятка тарелок и столько же бокалов. Нервы сдали при встрече с соседкой. Но та не признала в ней Виту из детства.

К её же счастью.

Чирина поставила кружки.

Снежана застыла у рисунка. Он висел над изголовьем кровати и очень напоминал рисунок её собственной матери. Никакого моря. Это была силуэтная композиция: пара на крыше.

— Снежанка! Иди есть!

Нет ответа.

Чирина вспоминала, что помощники должны были убрать с глаз всё лишнее и забеспокоилась. Вдруг, один из них опростоволосился? Вдруг, продуманный план полетит в пропасть из-за чьей-то забывчивости?

Страх потянулся к ней своими щупальцами. Чирина бросилась наверх. Увидела Снежану. Разнервничалась сильнее.

— Ты чего не отвечаешь?

Снежана повернулась.

— Вит, а кто сделал этот рисунок?

Чирина побледнела, но всё же ответила:

— Я. Нравится?

— Да. Очень похож на работу моей мамы.

— Серьёзно? Таракан с тобой! Так не бывает! — надрывно засмеялась Виталина.

— Я тебе сейчас покажу. Её работа хранится у меня в телефоне. Сейчас увидишь. —

Снежана полезла в пакет. — Где же он?

— Может выпал, когда убирали в багажник?

— Выпал? — переспросила Снежана.

— Я позвоню в такси. — Чирина позвонила помощнику и ловко разыграла сцену. — Нет? Не находили? Неужели он выпал у дома? Извините за беспокойство. До свидания. — Убрала телефон. Развела руками.

— Как же... так...

— Не знаю, Снежанка. Но лучше потерять телефон, чем столкнуться с Михаилом правда?

Снежана неуверенно кивнула.

— Ладно. К тараканам проблемы. Давай на кухню. Нам пирог оставили.

— Кто оставил?

И тут Чирина поняла, что проболталась.

Гольцев дрожал и повторял одну и ту же фразу, вновь и вновь царапая ногтями дорожку. У Селивёрстовой не было времени приводить его в чувство, она лишь покачала головой и схватилась за мобильник. За считанные секунды Рукавица получил информацию о том, что в «Жемчужине» дом Чириных, а она узнала о высланном патруле.

— Я только адреса не знаю. Власов...

— Без Власова справимся. Дело взяли в руки управленцы, как только узнали о Чириной. Даже вертолёт задействовали. Богачи, чтоб их... Ради Власовых стараются, а ради кого-то другого... Хрен с ними. Чирину возмём, Римскую спасём, не волнуйся. Сама не инициативничай. Вертолёт скоро будет. — Хотел добавить «не дури», но сдержался.

Селивёрстова ничего не сказала. Связь отключилась. Сидеть сложа руки, в ожидании управленцев, она не собиралась.

Очень вовремя из дома вышла Лиза. Одета в изысканный полушубок, оглядываясь по сторонам, словно опасаясь кого-то или чего-то, она быстро подошла к детективу и прошептала:

— Дом 16. — Кивнула на противоположное здание.

Селивёрстова с трудом сдержала возглас удивления, облегчения и одновременно с тем раздрающего чувства досады. Оказывается, логово Чириной всё это время было буквально под носом, и никто не знал.

— Спасибо, — Александра в благодарность пожала руку девушки.

Лиза вернулась в коттедж.

Селивёрстова отключила звук на телефоне, повернула голову и пару секунд смотрела на мрачный дом впереди, а затем уверенным шагом двинулась к дому № 16, оставив позади замершего Гольцева. Он молчал, пялясь в одну точку.

«Действовать осторожно, помнить о Римской. Не забывать, что передо мной умный соперник. Раскрывать карты сразу нельзя. В то, что я здесь случайно, она тоже не поверит. Что же делать? Как быть? — мучалась она вопросом, стоя у ворот, высматривая в окно Снежану. — Дать сигнал. Предупредить. Намекнуть. Дьявольская муть, ну почему я не взяла оружие?»

Детективу не полагалось иметь пистолет, но, когда Александру это останавливало? Жизнь была слишком непредсказуема, чтобы действовать всегда по правилам, и поэтому оружие было. Она хранила его в доме, перекладывая с одного тайника в другой. На всякий

случай.

«Думай, думай, — злилась детектив, — Думай! Как появиться? Как предупредить Римскую? Чем отвлечь убийцу? Что было в данных? Какое слабое место у Чириной? Какое?»

Под ногами только снег. Белоснежный. Безучастный.

Александра голыми руками слепила небольшой снежок и швырнула в окно, а сама присела, спрятавшись за теми же воротами. Надеялась, вдруг Римская покажется?

Ничего.

Второй снежок тоже ни к чему не привёл. И третий, и четвёртый.

Шестерёнки в мозгу заработали на скорость. Александра отметала одну информацию, мысленно закрашивая чёрным, и искала следующую. Каждая деталь, записанная на бумаге, откладывалась в памяти, и сейчас, раскрашивая воображаемыми красками строки биографии Чириной, той, настоящей биографии, Селивёрстова пыталась найти слово, которое помогло бы сдвинуть ситуацию, безвыходную до приезда подмоги, с мёртвой точки.

«Увлекалась рисованием, любила море. Нет, не то. Не то! Ходила в музыкальную школу, на курсы психологии, играла в любительском театре, работала визажистом. Да где же эта ниточка? Отличница, умственные способности выше среднего. В школе помогала учителям следить за дисциплиной, в институте была старостой на протяжении всех лет обучения. Стоп! — Александра перестала дышать. — Умница, отличница, староста. Актриса... Разыграла всех, даже меня... — почувствовала собственную уязвлённость. — Всё продумала, подготовилась, людей наняла, маньяка придумала. Каждый шаг, каждое действие было спланировано, выверено. Что ж. Хорошо... А как насчёт импровизации?» — Она перелезла через ворота, радуясь, что высотой они сильно уступают власовским и подобралась к окну. Осторожно заглянула.

Никого.

Детектив сложила руки у лица и принялась дышать на стекло. Поверхность медленно запотевала, но вскоре стало ясно: идея неудачная. Как бы Селивёрстовой не хотелось интеллектуально унижить соперницу, а письма на замёрзшем окне оказались не самым лучшим вариантом. Буквы проявлялись и тут же исчезали, оставляя лишь неясное размытие на стекле и чувство неудовлетворённости в сердце. Отчего-то Александра почти не сомневалась, в доме Чириной так же, как в доме её собственной бабушки обязательно очень тепло: работает несколько обогревателей и всегда включена плита. Три или больше кастрюлек пыhtят вкуснейшими блюдами — иначе зачем Виталина приехала именно сюда? — пар от кастрюль создаёт нужную атмосферу для записей на окне. Маленькая Саша помнила, как рисовала на стёклах замысловатые фигуры, в ожидании обеда.

Это было чудесное время.

На этот раз детектив ошиблась. Кухня, а это окно принадлежало именно кухне, не давала нужного тепла, и буквы таяли на глазах.

Александра принялась рыться в карманах, продолжая высматривать Чирину или Римскую. Продолжая изучать обстановку.

Закипающий чайник, к сожалению, повернутый носом к стене без окна; накрытый на двоих стол; уютные стулья в тёмно-зелёных чехлах; лампа-цветок, озаряющая помещение; арка без двери с висящими над ней часами. Часами... Точно такими же, как в квартире Чириной. Совпадение? Интуиция подсказывала: в часах что-то есть. Возможно, они ключ к чему-то.

Задумка написать на стекле какую-либо фразу об одной из жертв рассыпалась без

дальнейшей в ней надобности, и на её место тотчас пришла другая: использовать в послании увиденное.

Александра выудила из внутреннего кармана старую помаду. Она вряд ли бы стала ею пользоваться, поскольку экземпляр был подарен кем-то из клиентов и совершенно не подходил её типу внешности, да и валялся там давно забытый, видимо, с момента одного из сложных расследований, но для записей на окне помада подходила идеально. Ощущая себя победительницей и ни капли не сомневаясь в действиях, Селивёрстова написала:

«Я знаю, что хранят часы», — подумала и дописала. — Знаю так же хорошо, как и ВРАЧ».

Буквы получились непривычно размашистыми и от пробирающего холода корявыми, но читались без труда. Писать зеркально длинные фразы и сложнейшие термины Александра училась давно, по собственной инициативе, пользуясь всё тем же любимым принципом: знать и уметь всё без всяких там «по возможности». Она старалась объять необъятное и у неё неплохо получалось. На неудачах она не заикливалась.

Те же самые строки появились на каждом доступном окне. Идею добраться до второго этажа она благоразумно отбросила. Пожалуй, впервые, действуя благоразумно и понимая, замёрзшими пальцами — и почему не взяла перчатки? — хвататься за карнизы слишком опасно. Слишком самонадеянно. И... стала ждать.

— Кто оставил пирог? — повторила вопрос Снежана.

— Да те, кто ухаживают за домом, пока я в городе! — нашлась Чирина и широко улыбнулась. — Надо же кому-то поддерживать здесь порядок, отгонять воров.

— Да... наверно.

— Пойдём. Нас ждёт вкусный пирог и ароматный чай.

— Вит, позвони мне на мобильный, — тихо попросила Снежана, снова наклоняясь к пакету с одеждой.

— Да ты зря беспокоишься. Найдётся телефон. Вкусный пирог и ароматный чай, — опять улыбка.

— Вит, позвони.

Снежана осматривала комнату. Сомнения по отношению к подруге такие непривычные терзали сердце и душу, буквально выворачивая последнюю наизнанку. В памяти обрывками заскользили воспоминания далёкие, чужие.

Родные.

Снежана потрясла головой, смутно осознавая, что происходящее хорошо, и внезапно налетевшая дурнота — знак вовсе неплохой.

— Снежанка? — забеспокоилась Чирина, обнимая «подругу». — Тебе плохо?

— Нет. Да...

— Присядь, — Виталина растерялась. Подобное в её планы не входило.

Снежана послушно присела, закрыла глаза и вдруг начала вспоминать. Слезы крупными горошинами полетели вниз.

Чирина сделала пару шагов назад, совершенно теряя контроль над ситуацией:

— Э-э-э, таракан с тобой, Снежан, ты чего меня пугаешь?

— Я... прости, Вита... Виточка, прости за всё. Я... вспомнила... Прости...

Виталина побледнела. В лёгких резко закончился воздух. Сколько лет она ждала этого слова. Этого злополучного «прости». Надеялась, верила. Теряла надежду, осознавая, что

никакие слова не изменяют её чувств.

Заставляя себя поверить в чушь самосуда.

Или не чушь?

— Виточка, я...

Всё летело к чертям. Планы, идеи. Каждый шаг, каждое действие, каждое слово, жест. Вся картина, идеальная, прорисованная до мельчайших подробностей, разлеталась в пустоту. Пустоту, оседающую изнутри и ядом расплзающуюся по внутренностям.

Виталина ненавидела Снежану и за это.

— Господи, Вита, я... мама сказала, ты пропала. Тебя не нашли, Виточка. А ведь я помню, как сидела в этом доме, в этой... боже мой, в этой самой комнате.

— В этой?

— Я рыдала ночи напролёт, умоляя тебя вернуться. Я... Виточка... Вита! Вита... — Снежана упала без чувств.

Она лежала на кровати беззащитная и ранимая. Лучшего момента, чтобы осуществить месть и не придумать, но Чирина медлила. Смотрела на лицо Снежаны и понимала, что её саму душат слёзы. Противное ненасытное чувство жалости вновь вытесняло всё иное. Вновь вынуждало задуматься: зачем всё это надо? Не пора ли отпустить?

Сотни раз Чирина ловила себя на этой мысли и давала сотню, две обещаний довести начатое до конца, поэтому, когда просыпались сострадание и неуверенность, она избавлялась от них так, как научилась. В детстве ломая куклы, став постарше — причиняя боль. Повзрослев, начала убивать тех, кто как-то обидел, потому что только так становилось легче. Только так возвращались ненависть и жажда мщения.

— *Доченька, у тебя есть я,* — говорила мать. Та. Погребённая под коркой ледяного озера. — *Разве тебе ещё кто-то нужен?*

Мама своей любовью душила, хотя Виталина никогда не была ей родной. Но это лишь подтачивало крепнущую злость в юном сердечке, каждый раз напоминая о той, из-за кого всё произошло.

Снежана. Проклятая Снежана...

Чирина смотрела на родные черты и хмурила брови. Заставляла себя хмуриться. А перед глазами проносились фрагменты детства, и сердце разрывалось от боли.

Чирина бросилась прочь из комнаты, едва не свалилась с лестницы, влетела в кухню, схватилась за нож, мечтая вернуть ненависть, желая кого-нибудь убить. Хоть кого! Зря что ли она столько лет готовилась? И вдруг застыла. Окно пугало надписью:

«Я знаю, что хранят часы. Знаю так же хорошо, как и ВРАЧ».

Виталина задрожала. Нож выпал. А затем Чирина закричала. Неистово. Больно.

Страшно.

Александра увидела Чирину и испугалась. Наплевав на просьбу Рукавицы, локтём ударила в окно, и осколки посыпались на снег.

— Я помогу! — Селивёрстова лезла в окно, понимая, что, если убийца впала в истерику, действовать стоит незамедлительно. — Всё будет хорошо! — лгала она, обрывая об торчащие куски стекла своё фиалковое пальто. — Я рядом! — убеждала Чирину, как учили поступать с безумцами, — я рядом. Ты не одна! — Селивёрстова буквально выпала на пол кухни, развязала свой шарф и тут же подскочила к Виталине. Сделала вид, будто обнимает, а сама обмотала ей руки за спиной. — Где Снежана? Где она?

Чирина рыдала, но не отвечала.

Александра позвала Римскую.

Где-то неподалёку зашумели лопасти вертолѐта.

Часть вторая. Сердце. Глава 50

Загнанный зверь пытается выжить, царапая и кусая врага. Человек от зверя ничем не отличается.

Понимая, что это конец и, давясь уже не слезами, а злостью, Виталина в парике, но без грима, его остатки обнаружили в раковине той же кухни, предпринимала попытки вырваться и нелепо давила обувь противника. Но держала Чирину уже не Александра, а крепкий парень из Управления, и руки сковал не вязанный шарф цвета фиалки, а холодный металл наручников так напоминающий Селивѐрстовой маркер, каким она делала пометки о своих родителях ещё в далѐком детстве, когда пыталась понять, почему мама с папой именно такие.

Парень дѐрнул Чирину и потащил к выходу.

— Ненавижу... — прошипела Виталина, обернувшись в сторону Александры. — Ты всё испортила. Ты заплатишь.

Типичная угроза не подействовала бы на детектива с любым другим преступником — все они включают «жутких мстителей», когда иного не остаѐтся. Но что-то в глазах Чириной заставило Александру занервничать и непроизвольно сделать шаг назад.

После долгих препирательств между главным в Управлении и Рукавицей было всё же решено разделить почести за поимку убийцы. Однако право первого допроса управленцы отвоевали. Они вывели Чирину из дома и повезли к себе, оставив команду Владимира Андреевича копаться в уликах.

— Привыкли быть первыми, — с недовольством заметил Рукавица. Он всё ещё испытывал неприятное чувство из-за того, с какой лёгкостью управленцы достали вертолѐт, как только узнали, кто убил дочку Власовых. — А когда Собирателя ловили, они и пальцем не шевельнули, — не сдержал едкой фразы. — Наверняка, Власов им платит. — Последнее произнёс заметно тише и уже после того, как вертолѐт вместе с Чириной поднялся в воздух.

Александра могла бы подтвердить его опасения, ведь Власов сам ей в этом признался, но не стала. Во-первых, она дала слово бизнесмену, во-вторых, не озвученная правда всё равно остаѐтся правдой. Обошлась цепким взглядом.

— Ты того же мнения, — понял Рукавица. — Хрен с ними. Главное, что Чирину поймали. Кстати, как там Римская?

Александра долго подбирала слова, вспоминая реакцию Снежаны и её первый вопрос.

«Рельсы её отпустили, или она призрак?»

Станный вопрос.

Больше Римская не произнесла ни слова. Она находилась в прострации, когда её, всё ещё загримированную под старуху, вывели из дома, когда Чирина кричала ей вслед «ненавижу», когда предусмотрительно вызванные медики осматривали Снежану в машине.

Римскую увезли для дальнейших обследований, для непростых вопросов.

Александра наблюдала за жертвой и убийцей, ловя смутную, но ярко окрашенную догадку того, что на самом деле произошло в судьбе двух таких разных женщин.

Догадка была невероятной и породила лишь вереницу новых вопросов, но Селивѐрстова не сомневалась: она на верном пути.

Когда подъехал Рукавица со своей командой, чуть позже управленцев, догадка превратилась в уверенность. И дело заключалось не в хвалёной друзьями Интуиции, верной спутнице детектива, отвергаемой Рукавицей, как явление ненаучное, недоказанное. Глупое. Всё вышло на поверхность благодаря находке за часами. За теми самыми, которые привлекли внимание Селивёрстовой. Там был тайник, спрятанный в стене. Именно он хранил все секреты Чириной, и как позднее оказалось, секреты Римской.

— Так как там Римская? — повторил вопрос Владимир Андреевич.

— Не пострадала. Сегодня. — Сделала уточнение Александра.

— Говоришь загадками.

— Она пострадала давно. И похоже не она одна.

— Саш, давай без этих твоих закидонов.

Александра ухмыльнулась, подошла к столу, где криминалисты бережно упаковывали улики. Много улик. Указала на детский рисунок.

На старом потрёпанном и давно пожелтевшем листе были две девочки с одинаково тёмными волосами цвета каштана, в одинаковых ярко-розовых платьицах. Любовно прорисованные на платьях кружева местами протёрлись до дыр, как будто художник снова и снова раскрашивал эти места. Лиц у девочек не было, только пустые овалы и чёрные бусинки глаз. Руки и ноги заменили длинные удивительно ровные палочки.

— Думаешь?.. — закурил Рукавица, рассматривая рисунок.

— Есть и другие доказательства, — вздохнула Александра.

Снежана сидела у автомата с кофе. Допрос закончился, вопросы в голове остались. Из всего водоворота произнесённых полицейскими слов она поняла лишь одно: её сестра жива. И это было главным. Она совершенно не представляла, каким образом так вышло, где, почему Вита скрывалась все эти годы и по какой такой злой шутке собственная память отвергла существование сестры. Милана Георгиевна, психолог с идеальным макияжем, наверняка бы сказала, что это некий защитный механизм, что это сработал какой-то подсознательный заслон.

Заслон...

А ведь когда на приёме Снежана рисовала идеальную жизнь с мужем, превращая побои в бурные ночи, а колючие слова и оскорбления в цветы, психолог её действия тоже назвала заслоном.

— *Вы замещаете страдания иллюзией счастья,* — сказала она тогда.

Снежана ничего не ответила.

Мимо автомата проходили люди. Сотрудники в форме, охранник, женщина с плачущей дочерью, а Снежана смотрела на них и не видела.

Её реальность раскололась, разошлась по швам, как старая ненужная блузка. Рассыпалась.

Она думала, что жизнь разделилась на «До» и «После» с появлением двух мужчин: Миши и Марка, но теперь понимала — ошиблась. «После» наступило лишь сейчас, когда сестра вернулась. Когда плохое осталось позади.

Наверно.

Раз сестра жива, теперь всё будет хорошо. Они будут вместе, как раньше. Вдвоём всё по плечу.

Люди сновали туда-сюда, о чём-то разговаривали, а она сидела статуей и теряла связь с

настоящим, погружаясь медленно и верно в воспоминания. В прошлое.

В детство.

Снежана вспомнила старую квартиру. Кремовые обои в мелкую полоску, два кресла, прохуdivшийся диван с вишнёвым покрывалом, чёрно-белый переносной телевизор, большой стол у окна. Это была гостиная. Детских у девочек не было, и поэтому они играли здесь. Раскладывали на столе пупсов, отправляли их в путешествие. Для этой цели служили коробки из-под обуви. Путешествие или убранство дома зависело от того, как раскрасить коробку. Снежана, как и мама любила море. Её коробки всегда отличались синевой дна, яркими силуэтами рыбок и большим количеством жёлтого, оранжевого — много света, солнца. В фантазии Снежаны пупсы всегда отправлялись куда-то в тёплые края. Унылую погоду Ленинграда она не любила.

А Вита...

И как она могла всё это забыть?!

Вите всегда не хватало воображения. Она не могла раскрасить коробку зелёным и представить траву. Ей было необходимо добавить предметности: настоящую мебель, ну и что, что ворованную у соседской дочки, жившей на той же лестничной площадке; животных притащить из садика, пока никто не видит. А когда наскучит «путешествие» пупса — выбросить за ненадобностью и врать, будто она и не видела всех этих игрушек. Виту не волновали слёзы соседской дочки, не тревожили крики мамы и недовольство отца. Она всегда была у себя на уме и казалась немного странной, словно, не от мира сего.

Снежана вспомнила, как часто папа говорил, что с Витой не всё в порядке. Вспомнила и рисунки сестры. Всегда мрачные и непонятные. Красные каракули, чёрные пятна. Художница из Виты была так себе.

Но всё равно Снежана любила сестру несмотря ни на что и даже после того, как Вита напугала её страшилкой про рельсы, а Снежана описалась.

Рельсы...

Снежана боялась и их, и живущих там призраков, но всё же как-то раз сестра уговорила её пойти и посмотреть.

— *Одна я боюсь, да и мама не отпустит. Разве ты не обещала всегда быть рядом?* — надувала щёки Вита.

— *Обещала.*

— *Тогда пойдём. Я слышала, что призраки исполняют желания для тех, кто их не боится.*

— *Витка, это глупо.*

— *Сама ты глупая! Я тогда одна пойду, а тебя пусть мама ругает!*

И Снежана, будучи старше Виты на два года, пообещала маме следить за сестрой и не разговаривать с незнакомцами. Клялась, что всё будет хорошо.

Снежана вынырнула из прошлого и заплакала.

— *Ты всегда меня во всём слушалась, хотя и была старше,* — читала Александра обнаруженный в тайнике дневник. Это была тонкая тетрадь в клетку с половиной неисписанных листов, наполненная тяжёлыми воспоминаниями. — *В тот раз ты тоже послушалась. Я точно не помню сколько нам было. Семь и девять, примерно. Меня всегда тянуло на приключения, к неизведанному. Призраки, мёртвые — любимая стихия. Я любила читать мрачные сказки и рисовать страшилки, а ты, сестрёнка, меня не понимала. Ты*

боялась и думала, что мои ужастики способны тебе навредить. Помнишь?

Однажды ты заплакала, увидев, как я рисую окровавленную девочку и сразу побежала жаловаться маме. Но я тоже заплакала, и тогда ты остановилась у двери на кухню. Ты меня пожалела.

Поверила.

Но я и не врала, Снежанка!

В детстве я тебя никогда не обманывала.

На железную дорогу я тебя повела не для того, чтобы напугать. Хотела, чтобы ты убедилась: призраки не страшные и совсем не опасные. Они не причиняют вреда, если их не обижать.

А потом мы увидели её.

Ты закричала, бросилась бежать.

Оставила меня одну.

И не вернулась. Ни одна, ни с мамой. И тогда я поняла: вам всем наплевать на меня странную, не от мира сего, как говорили соседи. Я слышала. Когда приходила вместе с тобой играть к соседке и воровала мебель для пупсов, я слышала, что мама Поли говорила обо мне.

Знаешь, я ведь хотела и Полю убить. Но не вышло. Тебе интересно почему? Потому что как-то раз она увидела, как я прячу в рюкзачок её кофточку. С ромашками, помнишь? Я подумала, а почему бы мне не забрать эту кофточку? У Поли одежды много. Она растёт одна, её балуют. А нас с тобой баловали?

Меня баловали родители. Но совсем другие.

Поля подарила мне ту кофточку, и это было здорово. А ещё она меня не сдала ни своей маме, ни нашей. А ты всегда сдавала. Ты была ябедой.

Пишу сейчас и думаю, ведь ты этого никогда не прочтёшь. Зачем пишу? Не знаю. Хочется поговорить. А с кем, когда всех близких я убила? Твоя очередь тоже настанет.

Потом.

Жаль ли мне? Да, жаль. Но ты обещала быть рядом и бросила.

Клара Евгеньевна оказалась хорошей мамой. Она меня очень любила и никогда не называла странной. Не пугалась моих рисунков и фантазий. Но всё равно оставалась для меня чужой. Родное есть родное, хотя... Ведь наша настоящая мама тоже не была моей. Ты знала? Нет. Уверена, что нет. Вряд ли она тебе рассказывала, что когда-то ей приглянулась брошенная в больнице малютка. Я отказник. Да, сестрёнка, от меня отказались при рождении, а потом отказались и вы. Странная жизнь, неправда ли?

Я хотела найти ту маму, но Клара Евгеньевна убедила этого не делать. К тому же она меня любила всем сердцем. Действительно любила. И мне её было искренне жаль.

Иногда я плачу из-за её смерти. Я ведь убила её не специально. Это вышло... не знаю, случайно. Я... я видела, как лёд проломился, видела, как она уходит под воду и побоялась шагнуть к ней. Побоялась спасти!

Я чудовище?

— Саш, ты в порядке? — Рукавица тронул за плечо, и детектив подняла глаза. — Ты плачешь? — в его голосе было столько удивления, что стало немного обидно. Будто Александра была роботом. Как будто у неё не было чувств. — Не знаю, что ты там нашла такое драматичное, но мы обнаружили список жертв.

Александра закрыла тетрадь, провела пальцем по обложке. Медленно, с

осторожностью, словно, листья могли рассыпаться и затем тихо произнесла:

— Вы нашли список, а я нашла раненную душу маленькой девочки.

— Ты про это чудовище? — брови взлетели вверх.

Селивёрстова промолчала.

Рукавица не разделял мнения Селивёрстовой. Более того он лишний раз убедился в том, что Александре это дело даётся нелегко. Слишком много личного она видит там, где этого нет. Слишком много сострадания к той, кто не жалел никого.

— Не глупи, Саша. Чирина убийца, психопатка, безжалостная тварь. Или ты забыла, сколькими жизнями она пожертвовала? И ради чего? Мести родной сестре? Или удовлетворяя потребность в собственной жестокости? Взгляни на список! — потряс перед её лицом листком, заполненным на треть. — Здесь есть и Васильева, и Власова, и совершенно неизвестные нам жертвы. Какая-то тётя Нина, Алиса, Карина, Леся, Олечка, Викторова Зебра. Продолжать?

Она помотала головой.

— Ты знаешь, кто эти люди? — Рукавица уже кричал. — Очередные трупы! Люди, чьи семьи теперь носят траур! Траур, Саша! Ты посмотри, сколько имён! А если они для тебя ничего не значат, посмотри на Гольцева! Бедный парень! У него забрали сестру, и почему? Да просто так! Посмотри на их мать! Несчастливая женщина сидит на таблетках. Не хочет жить. Не хочет! Понимаешь? А ты жалеешь Чирину?

— Я прочитала достаточно. Это не первая запись. И я не отрицаю её вины. Лишь вижу в Виталине не только убийцу, но и человека. Раненного, несчастного. Одинокого. Я её понимаю. Это всё, что я хочу сказать, — на глаза навернулись слёзы, и Александра быстро стёрла их тыльной стороной ладони.

Рукавица поймал себя на мысли, какая уязвимая Саша. Какая она сейчас маленькая. Тихо заметил:

— А я хочу сказать, что расследование далось тебе нелегко, я это отчётливо вижу. Ты устала и принимаешь всё слишком близко к сердцу. Неправильно, Саша. Я знаю, в твоей голове полно тараканов. Но если ты видишь в вас что-то общее, то это уже клиника. Извини за прямоту.

— Не стоит извиняться.

— Стоит. — Вздохнул. — Я считаю тебя отличным специалистом и верным сотрудником. Да, — ухмыльнулся, — поразительно, но похоже в этот раз мы сработались. И несмотря на это вынужден сказать: ты отстранена от расследования. Никакого участия в допросе, никаких попыток связаться с участниками дела. Ты не работаешь на меня, и приказать я не могу, но, пожалуйста... хоть раз сделай так, как тебя просят. Не вмешивайся. Отдохни, наберись сил, успокойся. Разберись в себе, в конце концов. Сходи к психологу. Возможно, твоя любовь к работе оказалась слишком пагубной, и пора сделать передышку. Саша... — коснулся её плеча. — Когда полицейский сравнивает себя с убийцей, сочувствует и понимает преступника — это сигнал для беспокойства. Всё. Давай дневник и уматывай отсюда. Отдых, Селивёрстова. Позволь себе отдых. К тому же, — бросил взгляд за окно, — скоро Новый год. Чем не повод на время забыть об убийствах? — подарил ободряющую улыбку. — Давай. Я вызову такси.

— Не надо. Я сама.

— Как всегда независимая.

— И как всегда одинокая, — она произнесла это едва слышно, но он услышал.

— Кстати, позвони Резникову. Что-то я давно не слышал о вас сплетен, — улыбнулся, бросив фразу как бы невзначай.

— Я не привыкла навязываться, — Александра вспомнила «побеги» Бриза от разговора, его молчание в трубку.

— Сделать первый шаг — это не навязывание, это желание быть рядом с человеком. Ладно. Я тебе не отец, чтобы читать нравоучения, хотя порой мне кажется, что в человеческих взаимоотношениях мой сын поумнее тебя. Иди. Свободна. — И он отвернулся. Пошёл к ребятам криминалистам, захватив дневник Чириной.

Александра испытывала странное чувство. С одной стороны, ей было обидно. С другой, в словах Рукавицы звучала правда. Возможно, ей действительно нужна помощь. Не психолога, а друга. Того, кто скажет, что всё будет хорошо, и она нормальная. Того, кто сможет её понять.

Александра подумала о Диме. Он её не понимал, но с ним её проблемы измельчались, становились не такими страшными. С ним за спиной вырастали крылья.

Селивёрстова вышла на улицу, глотнула морозного воздуха и зябко поёжилась. Холод пробирался в самое сердце — одиночество хватало за плечи, — и Рукавица так бесцеремонно напомнил об этом.

Поговорить...

Как же ей хотелось поговорить с тем, кто понимает, с тем, кто способен видеть, как она. Ведь человек не рождается преступником. Нет такого гена, который превращает людей в убийц и маньяков. И разве так плохо, если она смотрит на монстров немного иначе? Разве не хуже делить мир лишь на чёрное и белое?

У Александры всегда существовали тысячи оттенков, и сейчас она видела Чирину не в радужных тонах, нет, но и не в густом чёрном. Виталина была для неё ребёнком белого цвета, и в этом цвете, в зависимости от угла зрения, вспыхивали другие краски: тёмные и светлые. Последних было очень мало, но они были, а, значит, Виталина не всегда желала смерти другим.

Не всегда была злым человеком.

Сидя в такси, Александра просматривала записи телефона — снимки страниц, обнажавших душу Чириной.

Серые стены. Неприятные. Они вызывали в душе те самые болезненные эмоции, от которых хотелось спрятаться, убежать.

Которые так хотелось забыть.

Но стены давили. Звали. Вынуждали вспомнить: она ничтожество. Такой её считала семья: и родители, пускай, и не родные, но ведь она тогда об этом и не знала, и сестра. Любимая старшая сестрёнка.

Врунья.

Наверно, менты специально привели в это помещение и заперли одну, чтобы сделать больнее, чтобы вывернуть наизнанку. Что ж... она не поддастся. Она сильнее.

Должна... быть... сильнее.

Виталина ходила из угла в угол и старалась как можно чаще смотреть в окно. Она ненавидела снег, терпеть не могла метель, но сейчас та была милее всего на свете и уж точно милее поганых серых стен.

Виталина хотела плакать.

Воспоминания обрушивались с хорошо известной ей силой — так случалось почти каждую ночь на протяжении целого года. Года, за который она сумела понять, что нужна лишь своим новым родителям. Только они её по-настоящему любили. Она верила им, ведь они её понимали и что намного важнее принимали со всеми странностями.

В том доме не было серого цвета, а в старом он витал повсюду: во взгляде мамы при виде рисунков, в голосе папы. Цвет отражался в испуганных глазах Снежаны. Он клубился в самом воздухе и отравлял радость Виты.

Он означал постоянные сомнения.

В новом доме он не появился ни разу. Она не ощущала его в отношении к ней взрослых, не читала на лицах соседских ребят, хотя с некоторыми из них, например, с Олечкой и Зеброй позже и разладилось.

В том доме, можно сказать, в другом мире ей было лучше. Клара Евгеньевна оказалась, как всегда, права: мама не та, что родила. Мама — та, что всегда была рядом.

И этой мамой стала Клара.

Она же рассказала правду о Снежане и о том, почему Виту никто не искал.

Волны гнева и ненависти схватили за горло. Стало трудно дышать. Лицо сестры в памяти покрылось тем самым серым, ненавистным, отвратительным. Виталина закрыла глаза, и сначала мысленно, а затем шёпотом повторила одну и ту же фразу:

— Ты сказала родителям, что я сбежала, а я ждала, когда вы меня заберёте.

После пяти минут этой мантры стало жечь глаза. Виталина начала представлять Клару, отгоняя непрошенные слёзы.

Первые годы всё было хорошо. Новые родители стали теми, кого ей так не хватало. Но затем Вита вступила в сложный возраст — превратилась из ребёнка в подростка. Первая любовь, несчастная, новые витки непонимания среди одноклассников. Желание отомстить за обиду, сделать больно, возникали всё чаще, а мама Клара никак не помогала. Только обнимала, называла любимой доченькой и дарила новую помаду, платье, лак для ногтей. Больших медведей.

Их было пять. Один крупнее другого. Последний на голову выше самой Виты.

Спустя годы все обратились в разодранную кучу плюша. В хлам, выброшенный в помойку.

Мама Клара покупала всё, что просила Виталина. Отец давал карманные деньги даже когда их было полно.

Да, они её баловали. Любили. Только их любовь напоминала удавку.

А в тот день, когда Вита решила найти первую семью, чтобы сказать, как их презирает всех, до единого, мама воспротивилась, начала ругать, заперла в погребе. И, сидя там, между банок с вареньем, Виталина поняла: даже эта мама её не понимает.

Её никто не понимал.

Надежда быть услышанной растаяла, как поганый снег.

Потом были подруги, давно убитые. И Васильева.

Ангелина продержалась дольше прочих: они были немного похожи. Обе неродные дети, ненавидящие кого-то с детства. У Виты была Снежанка, у Ангелины Александра. На этой почве появились общие секреты. Сначала фантазии на тему смерти врагов — девчонок, превосходящих во всём. Тварей, считавших себя лучше других.

Затем появились планы. Только Ангелина сдалась и даже пообещала сдать Виту в психушку, а Вита продолжала мечтать о мести, но теперь понимала — подруги снова нет. Заставить молчать Васильеву оказалось просто: Ангелина была из пугливых. Скрывалась за высокомерием, улыбкой, наглостью, а сама до чёртиков боялась, что узнают её настоящую. Увидят натуральный нос, не такой идеальный, как привыкли видеть; узнают, что она страдала булимией, потому что, о боже, красавица и просто ангел во плоти когда-то считала себя толстухой и не нравилась мальчикам.

Типичные комплексы, потянувшиеся из детства во взрослую жизнь, помогли держать Васильеву на поводке. В вечном страхе. С всегда одной и той же надетой маской.

А потом появилась сама Александра, и там, в её офисе, когда Вита привычно лгала про убийство Клары, потому что так было проще и сочиняла про маньяка — ВРАЧ уже сложился в голове — она думала, Селивёрстова такая же. Странная. Не от мира сего. Если ей всё объяснить, она поймёт. Мечь свершится, Снежана умрёт. Наступит покой. Но...

Александра начала копаться в биографии, в переделанной, но всё же. Тогда Виталина смирилась. Она решила исполнить свой план во чтобы то ни стало и уничтожить всех, кто встанет на пути. Спасибо мужчинам. Влюблённым, похотливым. Примитивным созданиям. Они ей помогли.

И пусть Андре с Андреем пойманы, оставался ещё один, и он знал: если всё не закончится на озере, там же, где она рассталась с Klarой, что было бы справедливо. Если Вита не выйдет на связь в указанный день, значит пора действовать.

Слёзы всё-таки вырвались наружу. Чирин села в уголок, разрыдалась. Но и сквозь рыдания на губах проскальзывала улыбка человека, чья ненависть была сильнее боли.

«Вы заплатите, — звучала в голове красная, как любимый цвет мамы Клары, мысль. — Вы всё равно заплатите...»

Глава 51

Снежана шла на автомате. Домой, в квартиру, где раньше жила с мужем. А куда ей было ещё идти? Хотела к Вите, но ключей у неё не было.

Вита... Как она могла забыть родную сестру? Бред какой-то...

Лифт отпустила, начала подъём по ступенькам. Как назло, погас свет. Мысли кружили, волновали, тревожили, не давали покоя. Шаги осторожные и не слишком уверенные приближали к цели.

Боялась ли она? Да. Боялась увидеть Мишу, понять, что снова очутилась в ловушке. Но этот страх, по сути, привычный, успевший стать болезненно родным, отступал перед боязнью не узнать правды: что произошло с ней и с Витой? Где сестра пропадала? Почему притворялась другой?

Всё, что говорили в полиции, растворилось, ушло из памяти за ненужностью. Обрывки фраз сохранились, но для неё ничего не значили. Виталинка не убийца. Они все ошибаются. Не могло быть правдой то, что ей говорили. Да и что говорили?

Снежана не хотела об этом рассуждать, углубляться в подробности.

Там всё ложь.

Последняя ступенька. Дверь так близко. Шорох. Взгляд наткнулся на фигуру. Кто-то прятался за углом лифта. Сердце подпрыгнуло. Ногти впились в кожу. Дыхание... Снежана забыла, как это... дышать. Попятилась. Мигом представила, как ОН хватается её, тянет к себе, целует против воли.

Душит.

Своей большой любовью и когда-то любимыми руками.

Нет. Задушить слишком просто. Он не хочет быть вдовцом. Миша хочет быть рядом и вечно её мучить.

Глаза уже видели ЕГО: крупную фигуру в дутой серой куртке. Снежана закричала. Сильно, с надрывом. Но не услышала и писка.

— Снежинка? Бог мой... Снежинка!

Снежана нахмурилась.

— М-марк?

Крепкие объятия, тёплые губы. Марк покрыл поцелуями её лоб, щеки, глаза. И снова крепко прижал к груди.

— Любимая, я сходил с ума. Прости меня, прости... — Снова поцелуй. Нежные и трепетные. Через секунду требовательные и вновь осторожные. — Ты не отвечала, не брала трубку, не открыла дверь. Я... я... я думал, это всё. Я больше никогда тебя не увижу, я... прости меня, Снежинка. За всё прости. За то, что врал; за то, что оставил; за то, что позволил бояться. Прости. Прости!

Снежана была настолько растеряна: не знала, какие слова произнести. Она никак не ожидала его увидеть. Чувства путались, память подбрасывала обрывки их последней встречи. А Марк продолжал, частил с извинениями, и в конце концов, совершенно запутал.

— Когда детектив сказала об опасности, я... я не знал, что делать. Думал, ты не простишь. Всё ещё обижаешься. Боялся, ненавидишь. А когда услышал в телефоне тишину, осознал: без тебя меня нет. Боже... я не знаю, сколько здесь просидел, надеюсь. Я так боялся, что... Милая... Снежинка, Снежиночка, слава богу всё позади. — Уткнулся лицом в её волосы. Шапку она забыла в том доме. — Вита ничего тебе не сделала? Никогда бы не подумал, что она способна...

— О чём ты? — вырвалась из объятий Снежана. — Что ты знаешь о моей сестре?

— Сестре? — он выглядел бесконечно удивлённым. Теперь запутался он. — О ком ты? Снежинка, детектив мне сказала, Вита оказалась маньячкой, она увезла тебя за город и...

— Подожди. Она не маньячка! Что ты такое говоришь?

— Снежинка, я разговаривал с детективом пол часа назад, она...

— Что она? — сорвалась на визг Снежана. — При чём здесь она? Я ничего не понимаю!

— Тише, тише, моя любимая, — осторожно взял за руку, прижал к собственному сердцу. — Успокойся. Давай я тебе сделаю чая с мятой. Хочешь? Ты ведь любишь.

Она послушно поплелась за ним, растеряв все силы.

— Всё будет хорошо, Снежинка, я рядом. И больше тебя не оставлю.

Снежана открыла дверь, впустила его на порог и вдруг поняла: Марка ей не хватало. Сердце, уставшее жить в страхе, готово было откликнуться на его беспокойный взгляд, на тёплые пальцы, крепко сжимавшие руку.

— Только не бойся. Теперь я здесь. Я с тобой. Вместе мы во всём разберёмся. Верить?

Она хотела поверить.

И жутко не хотела оставаться одна.

Марк заварил чай, который напомнил ей детство. Мама тоже опускала сначала лимон и сахар в кружку, заливала кипятком и лишь потом добавляла мяту. Немного. Для тонкого аромата. Снежана уже и забыла какого это пить тот самый чай. Мамы давно не стало, а ведь

только у неё чай получался особый. Снежана так не умела. При муже она даже не заикалась о мяте, ведь он её ненавидел. Называл вонючей травой, вызывавшей рвотный рефлекс.

Марк пододвинул чашку, мягко улыбнулся.

— У тебя ничего нет в запасах, — пожал плечами, — придётся пить пустой, но, если хочешь, я сбегаяю в магазин.

— Нет.

— Точно? Снежинка, мне не сложно.

— Я... я не хочу оставаться одна.

— Конечно. Не подумал. Дурак...

Сначала пли молча. Она боялась услышать гадости о сестре, боялась, что придётся его выгнать. Он не знал, с чего начать, как правильно подобрать слова после совершённого предательства. Однако оба знали: молчание не спасёт, и рано или поздно поговорить придётся.

Этот вечер, плавно перетекающий в ночь, стал для обоих откровением. Тайны, секреты были вскрыты, преграды сломлены. Впервые за долгое время — им казалось прошёл год после расставания — говорили открыто. С обидами, уколами, криком, непониманием, противоречием. Но говорили. Слушали. Пытались понять.

Марк излил всю свою боль из-за разрыва с женой. Он переживал не столько из-за Риты, их любовь давно исчерпала себя, сколько из-за дочери. Жена настраивала девочку против, и он не знал, как это исправить.

Не меньше его волновали и отношения со Снежаной.

Просил прощения за Ангелину и за Виту.

Она не понимала.

Тогда Марк сообщил всё, о чём поведала детектив, без ранящих подробностей — сухими фактами, какие много раз слышал от полицейских на прежнем месте работы. Но Снежана всё равно ударилась в слёзы.

Сердце не верило, а разум... Разум хотелось загнать подальше, а лучше уничтожить, чтобы только не думать о том, в кого превратилась сестра. Это было дико, невозможно больно.

Когда от разговора осталось лишь многоточие, а от сердца пепел, Снежана сама прижалась к Марку, и так они долго сидели в тишине, глядя на снег за окном. В тот миг он понял, что не готов терять Снежану и начал строить радужные планы по знакомству любимой с дочерью. Она поняла: ей не нужен никто, кроме сестры.

Снежана обязана была узнать, что произошло с Витой и с её собственной памятью.

Сейчас её волновало только это.

Александра, надев согревающие носки цвета апельсина, цвета, придающего силы, удобно устроилась на диване и, окружив себя маркерами-помощниками, принялась выписывать отдельные фразы. Отенок выбрала ядовито-жёлтый. Именно он ассоциировался с манипуляцией, а именно в этом детектив и подозревала мать Виталины, Клару Евгеньевну. Даже в тех немногочисленных записях, какие имелись, отчётливо прослеживалось давление на неокрепшую детскую психику. Так, в ранних записях, где буквы ещё были корявыми и сильно падали на правую сторону, что сохранилось и у взрослой Чириной, и в этом старик Анюхин несомненно бы увидел признак крайней импульсивной, нестабильной личности, неоднократно упоминалась одна и та же фраза Клары Евгеньевны:

«Только я тебя люблю. И папа. Ты же знаешь, верно?»

Так же повторялись следующие слова:

«Кто тебя считает самой лучшей? Мама считает самой лучшей».

И постоянно, вне зависимости от ситуаций, как с маленькой Витой, так и повзрослевшей, звучало слово «запомни». Казалось бы, обычное слово: простое непримечательное, но в нём Александра слышала угрозу. Буквы окрашивались тем самым ядовитым цветом.

«Могли ли на девочек воздействовать гипнозом? — задумалась Селивёрстова, жирно обведя красным собственное предположение. — И кем на самом деле была Клара Евгеньевна? И что стало с новым отцом Виты?»

Ответы на эти вопросы нашёл Рукавица, обнаруживший ещё один тайник прямо в полу, за кроватью. Под картиной с силуэтами на крыше.

— Твою ж... — Рукавица выпустил сигаретный дым, отдал находку криминалистам, набрал Селивёрстову. Новая информация никак не отменяла убийств и не делала Чирину лучше, но заставляла задуматься о словах Александры.

Глава 52

Дорога петляла за город, служебная машина, выделенная Рукавицей, неслась сквозь снежную стену. Поднялась настоящая пурга. Видимость была недостаточной, но водитель, сотрудник того же Владимира Андреевича, справлялся с поставленной задачей: он ловко выкручивал руль перед тем, как столкнуться с таким же заблудившимся в метели автомобилем, как и они сами.

Место, куда направлялась детектив, располагалось даже ближе, чем коттеджный посёлок «Жемчужина», однако, непогода тормозила путь, отдаляя желанную цель.

Дорога порядком вымотала и без того уставшую Александру. После разговора с Рукавицей она готова была сорваться в путь сию же секунду. Лишь напоминание Владимира Андреевича о том, какие порядки в нужном им заведении остановили её, вынуждая сидеть в ожиданиях утра.

Ночью Селивёрстова едва ли проспала хотя бы пару часов: терзали мысли и образы, тугими струнами тянулись нервы. Её догадка о манипуляции оказалась верна, однако, детектив и не подозревала того, что ещё скрывает прошлое Чириной.

Стоило закрыть глаза, как перед взором вставали две маленькие девочки семи и девяти лет, две пленницы чужой воли.

Две заплутавшие души.

Злость копилась в сердце Александры. Злость на монстров, игравших чужими судьбами. Злость вынудила согласиться на служебную машину, лишь бы поскорее оказаться на месте. Она же давала силы держаться после беспокойной ночи и притворяться, будто всё хорошо, отвечая на вопросы водителя.

Злость помогала держать привычный образ.

Длинное здание встретило холодным серым фасадом. Заледеневшие побитые скульптуры, бывшие некогда настоящими произведениями искусства, смотрели настороженно.

Александра дала знак рукой, чтобы водитель ждал её в машине, и вошла в здание — частную лечебницу, дом. Его называли по-разному.

Охранник взял корочку, взглянул без особого интереса, сделал звонок и после этого указал на лестницу.

— Лифт только для персонала и пациентов, — обронил зачем-то.

Александра это и так знала.

Второй этаж. Длинный и совершенно пустой коридор. Чистота, режущая глаз, давящая тишина, запах лекарств. Александра постучала в дверь кабинета заведующей.

— Входите.

Крупная женщина в кресле поднялась навстречу.

— Значит, это вы детектив Селивёрстова, — произнесли её полные губы. — Никак не ожидала увидеть здесь кого-либо из представителей закона. Вы ведь сотрудничаете с полицией, насколько меня уведомили.

— Верно.

— Но зачем полиции понадобился наш пациент Чирин?

— Он связан с расследованием, — не вдаваясь в подробности, ответила Александра.

— Вероятно, дело очень давнее, потому что последние десять лет он не покидал этих стен.

— Вы правы, и всё же мне необходимо с ним побеседовать.

Молчание.

— Важность разговора превышает возможные последствия. Вы ведь это хотели бы услышать?

Женщина кивнула.

— Ничего не могу утверждать, — развела руками Александра.

— Ну... хорошо, — после долгого раздумья сдалась заведующая, — но только недолго.

В конце концов, возможно, ваш приезд не так уж и плох. По крайней мере лучше хоть какое-то посещение, чем вечное одиночество.

— Его никто не посещает?

— У него никого нет.

— А дочь?

— Высылает деньги и только.

Александра ничуть не удивилась. Судя по записям, найденным Рукавицей, Чирин была близка с матерью, но не с отцом.

Заведующая вздохнула:

— Так что считайте, у него никого нет. Я вас провожу, только пожалуйста, будьте участливы. Наше учреждение — это не только дом престарелых, здесь оказывают психологическую помощь нуждающимся, поэтому сами понимаете: лишние переживания обитателям не нужны. Они и так брошены, душевно искорёжены. Помните о милосердии.

— Хорошо. Я постараюсь быть максимально тактичной. — Селивёрстова дала обещание, но знала: выполнить его будет непросто. Гнев уже закипал в её сердце. Была душа Чирин или нет той самой искорёженной, а жизнь другой семьи он исковеркал до неузнаваемости.

Человек, сидевший в комнате, мог бы вызвать сочувствие — это был оживший скелет, но никак не Чирин Алексей Дмитриевич, известный в узких кругах гипнолог.

Мог бы, но...

Он пошёл на преступление.

Жена, Клара, мечтала о дочери, но родить не могла. Угнетённое состояние, вечная подавленность превратили её в зомби. Все мысли теперь принадлежали мечте.

Деньги не помогали, хотя их было много — родители Алексея были людьми богатыми, шишками при советской власти — и каким-то чудом сохранили нажитый капитал для сына, а тот в удачное время вложил деньги в недвижимость. Не прогадал.

Но ничто не могло затмить боль Клары. Алексей понимал, что теряет жену, которую любил больше собственной жизни.

Спустя пять лет мучений ему стало казаться, что они оба сходят с ума.

Идея похитить ребёнка возникла не сразу. Были долгие раздумья, поиски, встречи с потенциальными дочерьми. Он подбирал их на сеансах гипноза. В те времена в подобное лечение верили единицы, и всё же находились глупцы, слышавшие от восхищённых бабушек и дедушек о Кашпировском, они-то и доверяли нетрадиционному методу лечения, приводили своих детей.

Среди таких он и встретил семью Римских.

Девочка Виталина рисовала жуткие картинки, воровала, отличалась жестокостью, хотела дружить с нечистой силой и, что самое главное, идеально поддавалась внушению.

Именно её любовь к разным кошмарам помогла составить план похищения — родилась задумка о жуткой женщине, Кларе в гриме, порождении детской страшилки о призраке, живущем на рельсах.

Но сначала...

Алексей «случайно» подружил жену с матерью будущей дочки. Та выведала всё о прогулках Виталины, рассказала Алексею. Не меньшее внимание супруги уделили и Снежане, ведь сёстры всегда были рядом.

Дальше просто. Кларе следовало прийти на рельсы станции «Лигово» — Римские жили через дорогу от железной дороги — спрятать лицо под капюшоном, ждать. Когда девочки появятся, открыть лицо. Снежана испугается и бросится бежать, а Клара заболтает любопытную Виталину рассказами о потустороннем, соблазнит вожделенным исполнением желания, для которого нужно сделать самую малость — переодеться в волшебную курточку. Затем маленький укольчик, взять девочку на руки и сесть в такси, солгать, что дочка устала и заснула, приехать домой.

Вот и полная семья.

Вот и хеппи-энд.

Алексея волновало поведение Виталины, но он был врачом, гипнологом, и не сомневался: все недостатки ребёнка подкорректирует своим умением. К тому же он отлично знал: детьми легко манипулировать.

Когда Виталина «пропала», Алексей стал тем человеком, что помогал в розыске. Он поддерживал Римских на протяжении всего времени. Надеялся: они смирятся. Сколько детей исчезает. Но они упорно продолжали искать.

Клара и Виталина на тот момент уже переехали в «Жемчужину», в дом его покойных родителей. Новые жильцы не вызвали в посёлке вопросов: девочка безоговорочно слушалась новых родителей и не только благодаря гипнозу, но и вранью: Чирины говорили: «Ты потерялась, а родителям с сестрой всё равно. А мы тебя любим». Они даже пошли на уловку и пообещали, если Виталина захочет к той семье, они её отвезут обратно, а пока она погостит в доме у мамы Клары и папы Лёши. В доме, где так много настоящих игрушек.

И всё-таки с прошлым надо было что-то делать. Алексей пригласил в «Жемчужину»

Снежану и её родителей. И пока Клара возила Виталину на аттракционы в город, он под предлогом избавления от ночных кошмаров и чувства вины «подчистил» память старшей сестры, а родителям внушил необходимость постоянного за ней профессионального наблюдения.

«Поработать» с ними тоже пытался, но взрослые оказались устойчивы к гипнозу. Чирину ничего не оставалось, как вечно «сочувствовать» Римским и молить бога, чтобы те ни о чём не догадались. И ещё убедить их не вспоминать о младшей дочери. Стереть из памяти всё, что касалось утраты, дабы ещё больше не травмировать психику Снежаны.

Так без вести пропала Римская Виталина.

Так родилась Виталина Чирина.

Самым сложным этапом с появлением ребёнка в семье оказалась волокита с документами и непрекращающаяся ложь. Клара всё время проводила с новоприобретённой дочерью, тогда как Алексей тратил кучу денег на подкуп сначала одних, затем других, придумывая историю за историей, нередко прибегая к помощи знакомых врачей: те умели выписывать нужные лекарства, чтобы человек стал сговорчивее.

Но и тем приходилось платить.

Чирин потерял всё, что имел с недвижимости. Стал себя ущемлять во всём, пытаясь сэкономить и снова подкопнуть.

Не сойти с ума и не умереть с голода помог левый бизнес. Оказалось, гипноз очень нравится криминальным авторитетам, и Чирин шёл на всё, лишь бы сохранить тайну.

Потому что с девочкой в его дом вернулось счастье.

Александра узнала всё это из дневника, обнаруженного Рукавицей. Исповедь психа, написанная после того, как Клара провалилась под лёд — в гибели жены Алексей подозревал Виталину — её не тронула. И теперь, стоя перед еле живым стариком, она испытывала лишь одно чувство. Омерзение.

Но детектив приехала не за признанием вины — дневник — весомая улика, его будет достаточно. К тому же сверить почерк с документами для Анюхина элементарная задача. Селивёрстова знала, Чирину не отвертеться, старое дело подымут, он за всё ответит.

Приехала она с другой целью.

Александра хотела заглянуть не в глаза монстру, а в его сердце. Если там, конечно, ещё хоть что-то осталось.

Глава 53

Её сломили.

Виталина не желала в этом признаваться: изо всех сил храбрилась, не плакала — все слёзы остались там в помещении с серыми стенами — но, когда её перевезли из здания Управления в другое, провели мимо кабинета, где сидел человек с глазами одной из жертв — поняла. Конец. Ей уже не выбраться. Немного радовало лишь одно: месть не закончена, её продолжат, правда... уже без участия самой Виты.

Тот самый человек — она узнала отца Власовой — прошептал в её сторону одно из слов, оно явно не было комплиментом, и продолжил сверлить взглядом до тех пор, пока менты не завели Виту за угол.

Чирина знала: эти глаза, как и многие другие теперь всегда будут неотступно за ней следить. Такова была кара за её попытку восстановить справедливость, попытку сделать так же больно, как делали ей.

Она почти смирилась с собственной участью, держась за одну-единственную ниточку, та тянулась к хорошему, светлому, алому — любимому цвету мамы Клары, единственной, кто хотя бы пытался принять Виту.

Пытался...

Мысли о крови, страданиях — они придавали сил держать голову прямо, не отводить глаза от осуждающих лиц, половину которых она в жизни не видела. Наверняка, они понятия не имели, что она сделала и почему, но всё равно они уже ненавидели, презирали.

Уже признали её во всём виноватой.

И пусть.

Она сядет, а их страдания продолжатся. Снежана не будет жить спокойно. И детектив... поганая Селивёрстова получит по полной.

Чирина не улыбнулась — оскалила зубы, рисуя жуткие картины расплаты. Мысленно похвалила себя с победой, хотя и не совсем такой, как она ожидала.

А потом очередной коридор, очередная дверь, стул, наручники, охрана за спиной и женщина, вошедшая следом.

— Виточка?

У Чириной перехватило дыхание.

— Сестрёнка.

Сердце заболело.

Снежана присела напротив. Неуверенно поправила волосы.

Виталина готова была провалиться сквозь землю, умереть, в конце концов, только бы не видеть глаз Римской.

Глаз, полных боли.

И любви.

— Ненавижу... — прошептали губы Чириной.

— Прости, — прошептала Снежана, — прости...

На какое-то время установилась тишина, молчаливые упрёки, пожирающие чувства. Рукавица, наблюдавший за сёстрами, мечтал лишь об одном — поскорее упечь заразу в камеру и уже начал жалеть о просьбе Селивёрстовой. Это она после разговора с Чириным убедила его в необходимости встречи сестёр, ведь обе находились в полном неведении, жили мнимой правдой. К тому же они ещё не всё узнали, и Римская могла помочь. Могла, но Снежана отказалась.

Рукавица стоял у зеркала Гезелла — за ним он мог видеть участников в допросной, а они его нет, — и ни на что не рассчитывал. Разговорить убийцу, пускай, и сестру, Римской было не по зубам. Александра ошиблась. Он понимал, зря тратит время. Личные перипетии Виталины и Снежаны его абсолютно не волновали.

Но Чирина заговорила.

— Я искренне жалею, что не убила тебя раньше, — прошипела она, глядя в пол, — не успела довести задуманное до конца. Страшно жалею. И знаешь почему? — Не дав ответить Снежане, продолжила: — Да потому что я тебя ненавижу больше своей дурацкой жизни! Больше всех, кто когда-либо причинил мне зло. Ты самый худший монстр из всех, кого я повстречала, а увидела я их немало. Знаешь, — она всё же посмотрела на сестру, — мне помогали грязные люди: похотливые, жадные. Один был убийцей. Да, убил случайно. Но убил. А зная это, его легко можно было держать за яйца. Ох, простите, — Чирина скривилась, увидев изменившееся лицо напротив, — я оскорбила ваши ушки? Произнесла

что-то неприятное? Какая жалость. А выдержат ли ваши ушки, моя дорогая сестричка вот эту правду? — Она перегнулась через стол и довольно произнесла. — Массажисты всем хороши. У них такие руки. Мне показалось, что один из них может тебе понравится.

Снежана ощущала себя выброшенной на берег рыбой. Ногти до крови впились в нежную кожу ладоней.

— Михаил. Миша. Михаэло. Да. Его я знала именно под этим вариантом. Михаэло Любитель выпить, гульнуть. Парень с замашками тирана. — Счастливая улыбка расплзлась по губам. — Ты была у него не первой. В курсе? Конечно, нет. Ты, Снежанка, не интересовалась его прошлым. Влюбилась по уши, забылась. — Чирина мечтательно вздохнула. — А что? Хорош собой, да ещё и высокий. А какой сильный. Ты ж с юности грезила такими, помнишь? Мои люди наблюдали за тобой, узнавали про личную жизнь. Изучали. Я, понимаешь ли, милая сестрёнка, после того как лишилась мамы, это я сейчас не про нашу дорогую родительницу, а про Клару, ты с ней, кстати, знакома, решила найти тебя.

Побелевшая Снежана слушала. Послушно. Обречённо.

Довольная произведённым эффектом Чирина, рассказывала обо всём с упоением, подробно. Наслаждаясь тем, какие страдания причиняет Снежане.

— Я нашла тебя, — продолжила Виталина, — и увидела, что ты совсем не похожа на страдалицу, потерявшую сестру.

— Я... — начала Снежана.

— Молчи.

И та замолчала.

— Ты жила себе спокойно, и это меня огорчило. А в тот день, когда я услышала, как ты говоришь своей подружке, будто у тебя никогда не было сестры, моё сердце разбилось.

— Ви...

— Я не хочу тебя слушать! Раз пришла, слушай меня! Я столько лет ждала этого момента, так что заткнись!

Снежана заплакала. Тихо. Горько.

Чирина зажмурилась. Слезы потекли по щекам, и от этого стало лишь хуже. Злость, обида, ненависть разгорелись с новой силой.

— В тот день шёл снег, Снежана. Было холодно, очень. Но сердцу было холоднее. Ты бессовестно лгала подруге, которую я тоже убила, что у тебя нет сестры. А я была. Стояла за деревом и не хотела мириться с тем, какая ты дрянь. Клара говорила, вам всем на меня наплевать. Она оказалась права. Я давно это знала. А ты подтвердила. Но раз тебе без меня хорошо, значит, и мне должно быть хорошо без тебя. Но мне было плохо. Не думай, я не страдала без нашей дружбы, мне и без сестры жилось нормально. К тому же я мало, что запомнила из детства, но сохранила в памяти главное: для вас, для тебя, чертовы тараканы, я никогда не была нужной. Так... странная девчонка с дурацкими рисунками. Ну и ладно, Снежана, ладно! Наши пути давно разошлись. Но не чувствуешь ли ты в этом какую-то неправильность? Несправедливость? Я чувствовала и поэтому захотела тебе отомстить. Нет сестры? Что ж, таракан с тобой, ты права, сестры нет. Есть та, что желает тебе испытать все муки ада. Да, Снежана, и мой план был идеален. Я начинала понемногу. Разведала твой тип парней, познакомилась с Михаэло. Придурок назвался так во время нашей совместной гулянки. Не ожидала? Мы гуляли, правда, я была в парике и гриме. Но я оказалась для него слишком... короче, ему хотелось такую послушную дуру, как ты. Я подсказала, где можно тебя встретить, чем зацепить. — Ядовитый смех заполнил пространство. — Как же,

тараканы, легко всё оказалось. Ты настолько наивная, что даже смешно. Ну а дальше... я ждала, когда же в Михаэло проснётся жажда к тирании. С его первой девушкой — они прожили вместе недолго и расстались за три месяца до тебя, ну... как расстались... он её прибил в порыве любви. — Так вот, с ней пристрастие Михаэло проснулось где-то через месяц совместной жизни. Довольно быстро. Не правда ли? Она не стала терпеть побоев и побежала в полицию. Но не добежала. Её встретил Андрей.

Снежана дрожала всем телом. От слёз опухло лицо.

— Это один из моих помощников. Думаешь, встреча случайна? Нет, Снежана. Мои глаза были повсюду. Всего три пары, зато какие: мент, таксист, программист. Поверь, лучшего расклада и не придумать. А как просто женщине втереться в доверие к женщине... Установить камеру в квартире. Слишком просто. — Чиринка выглядела одновременно и бесконечно несчастной, и бесконечно довольной. На губах блуждала безумная улыбка, тогда как глаза продолжали наполняться влагой. — В общем, дело типа завели, девчонка почувствовала себя в безопасности, его же взяли на учёт, осталась с Михаэло, на первый раз простила, а я продолжала собирать на него компромат. Не сама, этим занимался Андрей. Кстати, он же гораздо позднее подправил чуть-чуть биографию самого Михаэло. На всякий случай. Клара учила меня быть предусмотрительной. Но биография — это уже во время вашей совместной жизни. Хорошие были времена. Ты ходила такая запуганная, затюканная. Одно наслаждение. Мне было хорошо. Это, проклятые тараканы, оказалось безумно приятно держать вас всех под колпаком. Я была даже почти счастлива. Но ты же помнишь, а, может, и забыла, «почти» для меня недостаточно. Если игрушки, то настоящие, если одежда, то лучшая, если страдания, то на полную катушку. А ты не всегда страдала. Любовь окрыляет даже в браке с таким психопатом. Дура ты, Снежана. Я бы давно ушла, а ты всё терпела. Спасалась творчеством. Я впервые взялась за спицы, чтобы понять, почему ты держишься рядом с Михаэло. Что за волшебство в этих нитках? А потом... — Чиринка ухмыльнулась, — втянулась. И зародился новый план. Стать твоей коллегой, подругой. Быть всегда рядом. Не только видеть, но и впитывать твои страдания. И размножать, конечно. По-моему, достойная плата за детство. Как думаешь? Я тебя спрашиваю. Чего молчишь? Теперь можешь говорить.

— Я... я думаю, ты сошла... с ума, — еле слышно прошептала Снежана. — Сестрёнка, тебе нужна помощь.

— Хватит называть меня сестрёнкой! Хватит меня жалеть! Я тебя ненавижу и жду того же! Меня бесит твоя всемирная любовь! Хватит быть тряпкой! Ты сплошная мерзость! И всегда была такой! Я разрушила твою жизнь! Я играла с тобой и другими! Я убила Ангелину, убила Михаэло! Он гниёт в подвале, гниёт в этом, сраные тараканы, посёлке! Потому что он полюбил тебя, ничтожную! — она рассмеялась. — Ненормальные тоже способны любить, представляешь? Я вытащила его из тюрьмы, а потом Веня его убил! И знаешь за что? Он соскучился в тюрьме по бабам и стал меня лапать и называть твоё имя! ТВОЁ! ТАРАКАНЫ ИМЯ!

Снежана разрыдалась в голос. У стоявшего за стеклом Рукавицы сжалось сердце. Чиринка выдохлась, грохнулась лбом об стол. Заговорила тише, не замечая боли. Перед глазами стояло лишь оно — ненавистное лицо сестры.

— Мой план был совершенен. Умереть от руки лучшей и самой заботливой на свете подруги, которая окажется твоей забытой сестрой. У меня и доказательства были, кстати, спасибо папочке. Я всё у него узнала перед тем, как сдать в психушку. Но я не зверь. Дала ему выбор. Либо смерть, либо жизнь вдали от меня. Он должен был вычеркнуть из жизни

всё, что касается прошлого. Всё, где фигурировала я или ты. А взамен я обещала хорошие условия, содержание: дом подобрала не какой-нибудь, а частный, один из лучших. Я...

— Значит, ты не такая плохая... — осторожно заметила Снежана сквозь слёзы.

— Я? О, да! Я ангел во плоти! — вновь сорвалась на крик Чирина. — Ангел, убивший твою тётю Нину! Помнишь такую? Ангел, сбивший твою маму!

А тебя я мечтала утопить в ледяном озере, как это сделала с Кларой! Думаешь, я не могла её тогда вытащить? Могла! Но я топтала её пальцы чёрными ботинками! Топтала, потому что Клара меня тоже не любила! Меня никто не любил!

— Я тебя люблю! — прохрипела Снежана и бросилась обнимать сестру. — Я найду врача, я тебе помогу, слышишь? Всё будет хорошо. Тебя не посадят, тебе нужна помощь, Витка... Вита!

Рукавица влетел в комнату, оттащил Снежану, прижал к груди, встав перед Чириной.

— Отцепитесь от меня! Не трогайте! Уйдите! Убирайтесь! — завизжала Виталина. — Это всё из-за тебя, Снежана! Только из-за тебя! Я ждала на рельсах, думала, вы с мамой придёте, но вы не пришли! Вы меня бросили, оставили! Вы обо мне забыли!

— Мы прибежали сразу, Вита! Тебя не было! Не было! Только куртка и всё! Мы искали! Вита, мы всё время искали! Мама даже начала болеть! Но тебя нигде не было! Ты пропала!

— Но я... я... — Чирина растерялась. — Я... я должна была ждать вас. Я... я не помню!

— Вита!

— Искали? Искали... Сплошная ложь. Да уже не важно, что было тогда, Снежана, — слова прозвучали сухо, без каких-либо эмоций. — Всё позади. Я желаю тебе смерти. И детективу, поломавшей все мои планы.

— Хватит. — Рукавица повёл Снежану прочь. Он оставил её в коридоре, а сам вернулся к Чириной и спросил просто, без угроз. — Кто из твоих друзей на свободе? Что ты им велела? Говори.

— Доказать, что чувства способны убить, — улыбнулась Чирина. — Поймёте, что ВРАЧ имеет ввиду, и всё закончится хорошо.

Рукавица с трудом сдержался, чтобы не ударить Виталину.

— Ничего. Ты ответишь, мразь. За всё ответишь.

Глава 54

Имя выбили. Начали поиски упомянутого Вени, оказавшегося при дальнейшем и более тщательном допросе, Вениамином Валерьевичем Содиным, таксистом известной компании перевозок. Начали поиски.

Тщётно.

Последний раз Содин появился на работе за день до поимки Чириной, а после пропал. Он не появлялся ни там, ни дома.

Исчез.

Коллеги, работодатели дали невразумительную информацию о его скрытности, некой отчуждённости. Мол, работал он хорошо, жалоб и нареканий на него не поступало, но был тих, не болтлив и ни разу не замечен за личными разговорами по телефону. Есть у него родственники, нет оставалось неясным. Жены и детей не было. Это стало известно, когда полиция наряду с управленцами пробивали его по базам данным.

Чист. Не привлекался, не сидел. В психдиспансере не наблюдался. Приличный

гражданин, о чьём исчезновении никто не сообщил.

«Затаился...» — решил Рукавица, но продолжил копать под Содина.

Ничего.

Прошло две недели, приближался Новый год, а никаких намёков, угроз в адрес Селивёрстовой или кого-то из участников дела не поступало. Тишина. Будто Чирина соврала о Содине.

Будто месть намечалась лишь в её больном мозгу.

Тоже предположил и врач. Он обследовал притихшую и болезненно отстранённую Чирину, — она замолчала, признавшись, что картину с силуэтом написала сама, копируя то, что увидела у первой мамы, когда начала следить за бывшей семьёй, а морскую тематику любила Клара, — и заключил — принудительное лечение. Никто не удивился. Александру исход даже порадовал. Она по-прежнему не считала Виталину монстром. Убийцей — да, но никак не чудовищем, ведь неизвестно, как бы повернулась её жизнь, останься она в своей первой семье и получи чуть больше любви и понимания у близких.

Не реши родная мать оставить девочку в роддоме, хотя...

Ту женщину нашли. Помогло Управление и связь Власовых. Женщина умерла в возрасте сорока лет, от передозировки лекарств — своей не первой попытки уйти из мира.

Нет. Такая судьба Чириной явно ничем бы не помогла.

Александра Виту жалела.

Снежане рекомендовали психолога: даже после откровенного разговора с сестрой та продолжала жалеть сестру. Кроме того, она её простила.

«Это не Вита убивала», — убеждённо говорила Снежана, — это делали те, кто внушил ей, будто она плохая. Сама Вита не могла убить нашу маму, тётю. Ангела. Нет. Её заставили. Её подавили гипнозом!»

Что касается собственных сеансов гипноза с Чириным, то о них она не помнила. В память врывались фрагменты прошлого, но молниеносно, нечётко. Сознание блокировало события, произошедшие после пропажи сестры.

Снежана помнила: как они с родителями искали Виту, как приезжали в дом за городом. И на этом всё. Провал.

Чирин, в чьём сердце Селивёрстова искала хоть что-то хорошее, не сохранил и капли тепла. Он не сообщил, как вернуть Снежане воспоминания и несколько не жалел о содеянном. Чирин считал, что ради любви можно пойти на что угодно. Настаивал на правоте.

Он умер за несколько дней до Нового года.

Сердце.

Гольцева осудили. Он сам сдался в полицию, в родной отдел, но, учитывая, смягчающие обстоятельства и личность убитого, а также многократные беседы Александры с судьёй, его отпустили под залог: помог Рукавица, лишив жену Лизу очередного отпуска где-то в тёплых краях.

Тридцатого декабря о Содине и об опасности на время забыли. Начались приготовления к празднику. Запоздало, но всё же.

Рукавица вместе с женой и сыном получили неожиданный подарок от Власовых — приглашение в пустующий дом посёлка. К счастью, это был не дом Чириных и не тот, где Содин прятал тело Михаила Розгина — тоже пустующий.

Коттедж находился в самом конце посёлка, почти в лесу, и Лиза настояла на том, чтобы

принять подарок от бизнесмена. Она так давно мечтала побывать в «Жемчужине». Но Рукавица, знавший изнанку посёлка, отказался.

Власов, глубоко ценивший хороших полицейских и, не привыкший получать отказы, выписал им путёвку в Зеленогорск. Лиза была на седьмом небе.

Снежана встречала бой курантов одна. С Марком они расстались. Он налаживал отношения с дочерью и пытался не быть врагом бывшей жене. Снежана радовалась. Она считала семью — самым важным, бесценным подарком, поэтому, сидя у ёлки, писала письмо Виталине. Ничего такого. Лишь о том, что она ей желает выздоровления и мира в душе. Что она её ждёт домой.

Александра не хотела встречать праздник. Накануне они вдрызг разругались с матерью. Та опять начала её называть ненормальной, винить во всём работу и дедушкины гены.

«Он был психом, и ты такая же! Знай, мы с отцом к тебе не приедем!» — крикнула мать. Бросила трубку.

Александра не заплакала. Лишь надела сразу две пары ярко-оранжевых носков, так напоминающих зарубежные апельсины из рекламы, и уткнулась в книжку. Это была классика — «Алые паруса».

Хотелось любви.

Она не могла отделаться от мыслей о Диме. Не знала, почему, но она его любила. Вручила ему своё сердце, как только увидела синие глаза и галстук цвета индиго.

Александра отдала бы всё на свете лишь бы оказаться рядом. Поспорить, поругаться. Просто узнать, что он жив. И, возможно, нет, скорее всего, счастлив без неё.

Звонок в дверь уже после боя курантов смутил, взбудоражил. Встревожил. Родители ехать отказались, а если она кого и ждала, так это Бриза, но он за всё это время ни разу не позвонил. Так стоило ли надеяться?

На пороге стоял друг с огромной коробкой. Виновато улыбался.

— Соседка-бабулька впускает всех подряд. Я с ней столкнулся у подъезда. Она горошек для «Оливье» покупала, домой возвращалась. Рассказала про дикие цены, дикую очередь и сына-олуха, который забыл поставить ёлку, а сама она не может. И что он приехал только сейчас и теперь мучается с искусственным деревом. Она ещё про пенсию хотела рассказать, своё давление, но я вручил ей коробку с тортом и убежал. Так что... извини. На этот раз без десерта. Но зато я принёс обалденный подарок и... и... Впустишь?

Александра обняла его, сама того не ожидая, и долго молчала, уткнувшись в грудь, укутавшись в родной запах кедра и мяты.

— Саш... Пуля, — через какое-то время он отодвинул её и полез в карман. — Тебе письмо. — Протянул конверт. Александра не узнала почерк, но сердце сделало кульбит, а в глазах потемнело.

— Саш... — Бриз подхватил её на руки, грохнув коробку об пол.

— Я... я в порядке.

— Я вижу, — он уложил её на диван, присел рядом. Выглядел искренне обеспокоенным. Селивёрстова сразу забыла о всех своих глупых домыслах и его «побегах». Они были друзьями. Она это чувствовала. Бросила взгляд на выпавший конверт.

— Я могу посидеть на кухне или погулять у дома, а ты считаешь.

— Нет, Бриз, я... я потом прочитаю. — Она почти не сомневалась, что письмо от Димы. И уже эта мысль её согревала. Она же пугала. Александра боялась прочитать оду его счастья. Она решила отложить распятие своей души на потом. — А что там грохнулось на пол? —

спросила, изо всех сил стараясь прийти в себя и не думать. Не думать о Диме.

— Подарок... — смутился Бриз.

— Так показывай! Только я тебе ничего не подготовила, потому что... — едва не напомнила и ему, и себе о расследовании. Нет. Праздник не время для кровавых воспоминаний. Вовремя вспомнила о посылке с «Алиэкспресс» — подушке антистресс в форме пистолета. Улыбнулась. — Подарок есть, но он придёт позже.

— Ничего страшного. Я смотрю, ты вообще не подготовилась. Даже ёлка голая.

— Ты прав.

— Н-да. Хоть какие-то украшения есть?

Она помотала головой:

— Всё выбросила. Новый год с новыми вещами.

— Кошмар. Но... подожди. У меня есть идея. Правда совершенно дурацкая.

— Я люблю дурацкие идеи.

— Тогда... — И Бриз, подобно фокуснику, вытащил из той самой упавшей коробки пакет с носками. — Можем развесить их. Они на крючках. Понимаю, глупо. Я дурак.

— Ты гений! — она поднялась, обняла его, выхватила носки. — Это будет самая лучшая ёлка. Как же я тебя люблю, Бризик!

Оба покраснели, будто в эту минуту произошло что-то особое. Что-то, изменившее давно устоявшиеся отношения.

— Я тоже люблю тебя. Друг, — опустил глаза.

Они вместе развешивали носки. И смеялись, как ненормальные. Зелёные лапы украсили носки всех цветов радуги. Даже красного.

— Красивый оттенок, — заметил Бриз, осматривая ту самую пару носков. — Это же вроде не просто красный, а...

— Ализариновый.

— Ну да.

— А в коробке что? Ты ведь не всё показал.

— О-о-о. Даже не знаю. По-моему, про тот подарок всё же лучше забыть.

— Но ты его принёс! — Сгорая от любопытства, Александра бросилась к коробке. — Комбайн?! Ты шутишь?

— Ну-у-у, что сказать. Я соскучился по твоей стряпне.

Глава 55

Новогодняя ночь принесла покой и мир в сердца многих. Мать Ангелины, наконец, нашла в себе силы бороться за жизнь и под бой курантов даже выпила праздничного морса с соседями по палате.

Старичок, за которым ухаживала Маша Гольцева, встретил удивительную женщину — сестру одной из пациенток, что лежали в палате рядом. Элеонора Васильевна была на десять лет моложе. Она оказалась чудесной. Принесла крошечную искусственную ёлочку, кастрюльку оливье и угостила всех желающих.

Элеонора Васильевна совсем не походила на его покойную Галочку, но он сердцем чувствовал: жена бы легко подружилась с Элеонорой, а, значит, и за него была бы рада. Она часто говорила: жизнь продолжается даже после ухода близких. Она хотела, чтобы он жил, если она уйдёт раньше.

Его Галочка была мудрой.

Элеонора Васильевна оказалась великодушной и не имела даже тени лукавства.

Иннокентий Валентинович знал, она не излечит его старость, но, что намного важнее, она способна излечить его сердце.

Юрий, мастер из тату салона, продолжал оплакивать свою любовь, Ангелину. Он продал салон другу, Кириллу, и решил пойти учиться.

Снова.

Ангелина бы этого хотела. Новогоднюю ночь он провёл за просмотром праздничных программ. Слушая песни старых исполнителей, Юрий искренне улыбался.

Супруги Власовы сошлись. Их сплотила не любовь — утрата. Но это уже было начало для диалога и возможно совсем другой — новой жизни.

Гольцеву накануне выписали из больницы. Дома её ждали сын и светлая память о дочери. Мать с Андреем тихо посидели у ёлки, пересматривая детские фотографии, а затем, под бой курантов дали взаимное обещание: жить ради Маши. Ради надежды на возвращение Димы. Жить вопреки всему. Поддерживать друг друга.

Марк провёл эту ночь с дочерью и бывшей женой. Двое взрослых решили забыть свои обиды. Они любовались на дочь, с нетерпением раздиравшую праздничные упаковки и улыбались друг другу, вспоминая в праздник лишь тёплое и светлое из совместной жизни.

Виталина сидела в палате совершенно одна. Письмо от Снежаны в её руке давно намокло от слёз. Она смотрела на совершенно пустую стену и видела там двух маленьких девочек, двух лучших подружек. Сестёр, что всегда хотели быть вместе.

Грустная улыбка проявилась на лице. Не губы, но сердце сказало: ПРОСТИ...

Снежана не плакала. Почти.

Борясь с одиночеством, она сидела на сайте «Миру по нитке», поздравляла коллег, покупательниц и искренне радовалась, получая добрые слова в ответ, узнавая, как её ценили.

Не забыла она и о тех, кто помог и ей, и сестре: позвонила Рукавице и детективу Селивёрстовой.

Так просило сердце.

Рукавица праздновал с семьёй, но не забыл и о сотрудниках. Смешные поздравления в открытках получили все, кто с ним работал.

Отец Ивана задолго до боя курантов осознал — лишать нормальной жизни сына из-за собственной слабости — грех. Он настоял на том, чтобы Ваня составил компанию Александру. Напомнил о личной жизни. Он давно уже догадался о чувствах сына. И о чувствах Александры знал гораздо больше, чем она сама.

Кошка Матильда, принявшая имя Графиня, с удовольствием кружилась на руках своего нового хозяина. Этот праздник запомнился ей его сладким парфюмом, ароматом мандаринов и бесконечным теплом, каким одаривала прежняя хозяйка.

Кошка вновь была счастлива.

После прихода Бриза Александра вспомнила о празднике. Обзвонила знакомых, поздравила Рукавицу, пожелала долгих лет Анюхину. Дала обещание заглянуть к нему на недельке. Он назвал её своей внучкой, она рассмеялась, чувствуя, как в душе разливается тепло.

Родителям позвонила сама, но они не ответили. Вероятно, и она это помнила, слишком громко включили телевизор.

Бриз всё-таки сбегал в магазин и набрал с полок остатков еды. Им повезло, и стол получился почти что праздничным, разве что без традиционных салатов. Зато удалось купить торт. Не бисквитный. Но тоже очень и очень вкусный.

Шутливая беседа — никаких «Огоньков» и тому подобного — плавно переросла в душевный разговор, а там дошло и до откровений. Бриз раскрыл свою душу, поделился страхами. Пуля не осталась в долгу. Они снова стали прежними — друзьями, что чувствуют друг друга. Людьми, чья близость была намного глубже, чем обоим казалось.

Иван немного ревновал Александру к Дмитрию, но чувство было настолько крохотным, что оно никак не мешало искренне радоваться за подругу, когда та, не прогоняя, читала письмо и улыбалась сквозь слёзы.

Он обнимал её, и Саша не сопротивлялась.

Александре было хорошо. Строчки плясали перед глазами, расплывались в неясные символы, и она боялась предстоящей встречи с Димой, но... Бриз был рядом. Бриз... всегда... был рядом. А что может быть ценнее верного друга?

Нет. Как бы у них с Димой что ни сложилось, Александра знала: у неё всегда будет близкий и самый родной человек. Будет её Ваня.

Новый год закончился у всех по-разному: мытьём посуды, принятием лекарств, встречей с друзьями.

Прощанием с прошлым и, напротив, встречей.

Но единым у героев истории было одно. Чувство спокойствия и веры в лучшее. Чувство, что, несмотря ни на что, ты не один. Пусть, не здесь, но где-то тебя ждут.

Тебя любят.

Уже засыпая, Александра подумала о том, что меньше, чем, через неделю увидит Диму. Услышит его голос, биение сердца.

Узнает, что будет дальше.

Она уткнулась в грудь Бриза, а он погладил её по голове, словно маленькую девочку и прошептал:

— Если счастлива ты, счастлив и я. С новым счастьем, родная.

— Что ты там... — сонно пробормотала она, укутанная в ласку и нежность. В предвкушение прекрасного.

— Ничего. Спи. А я буду охранять твой сон.

Глава 56

Иван проснулся раньше и успел приготовить завтрак. Решил использовать подаренный комбайн, чудом оставшийся целым. Александра прямым текстом объяснила, она с ним вряд ли подружится, но провести тест драйв хвалёного агрегата не прочь.

Не сама, конечно.

Первые полчаса, проведённые на кухне в наступившем году, Иван проклинал собственную болтливость. И угораздило же сказать подруге, будто сам его опробует! Вроде пошутил, но ведь сказал же. Он не был уверен, что Саша оценила шутку. К тому же показаться идиотом с техникой не хотел. И раз пообещал, пускай и не всерьёз, надо сделать.

Но все эти мысли поблекли, когда он сначала поискал в Сети рецепт бисквитного теста, а потом начал разбираться в инструкции. Всё бы ничего, но инструкция на английском никак не помогала пониманию. Что что, а иностранные языки Ивану никогда не давались. И как он проверял коробку в магазине? Куда смотрел? Это же явная халтура! Брак! Где нормальная инструкция?!

Спустя полчаса нецензурных выражений, произнесённых громко и с чувством, но мысленно, Иван решил действовать на удачу.

Когда первый бисквит получил звание Лепёшка, а сам агрегат — Чудовище, Ваня в сотый раз успел пожалеть о задумке. Но Пуля обожала бисквиты, и он ещё ночью забрал с полка все яйца, благо они разбирались медленнее, чем тот же горошек, и был полон решимости довести начатое до конца. Страхи из-за диабета улеглись после честного разговора с отцом, и поэтому он продолжал, надеясь, что подруга проснётся лишь тогда, когда Иван-криминалист станет Иваном-кондитером.

Ещё через полчаса он понял: не судьба. Не желало поддаваться капризное тесто и такая же техника не на уговоры, не на комплименты. Иван никогда бы не подумал, что станет называть венчик для взбивания яиц лапочкой, однако называл и лапочкой, и милочкой, вспоминая, как такими же словами договаривалась с кухонной утварью покойная мама.

Не идеальная новая лепёшка приятно пахла, а не воняла яйцом, но, поразмыслив над такой неоднозначной победой, Ваня решил приготовить ещё и хорошо знакомую яичницу. Для пикантности приправил её перцем, для красоты посыпал крошкой из укропа: всё это он тоже закупил вчера. Надежда порадовать Пулю вкусным завтраком теплилась с момента встречи.

Александра бежала к Диме и никак не могла оказаться рядом. Он удалялся, расплываясь в тумане морозного утра, терялся в белоснежной метели. Открыла глаза, ощущая угрозу. Неясная тревога холодом прошла по пальцам ног, хотя носки — обе пары — были на месте. Сердце неприятно сжалось. Александра села, подтянув одеяло до подбородка, и принялась глазами выискивать письмо. Было оно или нет? Вдруг, Дима не объявлялся, и ей всё приснилось? Страх усилился.

К счастью, оно нашлось. Конверт со спрятанным обратно листком оказался на подоконнике. Там же, где она его в последний раз перечитывала. Бриз его не переключивал, и это было очень приятно. Приятно видеть уважение в таких незначительных мелочах.

Успокоилась. С Бризом всегда спокойно.

А потом учуяла смесь ароматов, услышала шипение сковороды и против воли рассмеялась. Никогда её не встречали завтраком — детство не в счёт — возникло желание сразу вскочить и выяснить, что же творится на вражеской для неё самой территории. Так она и сделала.

Бриз расставлял тарелки, когда Пуля вошла на кухню. Меткий взгляд сразу оценил ситуацию.

— Капитуляция перед монстром? — с улыбкой кивнула в сторону комбайна.

— Доброе утро, лю... — едва не произнёс опасное слово, вовремя нашёлся, изменил, — любимая подруга. Почему сразу капитуляция? Бой был трудный, но я справился. Прощу за стол.

Александра уселась на стул, как-то позабыв о собственном смущении по поводу не расчёсанных волос и не умытого лица, застучала вилкой по дну тарелки:

— Еда! Еда!

Иван парил на крыльях.

Все тревоги, совершенно нелогичные, погибли под тяжёлым бисквитом, а их остатки были заедены отменной яичницей. Саша поймала себя на мысли, что такое утро нужно повторить, но тут же отогнала сам намёк о возможной просьбе к другу.

Посуду мыли вместе за шутливой беседой, вспоминая забавные моменты из работы, ведь даже в их профессиях случались курьёзы, например, когда новички при осмотре тела строили из себя профессионалов, а сами путали венозное кровотечение с артериальным.

От чего-то утро вышло ностальгичным, хотя вот так вот проснулись впервые. Были совместные ночи, проведённые за распутыванием дела, а следом такие же трудные пробуждения, но никогда не было совместного завтрака. Не было лёгкости без всяких ограничений.

Александра вдруг осознала, как хорошо быть честной и открытой в отношениях. Иван просто получал удовольствие от счастливых мгновений.

Но рано или поздно всё хорошее заканчивается. Ване надо было ехать домой, а Саша то и дело замолкала, погружалась в задумчивость, пропуская вопросы мимо ушей, не замечала шуток. Стали прощаться, привычно обменялись поцелуем в щёку.

— Я, пожалуй, поеду, — помялся на пороге.

— Да, увидимся. Здоровья папе.

— Передам. Желая в этом году поменьше психов, — сказал, потому что не знал, что ещё сказать. Саша казалась взволнованной.

— Тогда надо менять работу, — вздохнула она.

— Это не про нас, — улыбнулся. — Не про нас?

Она не ответила.

Ваня забеспокоился, но Пуля взялась за дверную ручку, явно намекая на уход, и он ушёл. У лифта обернулся:

— Это из-за Соколова?

Саша кивнула.

— Он debil, если от тебя откажется, — сказал Ваня и увидел её неуверенную улыбку. — Ладно. Пока.

— Спасибо, Бриз.

Он отвесил шутливый поклон и скрылся в лифте.

Радость и лёгкость рассыпались с его уходом окончательно. К Селивёрстовой вернулась необъяснимая тревога. Рукавица предупредил, чтобы Саша была осторожна. Она подумала об исчезновении Солина и появлении Димы.

О словах Виталины.

«... чувства способны убить».

Дрожащими пальцами схватила письмо, прижала к груди и внезапно чётко осознала: Солин знает о возвращении Соколова, а, значит, Диме угрожает опасность.

Мигом забыла о праздниках, выходных и бросилась звонить Рукавице и управленцам.

Глава 57

Одни продолжали новогоднюю кутерьму, а другие... усиленно копали под Солина, выискивали возможные зацепки, ниточки, снова и снова рылись в деле Чириной, досконально изучали её прошлое, читали дневник, вытряхивали уже известную информацию из поделничков.

Узнали, где Чирина доставала цианид — она делала это сама в гриме и в парике; выяснили, что лилии для убийства Власовой закупал Бурин. Всем остальным занимались Андре и Андрей.

Солин не мелькал нигде. Из чего можно было сделать вывод: как игрок он вступил в

«забавы» Чириной лишь в самом конце.

И это пугало.

Сама Чирина впала в непонятное состояние — молчала и пялилась в одну точку. Врачи сказали: угрозы и физическое насилие здесь не помогут. Душу так не лечат.

День встречи приближался, а на руках полиции не было ничего.

Александра боялась впасть в панику. Позвонила Гольцеву, осторожно узнала, не знает ли он чего о брате. Его ответу не удивилась. Дима написал: семья о возвращении не знает, потому что он ещё сам не решил возвращается или проездом.

Странная фраза.

Но Дима всегда был странным. Он любил удивлять, озадачивать. Письмо в конверте по старинке и текст, набитый на компьютере. Несочетаемо, дико.

Привычно.

Они и Диму пытались найти, и тоже безрезультатно. Управленцы, Власовы по своим каналам пробивали всех недавно прибывших, надеясь поймать Соколова. Но, во-первых, фамилия была распространённой, а времени четыре дня. Во-вторых, имя встречалось слишком часто. В-третьих, проверить всю транспортную систему было нереально. Для этого нужно разрешение с самых верхов, а случай не тот.

За день до встречи Александра всё-таки пробилась куда нужно, однако, её просьбы и едва ли не мольба помочь не были услышаны. Что там смерть какого-то детектива, сотрудничающего с Управлением, это же не теракт, не угроза государственной безопасности. Да и в появление Содина мало верили. Психопатка могла сказать, что угодно. Где доказательства?

Хотя Александра всё же думала солгать о теракте. А вдруг сработает? Но даже проверив самолёты, поезда, автобусы, оставались ещё такси, попутчики и... что самое страшное — и именно это вызывало отчаяние больше всего — Дима умел скрываться.

Гольцев рассказал, как однажды брат пропал. Расплачивался наличкой, прятал лицо. Достал фальшивый паспорт. Его нашли по счастливой случайности, невероятному везению.

Нашли, потому что Дима того захотел.

Александра ненавидела Соколова.

За день до встречи, порядком измятый лист в сотый раз изучался под лупой, просвечивался ультрафиолетом. Пока все скопом готовили спектакль для Содина, Александра искала подсказки от Димы. Надеялась, что он, любитель головоломок, а ведь на этой почве они и сошлись, оставил что-то лично для неё. Какую-то ниточку, которую можно использовать, чтобы дать ему весточку: «Берегись! Ты в опасности!»

Но в этот раз Дима был скучен и банален. Это было обычное письмо. Даже конверт, без подписи, адреса, марки. Безнадёжно пустой, как время ожидания.

Письмо забросил в ящик какой-то мальчишка десяти лет, и его, конечно, нашли, спасибо болтливой соседке, той самой старушке, пропускавшей всех в дом, но мальчик сказал, ему заплатили две тысячи за услугу, подложив письмо в рюкзак. В кармане он нашёл инструкцию, письмо, аванс в тысячу рублей и адрес, по которому получит остальные деньги. Никто не пришёл. В назначенное время, в назначенном месте из старой женской сумочки, указанной в той же инструкции, мальчик забрал деньги. Это было вечером, на углу дома, не попадавшего в объектив уличной камеры.

На нервах Александра почти не спала, а поспать надо было. За эти дни она не отдохнула и восьми часов. Но нет, сон ни шёл. Уставилась в бумагу. Как ни силилась углядеть в письме

хоть что-то необычное, не удавалось. Лёжа в постели, холодной как никогда, и прогнав Бриза, предложившего дружеское плечо и тепло — он хотел просто посидеть рядом — Саша рисовала образ Димы.

Соколов был достаточно романтичным и несколько не удивил её, напомнив о случившемся на месте преступления. Познакомились они у него в офисе, но не там он разыграл дурацкую шутку с её самомнением. Шутку, положившую начало всему. (см. «Эхо над бездной»)

Тот случай у коттеджа жертвы запомнился обоим. Возможно, поэтому Дима попросил прийти с перчатками. Писал, что они будут расследовать причину, изучать улики расставания.

Написал витиевато.

Как любил.

Александра закрыла глаза, не надеясь на сон. Молчаливые слёзы стекали в уши. Она боялась... Она боялась, что изучать придётся не их расставание, а Димин труп. Съежилась под одеялом и начала молиться, хотя в бога не верила.

Тревожное утро, такой же день.

Вечер.

Глава 58

Сумерки пугали тенями и осколками света от уличных фонарей. Александра собиралась на встречу. Она ехала к Поцелуеву мосту, там они с Димой расстались.

Сердце больно билось в грудь, руки дрожали, но Александра храбрилась, держалась, как могла. Со стороны никто бы не заметил, что творится у неё в душе, а там бушевала вьюга: она разрывала на куски, кружила вихрем мыслей, чувств. Студила разум. Интуиция молчала, её удерживал монстр — неуверенность, а потаённые страхи, напротив, выбирались наружу, нагоняя друг друга и выбивая всегда спокойную Сашу из колеи.

Всё было готово. Люди Рукавицы рассредоточились вблизи моста. Один, им был Бриз — притворялся прохожим, фотографировавшим ледяную реку, другой — напросившийся на операцию Гольцев — пялился в телефон, шагая туда-сюда, третий прогуливался с газетным свёртком, из которого торчал бутон розы и нервно поглядывал на часы. Четвёртый, одетый в галстук Димы — отличительный признак Соколова — стоял спиной у начала моста и смотрел вдаль. Он готов был в нужный момент сыграть роль жертвы, и запутать убийцу двойником Соколова, если потребуется.

Управленцы — оружие наготове — тоже играли в прохожих.

Машина скорой помощи стояла неподалёку.

И всё равно Александра страшилась идти на мост. В сумке лежал пистолет, но и он покоя не приносил.

Опасения выматывали.

На мосту, несмотря на поздний час, были люди: влюблённая парочка, какой-то подвыпивший мужик и собачница. Александра надела перчатки, поправила идеально сидящую шапку — условный знак — шагнула на мост. Она подумала, что с начала кошмарной истории двух сестёр прошёл ровно месяц. А потом увидела знакомый силуэт, галстук цвета индиго. И собственную маму с куклой в руках.

Смятение, растерянность. Потеря контроля.

Александра неуверенно шагнула навстречу.

Мама раскрыла объятия, вызвав ещё большее удивление, и звонко произнесла:

— Оказывается, ты замуж выходишь! А от нас с отцом таишься. Саша, ну, наконец-то ты взялась за ум! Правильно, хватит за убийцами бегать, пора дома осесть, детей рожать. — Посмотрела на Диму. — Простите за прямоту, Димочка, но года-то у моей дочери идут.

Александра готова была провалиться сквозь землю. Растерянность сменилась недовольством, переходящим в гнев. Похоже, она дура, повелась на рассказы Виталины, а на самом деле самым страшным за сегодняшний вечер станет унижение перед Димой. Перед всеми! Наглец провернул такое, познакомился с её мамой и ещё не поднимает глаз!

— Стыдно? — обратилась к нему Александра. Увидела, как губы изогнулись в улыбке. — Димочка... — Мамина интонация не вышла, но Селивёрстова надеялась, прозвучало с достаточной издёвкой.

— Саша, ну как ты с женихом разговариваешь?

Александра не ответила маме, потянулась — ещё один условный знак. Он означал не о чем беспокоиться, и «прохожие» начали расходиться. Остались только Бриз и Гольцев.

— Соколов, дьявольская муть, ничего не хочешь объяснить? Что глаза прячешь? Зачем маму привёл? Ты, вообще, обалдел? Ты...

Начинался скандал. Эмоции взяли верх, напряжение пустилось в пляс: безумный и неукротимый. А Дима всё не поднимал головы, будто действительно стыдился.

Гольцев стоял на месте. Бриз почувствовал его напряжение.

— Там не твой брат. — Не спросил, утвердил.

— Не знаю. Понимаешь. Я давно его не видел, а Димка он... странный человек. Но.. Это не Димина поза. Куртка похожа, галстук его, любимый, но... Чёрт, галстук поверх куртки? И почему он выставил правую ногу вперёд?

Те же вопросы посетили и Александру, но они просвечивались где-то там, в закоулках сознания, за пеленой радости и других бушующих эмоций. Её мать сказала про свадьбу. Что?!

У Ивана не было времени думать, он боялся лишь за жизнь своей Пули. Рванул к ней, крича:

— Девушка! Вы обещали мне фотографию!

Он надеялся, она сообразит, отойдёт в сторону, ведь загоразживает убийцу! Но Александра застыла, как вкопанная.

А Соколов поднял голову.

«Чужие глаза! — пролетела ужасающая мысль в голове Селивёрстовой — Чужое лицо. Грим».

А потом она беспомощно смотрела на нож в руке убийцы, на то, как падает сначала кукла в синем платье, а затем и мама.

Крики, выстрелы. Тот человек, которого она приняла за Диму, перевалился через ограду и полетел вниз.

Саша беззвучно опустилась на колени, прижалась губами к лицу мамы. А затем начала в отчаянье бить советскую куклу. Слезы застилали глаза, и она не видела, как маму грузили на носилки, как один из медиков сказал: жива.

Бриз что-то говорил снова и снова. О чём-то спрашивал.

Последняя мысль Александры касалась Димы. В произошедшем она винила его.

Боль пронзила тело.

— Саша!

Бриз развернул её к себе.

— Чёрт! Да ты же ранена! Скорую! Сюда!

— Ваня, отойди. Носилки!

— Она теряет сознание! Саша! Сделайте что-нибудь!

— Ваня, не мешай!

— В машину её, срочно!

— Саша... ты слышишь?

Она не слышала. В сознании ворочалась фраза из дневника: «*Все умрут. Тетя Нина, Ангел, Лилька, Юла. И ты...*» А под этими именами алым светились рисунки ненавистных Витой рыб.

Рыб, уплывающих навсегда.

Глава 59

Когда умерла мама, Ваня не плакал, ведь он должен был держаться ради отца — он нужен был ему. А сейчас отец нужен был Ване.

Они сидели вдвоём в приёмном. Отец прижимал сына так, как умел — не слишком нежно, по-приятельски. Ваня хмурил брови, сдерживая слёзы.

Бесполезно.

Те падали и падали, делая из него какого-то нюню, размазню. Разве такого бы хотела увидеть Саша, очнись она в эту минуту?

Минуты... Они уходили так быстро. Врачи ничего не говорили ни о Саше, ни о её маме. Ожидание убивало.

— Она сильная, — утешал отец, — ты же знаешь. Вспомни, скольких она подонков помогла поймать? Скольких мерзавцев раскусила? Да ей ещё пахать и пахать в этой вашей полиции! Так что нет, Ванька, она не умрёт. Ей совесть не позволит.

— И мечта, — улыбнулся Иван. — Она мечтает сразиться интеллектом с выдающимся преступником.

— Мечта — это хорошо. Мечты помогают жить. Принести тебе кофе или ещё чего из автомата?

— Нет. Просто, — тяжело вздохнул, — посиди со мной рядом.

Гольцев стоял у окна, общался с мамой. О брате ничего не сказал. Соврал, будто встретится с другом и теперь выслушивал по телефону недовольство: он солгал, и она это прекрасно знала.

— Мы должны быть честными друг с другом. Слышишь?

— Да, мам. Но моё отсутствие и правда никак не касается нашей семьи. Тут... несчастье с коллегой.

— Он хоть выжил? — забеспокоилась женщина.

— Выживет. Она сильная.

— Андрюша, а это случайно не детективша?

— Она. Да всё будет в порядке! Не волнуйся.

— Детективша очень нашей Машеньке нравилась. Она всем о ней рассказывала. Такая смелая, решительная. Отчаянная. Машенька хотела быть такой же. Не бояться. Она же... всё-всё собирала. Даже сплетни у твоих коллег. Да простит меня, моя доченька за то, что её секреты выдаю. Машенька... — послышались всхлипы.

— Подожди, мам. Ты сейчас о чём? У каких коллег?

— А приходил какой-то. Они у дома встречались. Он на машине приезжал, таксист ваш, вроде. Любезный такой. Помог мне с сумками.

— Мама!

— Что мама? А что я такого сделала?

— У меня нет коллег-таксистов!

— Не кричи. А что случилось-то?

Андрей уже догадался, кем был таксист.

— Всё нормально. Прости. Скоро буду. Не волнуйся. — Повесил трубку и сразу набрал Рукавицу.

— Знаю, — сказал тот, услышав Гольцева, — Седин выведал про мост у Маши, а она, конечно, знала о расставании с Соколовым. Об этом знали и в Управлении, и у нас.

— И я знал.

— Вот-вот. Да тот же Резников рассказывал о расставании на мосту, вина Соколова в страданиях Саши. Седин сказал: план Чириной с самого начала касался её. Всплакнул.

— Совесть? — недоверчиво уточнил Гольцев.

— Какая совесть, Андрей? У таких отморожков её быть не может! Страдалец переломался чуток при падении, пуля в плечо навывлет, и грозитя теперь нас засудить. Из-за своей судьбы страдает. Он же бедный, Чирина его соблазнила, а потом купила. А он пожить нормально захотел. Бред, короче. И мы у него виноваты. Общество, в смысле.

— Как обычно.

— А таким, как он ничего и не остаётся, — в трубке хмыкнули. — И, кстати, Седин и Римскую собирался убить. Но не сразу, обещал Чириной её помучить.

— Обломались, — хмыкнул Гольцев.

— И слава богу.

— Я только не понимаю одного, Владимир Андреевич, если Чирина всё продумала заранее...

— Не заранее. Запасной план.

— Откуда ей было знать, что Саша займётся делом ВРАЧА?

— Одноклассница, Васильева. Первая жертва. Наша Саша не прошла бы мимо такого дела. А придуманный маньяк ВРАЧ с отвлекающими рунами только подогрел интерес. Кто не знает, как Селивёрстова обожает головоломки?

Гольцев тоже выругался, вынужденно соглашаясь. Подцепить детектива на крючок было, к сожалению, довольно просто.

— И ведь тоже гримировался, гнида... Чирина научила. Талант года, чтоб её... — прошипел Рукавица. — Поэтому и найти его не могли. Ещё и прятался под фамилией матери. Продуманный... тварь. — Замолчал. Было слышно, как закурил. Совсем иным тоном прозвучало:

— Как она?

— Неизвестно, — тихо ответил Гольцев.

— Будем надеяться.

— Будем надеяться.

Спустя пару часов.

Дима уходил. Александра изо всех сил пыталась его догнать. Казалось, сейчас она протянет руку, и коснётся его плеча, почувствует тепло. Но стоило ей в это поверить, как он

удалялся. То ли по волшебству, то ли по воле злого рока. То ли... по собственному желанию.

Он не хотел быть с ней.

Горькое осознание саднило душу, ядом растекалось по сердцу, заставляя его работать всё быстрее и быстрее, словно торопясь куда-то, словно, Саша могла что-то не успеть.

Дима уходил. Его силуэт расплывался, расплывался бесформенной кляксой, а затем начал исчезать.

Она желала ему счастья. Пусть он будет не с ней — с другой, но лучше так. Главное... пусть будет живой.

Горечь пропала. Сердцу стало тепло. Сначала ему, а затем и телу. Александра почувствовала прикосновение к руке и обернулась.

— Мне сказали, тебя можно навестить. Поговорить. И вот... я здесь. Остальные ждут в коридоре, волнуются за тебя, а ты всё лежишь. — Вздох. — Саша... Саша, я обещаю баловать тебя тортами еженедельно. Слышишь? Нет. Ежедневно. Если хочешь. И буду твоим самым лучшим помощником, учеником. Называй, как нравится.

Она открыла глаза и поймала тень на потолке. Или муху? В больнице всегда есть мухи.

— А ещё я скуплю для тебя все носки, какие захочешь. Даже самые смешные. Даже тех же цветов! Только... — крепко сжал её пальцы.

— Только... — еле слышно произнесла Александра, — не заставляй меня вставать к плите.

— Саша... — Иван заплакал, не стесняясь. — Сашенька...

Глава 60

Когда появились силы, не только физические, Александра навестила маму. Та медленно шла на поправку и, к счастью, когда не спала, молчала. О случившемся не говорили. Они, вообще не говорили. Саша сидела рядом, держала её за руку и слушала неровное дыхание. Когда маму накрывал сон, Саша плакала. Тихо. А потом выходила из палаты и возвращалась к себе.

На выписку явились все. Даже старик Анюхин. Александра была растроганна и плохо сдерживала эмоции. После случившегося держать лицо оказалось непросто. Привычный образ, словно, надломился, потерял упругость, способность принаравливаться к обстоятельствам.

Бриз всё это время был рядом. Приносил соки, пирожные с кремом, хотя врачи и запрещали. Жирное не помогает выздоровлению. Читал ей книги. Смешно держа выражение — выходило гротескно, — и делая чрезмерные паузы в особо трогательных моментах.

Это были не любимые детективы или триллеры. Романы. Наивные и красивые. Чутьочку сказочные.

Сашина душа требовала отдыха. Требовала покоя.

Маму выписали на неделю позже. Возраст, небольшие осложнения. Саша поехала забирать её вместе с отцом. Бриз отвёз их туда и обратно.

Отец вился вокруг жены, всячески угождал, пытаясь таким образом загладить вину. Когда пришёл Седин, его не было дома — ходил в аптеку. Ловил акции. А ведь, если бы не его чрезмерная экономность, скупость, то...

Но никто его не винил.

Посидели вчетвером, выпили чая. Александра пообещала привезти все необходимые лекарства и уже вечером выполнила обещание. Заехала — Бриз ждал в машине — отдала

пакет и попрощалась.

— Кукла была ужасной идеей, — услышала слабый голос матери.

— Да.

И на этом всё. О трагедии больше ни слова.

Дома Саша захотела остаться одна. Иван не обиделся — понял. Да и ему надо было к отцу и к Графине. Кошка ела, как бульдозер, жирнела, отец радовался, а Ваня хотел почаще быть рядом с папой в такие редкие мгновения.

Закрыв дверь за Ваней, Александра долго слонялась по квартире, думала о маме, о кукле. Совершенно дурацкая угроза прямиком из юности, наконец, сбылась. Мама всегда грозила выбросить Марусю. Кричала:

«Когда ты повзрослеешь и всё-таки возьмёшься за свою жизнь, я её выброшу! Клянусь! Даю тебе слово! Как только ты, Саша, избавишься от своей работы и найдёшь мужа, я от неё избавлюсь. Хватит играть в куклы!»

А она и не играла. Маруся в своём неизменном синем платье с кружевным передничком, подаренная ещё дедушкой, когда Саша только-только родилась, была не игрушкой. Маруся была пособием, с помощью которого девочка, у которой всегда были трудности с мамой, училась заплетать волосы, красить губы и ногти. Подбирать оттенки и тона.

Однако, годы шли, и Саша выросла.

Однажды она посадила Марусю в углу кровати, у стеночки и покинула отчий дом, оставляя детство и все его признаки там, рядом с куклой.

Игрушку отвезли в участок. Теперь она лежала на складе с уликами, и Александра не собиралась туда ходить, плакаться Марусе в кукольное плечико. Нет. С Марусей так же, как и с делом Чириной она рассталась.

Навсегда.

Привычный чай в любимой кружке с космосом, кусок бисквитного торта, завезённый Бризом. Письмо.

Александра пообещала себе оставить прошлое в прошлом, но сначала...

Она снова достала бумагу из конверта и принялась читать.

«С Новым годом! Сюрприз удался? Знаешь, Саш, что-то новое надо начинать, выбрасывая всё старое. Так что... Я хочу встретиться. Я... соскучился. Ты мне веришь? Надеюсь, да. Мы расстались как-то странно, и я думаю, нам стоит вновь увидеться. Поговорить, всё выяснить. Поработаем вместе, как раньше. Захвати перчатки. Будем изучать причину расставания, расследовать улики. Не хочу думать, будто это был конец. Помнишь мою шутку на месте преступления? Конечно, помнишь. Тогда и началась наша история, и я не хочу, чтобы она закончилась вот так. А ты?»

Моя семья не знает о том, что я неделю, как вернулся, потому что я ещё сам не решил: навсегда или проездом.

Саш... приходи на наш мост, на Поцелуев... вечером пятого января. Пожалуйста. Давай закончим весь этот бардак. Давай поговорим...»

Она сложила письмо и вытерла слёзы. Наверно, это был конец. Дима не хотел, чтобы его нашли. Не стремился быть с ней. Что ж. Главное, чтобы он был жив, остальное... лирика.

Глава 61

— И как Рукавица тебя отпустил? — улыбаясь, спросила Александра, когда машина проехала очередной маленький домик.

— Как-как? Незаменимых нет. А если честно, он понимает, что иногда и криминалистам нужен отдых. После смерти мамы и вообще... Я давно не брал отпуск за свой счёт, так что... — сделал паузу, кивнул налево.

— Туда?

— Да. Не самый красивый дом из представленных и не самый лучший вид, лес подальше, зато морозная свежесть и свобода от городской суеты гарантированы.

— Всё хорошо, Бриз.

Они подъехали к домику с покосившейся крышей. Иван открыл дверцу, Александра вышла, вдохнула полной грудью.

— Здесь можем делать, что угодно, — Иван подхватил сумки. — Читать, мечтать, не делать ничего. А можешь рисовать. Хочешь?

— Я не умею, — рассмеялась.

— Я тоже. Тогда читать? Я тебе купил пару новых детективов. Никакой крови, как рекомендовала Милана Георгиевна, никаких потрясений. Но море загадок.

— Интрига, — приподняла бровь.

— Просто детективы для подростков. — И сразу зачастил. — Но если они тебе не понравятся, я...

— Бриз, всё хорошо. — Александра широко улыбалась. — По секрету скажу: я очень люблю детскую литературу.

Он выдохнул с облегчением.

— Не волнуйся. Скучать я не буду. Ты же рядом. Кстати... будешь моим подопытным кроликом?

— Ты всё-таки решила готовить?

— Нет. Этим будешь заниматься ты. Или доставка еды. Я о другом. После приёма я нередко сталкивалась со Снежаной. Она в порядке. Пытается быть в порядке. Снежана не бросила вязать и...

— И ты тоже захотела попробовать? — догадался Иван.

— Да. Начну с шарфиков для тебя, а если получится дойдём до свитера. А потом я попробую связать...

— Огонь. — Произнесли одновременно.

— Воплотить страх в реальность, придать ему форму. Поиграть с ним — это следующий шаг в работе с Милой.

— Психолог не обижается за такое обращение?

— Она меня старше на пять лет. Какое может быть выканье? Мы приятельницы.

Иван кивнул.

— Хочешь вязать — вяжи. Я привезу тебе нитки.

— А я уже купила. И среди цветов нет алого.

— Прогресс.

Оба улыбнулись.

— А теперь в дом?

— Да, холодновато. Зима в этом году неласковая.

— Но посмотри, сколько вокруг снега! Нет, посмотрим позже. Сначала греться и обедать. Ты проголодалась?

— Угадал. Подожди! Мама дала нам блинчиков!

— Тогда начало обеда положено. Хорошо, что вы с мамой поговорили по душам.

— Хорошо, что Мила меня заставила, — хмыкнула Александра.

Вечером они сидели на диване. Ваня с позволения Саши играл на телефоне в какую-то стрелялку, а она наслаждалась миром вокруг. Миром в душе.

Иногда отдых необходим. А заодно смена обстановки, декораций. Взгляд на собственные проблемы со стороны. Психолог действительно помог, и, соглашаясь на поездку с Бризом, она знала — это правильное решение. Оба отдохнут, сблизятся. Возможно, перестанут строить преграды, препятствия. Возможно, разберутся в чувствах.

Саше было хорошо с Ваней. Пожалуй, даже опасно хорошо. Временами проскальзывала мысль о семейном счастье, но Александра её прогоняла, потому что ещё помнила Диму, до конца не залечила раны.

Потому что была не готова.

Бриз, несмотря на очевидные чувства, принимал эту игру. Он был верным, честным.

Настоящим.

Но... быть друзьями... Пока этого было достаточно.

Саша взглянула на Ваню. Он проиграл и теперь корчил страдающую мину, как ребёнок. Улыбнулась. Он перехватил её взгляд.

— Тупая игра. А ты уже придумала название делу с Чириной? И тут же спохватился. — Прости, я не подумал.

— Всё хорошо, Вань.

Вань...

Раскраснелся. Она редко его так называла.

— Кружева лжи. Сплошной обман, но как красиво преподнесён. Как по-женски.

— Мне нравится. Но больше о работе не будем. Прогуляемся?

Кивнула.

Стемнело. Пошёл настоящий снегопад. Он стеной закрывал дорогу, по которой они приехали. Александра подумала о возвращении в город. Рукавица «убрал руки» от её клиентов, и просьбы помочь посыпались с новой силой. Она знала, её ждут расследования: увлекательные и мучительные, интригующие и опасные.

Знала, что без любимого дела не сможет.

И она готова была вернуться к людям с искалеченной психикой, искалеченной душой. К монстрам, что забирали жизни играючи.

Готова.

А чтобы выдержать ей требовалась самая малость — знать, что Бриз всегда рядом.

Она прижалась к нему, он взял её за руку, и они направились дальше.

Вдвоём.

Улыбаясь.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net